

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379

Серия

2014 / № 3

ЛИНГВИСТИКА

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

2014 / № 3

Series

ISSN 2072-8379

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров В.Е. – д.ф.м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)

Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

Конищев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ

Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ

Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., проф. МГОУ

Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ

Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл. ред. «Литературной газеты»

Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ху Гумин – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

ISSN 2072-8379

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2014. № 3. – М.: ИИУ МГОУ. – 118 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26301

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40713

© МГОУ, 2014.

© ИИУ МГОУ, 2014.

Редакционная коллегия серии «Лингвистика»

Ответственный редактор серии:

Ощепкова В.В. – д. филол. н., проф.

Заместитель ответственного редактора серии:

Жирова И.Г. – д. филол. н., проф.

Ответственный секретарь серии:

Максименко О.И. – д. филол. н., проф.

Члены редакционной коллегии серии:

Левченко М.Н. – д. филол. н., проф.; **Скуратов И.В.** – д.

филол. н., проф.; **Хухуни Г.Т.** – д. филол. н., проф.; **Эпи-**

фанцева Н.Г. – д.филол.н., проф.; **Латышев Л.К.** – д.

филол. н., проф.; **Туголукова Г.И.** – канд. филол. н.,

профессор; **Гринев-Гриневиц С.В.** – д. филол. н., проф.

(Белостокский университет, Польша); **Пан Ке Ен** – д. фи-

лол. н., проф. (Университет иностранных языков Хангук,

Республика Корея); **Герберт Пихт** – д. филол. н., проф.

(Дания); **Сесил Л. Нельсон** – доктор лингвистики, Уни-

верситет штата Индиана, (г. Терре-Хот, США)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Linguistics»

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor of Philology, Professor

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor of Philology, Professor

Executive secretary of the series:

O.I. Maximenko – Doctor of Philology, Professor

Members of Editorial Board:

M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor; **I.V. Skuratov** –

Doctor of Philology, Professor; **G.T. Khukhuni** – Doctor of

Philology, Professor; **N.G. Yepifantseva** – Doctor of Philology,

Professor; **L.K. Latyshev** – Doctor of Philology, Professor; **G.I.**

Tugolukova – Ph. D. in Philology, Professor; **S.V. Grinev-**

Grinevich – Doctor of Philology, Professor (Bialystok University,

Poland); **Pang Gyo-Youn** – Doctor of Philology, Professor (Hankuk

University of Foreign Studies, Korea); **Heribert Picht** – Doctor

of Philology, Professor (Denmark); **Cecil L. Nelson** – PhD in

Linguistics, Indiana State University, Terre Haute, Indiana, USA

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru

Site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

K.F. Zatulin – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University

Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

ISSN 2072-8379

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Linguistics». 2014. № 3. – M.: MSRU Publishing house. – 118 p.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 0С77-26301

Index of the series «Linguistics» according to the union catalog «Press of Russia» 40713

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Воложанина Ю.В.</i> РОЛЬ КАТЕГОРИИ ТОЖДЕСТВА В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОСТРОЕНИИ ЭПИГРАММАТИЧЕСКИХ СЕРИЙ.....	8
<i>Гаврилова Ю.В.</i> СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ МАЙКЛА ХАЛЛИДЕЯ.....	16
<i>Колесников А.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА ИСПОЛНИТЕЛЯ И АУДИТОРИИ В РАМКАХ ДИСКУРСА ХИП-ХОП КУЛЬТУРЫ.....	22
<i>Лозовая Н.Г.</i> ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КАК ОСНОВА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НАЗВАНИЙ СУБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	30
<i>Цзюй Хайна.</i> ОБРАЗНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВРЕМЕНИ В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	37

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

<i>Меркурьева Н.Ю.</i> О МЕСТЕ ПРИСОЕДИНЁННОГО ВОПРОСА В ПРЕДЛОЖЕНИИ.....	44
<i>Чернышова Л.А.</i> ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	51

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ганина О.С.</i> АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ, В РОМАНЕ М. МИТЧЕЛЛ «УНЕСЁННЫЕ ВЕТРОМ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	57
<i>Гнатюк О.А.</i> ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ РУССКО-ИСПАНСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ.....	64
<i>Ерошин А.П.</i> ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА СЛОВЕСНОЙ ИГРЫ В АУДИО-МЕДИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ.....	70
<i>Музыченко Е.Я.</i> ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЧЕТВЁРТОЙ «ДУИНСКОЙ ЭЛЕГИИ» Р.М. РИЛЬКЕ).....	76
<i>Осипова А.А.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ КНИГИ ЕЗДРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СИНОДАЛЬНОГО И СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДОВ).....	84
<i>Ражева Е.С.</i> ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАСЕКОМОГО В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПЧЕЛЫ / ВЕЕ).....	93
<i>Скатова Д.Д.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ, СОЧЕТАЮЩИХСЯ С ЛЕКСЕМОЙ “SMILE” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ, “SOURIRE”(M.) ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И “УЛЫБКА”(Ж. P.) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	99

**РАЗДЕЛ IV.
РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Харламова М.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЭМОЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПРЕССЕ 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ: ХУХУНИ Г.Т., БЕЛЯЕВА И.Ф.,
ВАЛУЙЦЕВА И.И., ВЕКОВИЩЕВА С.Н. ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВИСТЫ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. – М.: ИИУ МГОУ, 2013 112

НАШИ АВТОРЫ 115

CONTENTS

SECTION I. THEORETICAL QUESTIONS OF A GENERAL LINGUISTICS

<i>Y. Volozhanina.</i> CATEGORY OF IDENTITY IN EPIGRAMMATIC SERIES STRUCTURAL AND SEMANTIC CONSTRUCTION	8
<i>J. Gavrilova.</i> SYSTEMIC-FUNCTIONAL APPROACH IN MICHAEL HALLIDAY LINGUISTICS.....	16
<i>A. Kolesnikov.</i> REALIZATION OF THE PERFORMER - AUDIENCE DIALOG IN THE HIP-HOP CULTURE DISCOURSE.....	22
<i>N. Lozovaya.</i> IDEOGRAPHICAL CLASSIFICATION AS BASIS OF CONCEPTUALIZATION OF THE NAMES OF SUBJECTS OF CULTURAL ACTIVITY IS IN THE UKRAINIAN LEGISLATION.....	30
<i>Tsjui Haina.</i> IMAGINATIVE TIME PARAMETERS IN MODERN CHINESE PHRASEOLOGY	37

SECTION II. LANGUAGE UNITS OF LANGUAGE SYSTEM

<i>N. Merkur'yeva.</i> THE POSITION OF THE TAG-QUESTION IN A SENTENCE	44
<i>L. Chernyshova.</i> INTERNATIONAL TERMS AS PART OF PROFESSIONAL LANGUAGE WORLD IMAGE	51

SECTION III. COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>O. Ganina.</i> ANALYSIS OF LEXICAL UNITS NOMINATING ITEMS OF CLOTHES IN M. MITCHELL'S NOVEL 'GONE WITH THE WIND' AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN	57
<i>O. Gnatyuk.</i> GRAMMATICAL INTERFERENCE IN RUSSIAN-SPANISH BILINGUALISM.....	64
<i>A. Eroshin.</i> THE PROBLEM OF REACHING ADEQUATE WORDPLAY TRANSLATION IN AUDIO-MEDIAL TEXTS	70
<i>E. Muzychienko.</i> TYPES OF SENTENCES IN A POETIC TEXT (IN THE TEXT OF R.M. RILKE'S FOURTH ELEGY OF THE POETIC CYCLE "DUINO ELEGIES" AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS)	76
<i>A. Osipova.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE BOOK OF EZRA (ON THE MATERIAL OF SYNODAL AND MODERN RUSSIAN TRANSLATIONS)	84
<i>E. Razheva.</i> AN ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF AN INSECT IN ENGLISH AND RUSSIAN (BASED ON THE ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF BEE / ПЧЕЛА).....	93
<i>D. Skatova.</i> LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF VERBS, COMPATIBLE WITH THE LEXEME "SMILE" IN THE ENGLISH LANGUAGE, "SOURIRE"(M.) IN THE FRENCH LANGUAGE AND "УЛЫБКА"(Ж. Р.) IN THE RUSSIAN LANGUAGE.....	99

SECTION IV. ROMANO-GERMAN LINGUISTICS

<i>M. Harlamova.</i> PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING EMOTIONS AND EMOTIONAL STATES OF A PERSON IN THE FRENCH YOUTH PRESS	106
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

REVIEW OF THE PAPER BY G. KHUKHUNY, I.BELYAEVA, I.VALUYTZEVA,
S.VEKOVISCHEVA LINGUISTICS AND LINGUISTS: THE PAST AND THE PRESENT
MOSCOW: MGOU PUBLISHING HOUSE, 2013 112

OUR AUTHORS 115

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81–119

Воложанина Ю.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ТОЖДЕСТВА В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОСТРОЕНИИ ЭПИГРАММАТИЧЕСКИХ СЕРИЙ

Аннотация. Данная статья представляет собой аналитическое исследование принципов построения серии эпиграмм в структурном и семантическом плане на всех уровнях языкового абстрагирования: от поверхностного уровня стилизованного речетворчества до глубинного логико-мыслительного уровня. Последовательное рассмотрение структурно-семантических особенностей фактического материала позволяет установить уникальную интегрированность компонентов эпиграмматической серии, квалифицируемой как целостный текст. В статье сделан акцент на роли лингвистической категории тождества и таких её компонентов, как элективность и идентификация в процессе построения текста такого рода.

Ключевые слова: инвариант, категория тождества, авторский ракурс, структурная рамка, речевой комплекс, микротема, элективность, идентификация.

Y. Volozhanina

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

CATEGORY OF IDENTITY IN EPIGRAMMATIC SERIES STRUCTURAL AND SEMANTIC CONSTRUCTION

Abstract. The article presents analytical research of structural and semantic principles of the epigrammatic series construction on every level of language abstracting: from the surface level of stylized speech production to the deep-laid logical level. Comprehensive research of structural and semantic peculiarities of the actual material shows that the components of epigrammatic series are closely integrated, thus allowing to regard the series as an integrated text. The article underlines the role of the linguistic category of identity, in particular, identification and electivity as its components, in the process of producing this type of text.

Key words: invariant, category of identity, author's foreshortening, structural frame, speech complex, microtheme, electivity, identification.

© Воложанина Ю.В., 2014.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена сформировавшейся тенденцией в современной науке к познанию внутренних закономерностей процесса речетворчества, результатом которого является целостный текст [2; 3; 5; 6; 10]. Необходимость раскрытия структурно-семантических особенностей построения серии эпиграмм, в этой связи, обусловлена отсутствием исследований по данной теме.

Объектом рассмотрения и последующего анализа выступили стилистика английского языка и стилистика речи в её полном объёме. Предметом послужили характерные особенности организации текста эпиграмм в серии как на поверхностном, так и на глубинном уровне своего построения.

Следует особо отметить отсутствие каких-либо отечественных исследований эпиграмм в рамках серий, в связи с чем аналитическое рассмотрение данных текстов представляет особый научный интерес.

Текст эпиграммы как разновидности малого поэтического жанра английской литературы характеризуется наличием микротематической речевой ситуации, что обусловлено крайне небольшими размерами произведений, поскольку их количественная наполняемость не пре-

вышает 16 строк [1, с. 15]. В этой связи в тексте отсутствует сюжетная перспектива как одна из составляющих процесса декодирования авторского ракурса на уровне стилизованного речетворчества. Функции передачи сюжетной линии принадлежат инварианту, который в эпиграмме имеет сквозное присутствие на всех уровнях языкового абстрагирования, будучи, во-первых, ключевым компонентом авторского ракурса и, во-вторых, узловым элементом функциональной смысловой зависимости [4, с. 109].

Аналитическое рассмотрение эпиграмматических серий обнаруживает наличие в них темы, составляющей сумму микротем отдельных текстов представленных в серии эпиграмм. Считаю целесообразным наглядно представить типичный анализ фактического материала, которым, в частности, послужила серия язвительных эпиграмм шотландского поэта Роберта Бёрнса, адресованная лорду Гэлоуэю. Данная серия из четырёх четверостиший представлена ниже с художественным переводом С.Я. Маршака первых трёх эпиграмм и нашим построчным переводом последней ввиду отсутствия её художественного перевода:

What dost thou in that mansion fair?
Flit, Galloway, and find
Some narrow, dirty, dungeon cave,
The picture of thy mind.

On the same
No Stewart art thou, Galloway,
The Stewarts all were brave:
Besides, the Stewarts were but fools,
Not one of them a knave.

Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору –
Душе твоей под стать!

Нет, вы – не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!

On the same
Bright ran thy line, O Galloway,
Thro' many a far-fam'd sire:
So ran the far-famed Roman way,
And ended in a mire.

On the same
Spare me thy vengeance,
Galloway!
In quiet let me live:
I ask no kindness at thy hand,
For thou hast none to give.

В его роду известных много,
Но сам он не в почёте.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте...

Избавь меня от своей мести,
Гэлоуэй!
Позволь мне жить в покое:
Я не прошу добра,
Потому что тебе нечего мне дать.

Данная эпиграмматическая серия является уникальной для английской эпиграматики в целом благодаря своим структурно-семантическим характеристикам, которые не умаляют художественной ценности каждой отдельно взятой эпиграммы из серии. Фактор адресата выступает одной из ключевых категорий в данных эпиграммах, благодаря чему читатель-реципиент однозначно воспринимает обличительный тон произведений и крайне отрицательную оценку автора. Реализация фактора адресата осуществляется через прямое обращение, оформленное эмоциональными языковыми средствами в каждой из четырёх эпиграмм. В первой эпиграмме обращение разрывает однородные императивы (*Flit, Galloway, and find*), во второй – актуализирует личное местоимение «*thou*» (*No Stewart art thou, Galloway*), в третьей – образует эмоциональную структуру с междометием «*O*» (*Bright ran thy line, O Galloway*), в четвёртой – обладает эмоциональным пунктуационным оформлением с использованием восклицательного знака (*Spare me thy vengeance, Galloway!*).

Каждое отдельно взятое произведение из данной серии посвящено раскрытию и порицанию определённого порока объекта-адресата, наличие ко-

торого является субъективным мнением автора, в процессе экспликации которого он обнаруживает своё присутствие в канве текста. Таким образом, представляется возможным констатировать присутствие категории персональности в тексте. Данная текстообразующая категория проявляется по шкале возрастающего отрицательного качества авторской оценки. Градация нарастающего негативного отношения автора эксплицирована следующими лексическими средствами: *narrow, dirty, dungeon* → *a knave* → *ended in a mire* → *no kindness*.

Данное явление также находит своё отражение в микротемах каждого произведения. Важно отметить, что микротематическая речевая ситуация в тексте каждой из четырёх эпиграмм функционирует в рамках одного составного речевого комплекса. Реализация замысла автора через один речевой комплекс, равный целому тексту, осуществляется благодаря категории тождества. Данная лингвистическая категория претворяет в речь графически-пунктуационную стратегию, являющуюся составным компонентом авторского ракурса. В этой связи, во всех четырёх эпиграммах наблюдается использование внутренних знаков препинания на пунктуационных по-

зициях внешних, в то же время вопросительный знак в первой эпиграмме и восклицательный знак в четвёртой функционально выступают в качестве внутренних знаков препинания. Таким образом, обеспечивается единство речевого комплекса, связующим звеном которого, помимо графически-пунктуационного оформления, выступает инвариант, который на уровне авторского ракурса имеет сжатые очертания, в то время как на уровне стилизованного речетворчества раскрывается через варианты, составляющие речевой комплекс.

Итак, речевой комплекс является расширенным инвариантным значением, смысловым стержнем которого и выступает микротема произведения. Так, для первой эпиграммы микротематическим значением послужил инвариант «душа Гэллоуэя», стилистическим языковым средством раскрытия которого выступило сравнение (*that mansion fair – Some narrow, dirty, dungeon cave*), для второй эпиграммы – инвариант «подлец», также раскрытый с помощью сравнения (*brave – a knave*), для третьей – инвариант «отсутствие почёта», имеющий идентичные языковые средства выражения (*bright ran thy line – way ... ended in a mire*), для четвёртой – инвариант «отсутствие добродетели», данный также в сравнении (*vengeance – kindness*). В сумме данные значения составляют тему эпиграмматической серии – обличение пороков адресата-объекта произведений. В этой связи, представляется возможным констатировать наличие тематической речевой ситуации в данной серии, равной текстологической. Авторский ракурс в этом плане характеризуется расширяющимся характером

в связи со своим многокомпонентным построением.

Другими немаловажными элементами, укрепляющими семантическую связь эпиграмм между собой, выступают названия второго, третьего и четвёртого произведений, которые каждый раз актуализируют ретроспективную связь между эпиграммами и заставляют читателя-реципиента возвращаться к прочтению предыдущего произведения. Примечательно, что контекстом названия «On the same» выступает не только озаглавленное им произведение, но и все предыдущие.

С точки зрения структурного построения каждая отдельно взятая эпиграмма характеризуется полноценным рамочно-структурным оформлением, несмотря на свою довольно небольшую количественную наполняемость, поскольку в каждой эпиграмме есть вводная часть, функции которой выполняет обращение к адресату, центральная часть, представляющая раскрытие какого-либо качества, и, наконец, заключение – вывод автора, содержащий в себе его негативную оценку объекта в связи с отсутствием у него указанного качества.

Эпиграмматическая серия в целом, в свою очередь, также проявляет признаки рамочной структуры, где первая эпиграмма, дающая общую оценку объекта, является вводной частью, вторая и третья эпиграммы обладают характерными признаками центральной части, где уточняются пороки объекта, и, наконец, заключительная часть – это четвёртая эпиграмма, дающая окончательное отрицательное мнение автора об объекте.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что эпиграмматиче-

ская серия является сложным и многоплановым явлением, с точки зрения своего структурно-семантического построения, где обнаруживается целостная система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, составляющих комплексный текст. Эта система обладает чётким структурированием и актуализирует прочные семантические связи между всеми её элементами.

Авторский ракурс, в этой связи, составляет глубинный уровень не только каждой отдельной эпиграммы, но и всей серии в целом, выступая интегрирующим фактором, благодаря которому на поверхностном уровне реализуется текстологическая речевая ситуация. Осуществление взаимосвязи между авторским ракурсом и текстом обеспечивается категорией тождества, которая, благодаря такому компоненту, как элективность, реализует отбор языковых средств [9, с. 63–66]. В то же время содержательная сторона эпиграмматического текста декодируется посредством другого компонента категории тождества, а именно идентификации [7, с. 60].

Дальнейший ход исследования наталкивает на необходимость проанализировать принципы структурно-семантического построения эпиграмматической серии, компоненты которой обладают значительно большим количеством дифференциальных признаков, чем проанализированные выше произведения. В этой связи, интерес для аналитического исследования представляет серия эпиграмм Роберта Бёрнса, навеянная исходной эпиграммой-эпитафией на кончину сельского эсквайра, который был «под башмаком у жены». Данная серия про-

изведений представлена ниже с переводом первой эпиграммы-эпитафии С.Я. Маршака и нашими построчными переводами оставшихся двух эпиграмм ввиду отсутствия их художественного перевода.

On Henpecked Country Squire
As father Adam first was foold,
(A case that's still too common),
Here lies man a woman ruled,
The devil ruled the woman.

*Надпись на могиле эсквайра,
который был под башмаком у жены*
Со дней Адама все напасти
Проистекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.

Epigram on the said Occasion
O Death, had'st thou but spar'd his life,
Whom we this day lament,
We freely wad exchanged the wife,
And a' been weel content.

Ev'n as he is, cauld in his graff,
The swap we yet will do't;
Tak thou the carlin's carcass aff,
Thou'se get the saul o'boot.

Эпиграмма на упомянутое событие
О, смерть, если бы только пощадила ты его жизнь,
Того, кого сегодня мы оплакиваем,
Мы бы легко обменяли его на жену
И были бы довольны.

Даже таким, какой он есть, холодным в своей
могиле,
Обмен мы всё же совершим;
Ты возьми тело ведьмы,
Чтобы душу из него изгнать.

Another on the said Occasion
ONE Queen Artemisia, as old stories tell,
When deprived of her husband she loved so well,
In respect for the love and affection he show'd her,
She reduc'd him to dust and she drank up the powder.
But Queen Netherplace, of a diff'rent complexion,
When called on to order the fun'ral direction,
Would have eat her dead lord, on a slender pretence,
Not to show her respect, but—to save the expense!

Ещё одна (эпиграмма) на упомянутое событие
Некая королева Артемизия, как гласят старые истории,

Будучи лишённой своего мужа, которого она горячо любила,

Из уважения к любви и привязанности, которые он к ней проявлял.

Она его сожгла в прах и выпила сей порошок.

Но королева Нэзерплэйс была другого склада.

Когда настал черёд устраивать похороны,

Съела своего умершего лорда под незначительным предлогом,

Не для показа своего уважения, а чтобы сэкономить на растратах!

Данная эпиграмматическая серия в значительной мере отличается от произведений, посвящённых лорду Гэлоуэю, которые, как было продемонстрировано выше, обладают схожими макетами своего построения как на глубинном, так и поверхностном уровне текста. В случае данной серии эпиграммы обладают множеством отличительных средств на уровне стилизованного речетворчества. Одной из очевидных особенностей является их разная количественная наполняемость, влекущая за собой отличия на уровне поверхностной структуры эпиграмм.

Так, первое произведение характеризуется нарушением структурной рамки, причиной которого является перемещение вводной части, зачина, типичного для большинства эпиграмм (*Here lies ...*) в третью строку, что, однако, не меняет его функциональной нагрузки. В центральной части данной эпиграммы изложено основное содержание о несправедливости женщин по отношению к мужчинам. Заключение представлено в последней строке. И его выделение в отдельный сегмент структурного оформления стало возможным благодаря перемещению вводной

части. Последующие две эпиграммы характеризуются полноценным структурно-рамочным оформлением.

Взаимосвязь произведений обеспечивается также с помощью названий каждой отдельно взятой эпиграммы. Намеренное использование таких названий, указывающих каждый раз на содержание первой эпиграммы-эпитафии (*Epigram on the said Occasion; Another on the said Occasion*), актуализирует замкнутую семантическую связь между всеми произведениями. Уникальность данного явления состоит в том, что каждое отдельное название обладает как контекстом, так и макроконтекстом. Контекстуальную функцию выполняет текст озаглавленной эпиграммы, макроконтекстуальную функцию – текст предыдущей или предыдущих. Название же первой эпиграммы оказывается наиболее нагруженным с точки зрения выполнения содержательно-композиционной функции, будучи одновременно названием отдельной эпиграммы-эпитафии и всей эпиграмматической серии в целом.

Содержательная сторона рассматриваемых произведений обладает очевидной взаимосвязью, благодаря реализации текстологической речевой ситуации с общей для всех эпиграмм темой – «обличение женщин, унижающих достоинство мужчины», раскрытие которой осуществляется через описание отношения жены к кончине мужа. Каждое отдельно взятое произведение, однако, обладает своим адресатом, которым в первой эпиграмме выступает сельский эсквайр, во второй – смерть как высшая олицетворённая сила, в третьей – все читательницы женского пола, поскольку в эпиграмме

однозначно читается назидательность.

Важно отметить, что помимо фактора адресата, одной из центральных текстообразующих категорий выступает категория персональности. Несмотря на характерное для эпиграмм закадровое присутствие образа автора, данная эпиграмматическая серия отличается очевидностью наличия категории персональности в канве текста и определяется намеренностью, регулируемой авторским ракурсом. Автор присоединяется к скорбящим и обвиняет в смерти эскайра его жену. При этом очевидно нарастание резко отрицательной оценки автора от произведения к произведению.

Итак, рассмотренная эпиграмматическая серия характеризуется многомерностью имплицитного содержания, декодирование которого обладает зигзагообразным характером, несмотря на отсутствие сюжетной перспективы как таковой. При этом глубинный уровень текста остаётся линейно-плоскостным. Такой переход от линейности к многомерности осуществляется благодаря категории тождества, которая не только дешифрует авторский замысел, но и обеспечивает целостность восприятия эпиграмматической серии [8, с. 103]. Идентификация как компонент категории тождества обнаруживает сходство структуры целостной серии с макетом построения отдельно взятой эпиграммы, где первое произведение является вводным не только благодаря заданной автором последовательности произведений, но и своему содержательному смыслу (здесь – описание события, натолкнувшего автора на мысль об отношении некоторых женщин к своим мужьям). Вторая эпиграмма, соответственно,

выступает в роли центральной части, в содержании которой авторская мысль получает своё развитие. Наконец, третья эпиграмма являет собой обобщающее заключение.

Проведённый анализ показал, что дифференцированность особенностей построения текстов произведений, составляющих эпиграмматическую серию, не препятствует декодированию их общей темы, поскольку наличие семантической связи между произведениями продиктовано авторским ракурсом, проявляющим себя как на уровне текстологической речевой ситуации в рамках серии в целом, так и на уровне микротематической речевой ситуации в каждом отдельном произведении.

Итак, в результате исследовательской работы, нацеленной на выявление структурно-семантических особенностей построения эпиграмматических серий, удалось установить, что серия эпиграмматических произведений является многомерной системой, включающей в себя множество элементов. В независимости от принципов построения текстов отдельных эпиграмм, все они в сумме составляют текстологическую речевую ситуацию, интегрирующим фактором которой выступает их общая тема. Имплицитное содержание серии в целом характеризуется нарастающим негативным качеством, которое проявляется в оценке автора описываемого объекта действительности.

Уникальной особенностью эпиграмматических серий выступает их поверхностная структура, имитирующая рамочно-структурное оформление эпиграммы с вводной частью-зачином, центральной и заключительной частями, функции которых выполняют

отдельные произведения в независимости от их собственного построения.

Ключевой лингвистической категорией, благодаря которой декодирование авторского ракурса в многомерной системе целостного текста эпиграмматической серии становится возможным, является категория тождества, компоненты которой, а именно элективность и идентификация, не только отвечают за отбор языковых средств, но и адекватность содержания авторскому замыслу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Е.В. Структурно-семантические особенности некоторых поэтических произведений фольклорного жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.04). – М., 1999. – 21 с.
2. Кошечая И.Г. О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 18–24.
3. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2011. – 352 с.
4. Кошечая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. – Изд. 2-е. – М.: Либроком, 2012. – 184 с.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. интов. – М.: Просвещение, 1986. – 327 с.
6. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учебное пособие. – Изд. 3-е, перераб. и дополн. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1990. – 110 с.
7. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 58–62.
8. Свиридова Л.К. К унификации анализа различных текстовых жанров // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: матер. международной научно-практической конференции молодых исследователей. – М., 2013. – С. 101–104.
9. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2011. № 6. – С. 63–66.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. – М.: Либроком, 2009. – 144 с.

УДК 81-117

Гаврилова Ю.В.*Всероссийская академия внешней торговли (г. Москва)***СИСТЕМО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ЛИНГВИСТИКЕ МАЙКЛА ХАЛЛИДЕЯ**

Аннотация. В данной статье в основных чертах рассматривается лингвистическая теория британского учёного Майкла Халлидея, ученика и последователя Джона Фёрса. Автор освещает вопрос о процессе формирования научных взглядов Халлидея, затем излагает основные постулаты системно-функционального направления языкознания, в том числе трактовку некоторых понятий, таких как язык, текст, метафункция, значение. Исследование проводится на основе рассмотрения и анализа научных взглядов Халлидея, изложенных в его работах, а также критических очерков других зарубежных учёных. В статью предпринимается попытка оценить наследие Халлидея и показать восприятие его идей учёными.

Ключевые слова: язык, текст, функция, метафункция, система, структура.

J. Gavrilova*Russian Academy for Foreign Trade, Moscow***SYSTEMIC-FUNCTIONAL APPROACH
IN MICHAEL HALLIDAY LINGUISTICS**

Abstract. The article gives an overview of key points in the linguistic theory of British scientist Michael Halliday, the pupil and follower of John Firth. The author briefly describes how Halliday's scientific views were formed, then concentrates on basic principles of systemic functional theory of linguistics including interpretation of the core theoretical notions such as *language, text, metafunction, meaning*. Analysis of Halliday's views, given in his books and also of some critical essays by other linguists is given. An attempt to evaluate Halliday's legacy and show how his ideas are received by other scholars is made.

Key words: language, text, function, metafunction, system, structure.

Как неоднократно отмечалось в отечественной и зарубежной специальной литературе, первый профессор общего языкознания Великобритании Джон Руперт Фёрс в значительной мере повлиял на ход развития лингвистических исследований в стране, на научные взгляды как многих своих преемников, так и последующих поколений учёных. Более того, разработанная им много-

© Гаврилова Ю.В., 2014.

гранная теория способствовала появлению новых направлений в истории языкознания, одним из которых и стала системно-функциональная лингвистика. В англоязычной научной литературе её обозначают как “systemic functional linguistics”, часто – “systemic linguistics”, “systemic-functional grammar”, или же просто – “systemic grammar”.

Основоположник данного направления – ближайший последователь

Фёрса Майкл Халлидей (Michael Alexander Kirkwood Halliday). Известно, что Халлидей родился в городе Лидс / Leeds (Англия) в 1925 г. Впервые он проявил интерес к языковым особенностям, читая художественную литературу, ещё в период учёбы в школе. В 1942 г. Халлидей поступил на военную службу и приступил к изучению китайского языка. Прослужив на протяжении нескольких лет за рубежом, был переведён в Лондон и начал преподавать китайский язык военнослужащим. Занятия проходили в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета, где, в свою очередь, он смог продолжить изучение языка.

В 1947 г. Халлидей получил диплом Лондонского университета, а также возможность заниматься научными исследованиями в Пекинском университете Китая. Его интересы в то время лежали в плоскости синхронной лингвистики и прежде всего касались проблемы грамматической вариативности в китайском языке. Рос его интерес в области грамматики и социолингвистики, он много читал о различных направлениях языкознания, в том числе о Пражской школе.

В 1949 году Халлидей, собрав достаточно материала по диалектам Китая и планируя использовать этот материал для проведения диссертационного исследования, вернулся в Лондон. Однако он был направлен в университет Кембриджа, где на тот момент не было необходимых условий для работы с китайским языком. Поэтому по специальной договорённости профессор Дж. Р. Фёрс из Школы изучения Востока и Африки Лондонского университета стал его научным руководителем.

Диссертационная работа Халлидея была посвящена «Тайной истории

монголов» (Secret History of Mongols) и представляла собой попытку применить теорию и методы общего языкознания для описания конкретного письменного текста на разговорном китайском языке, датированного концом XIV-го столетия. «Секретная история монголов» – переведённая с монгольского языка личная биография Чингиз Хана, начинающаяся с описания легендарной истории монгольского народа.

Научное сотрудничество Халлидея и Фёрса оказалось вполне плодотворным, так как Халлидей примкнул к группе учеников профессора и стал одним из ближайших его последователей, который в дальнейшем развивал многие идеи своего наставника, использовал предложенные им идеи и методы в проводимых исследованиях, в том числе относительно природы языка и связи высказывания и социального контекста ситуации.

Прежде чем перейти непосредственно к изложению основ функциональной лингвистики, необходимо упомянуть о довольно обширной географии в академической карьере Халлидея. Так, он сначала преподавал китайский язык в Кембридже, затем языкознание в Эдинбурге. В 1963 г. он перешёл на работу в Университетский колледж Лондона (University College London), где стал профессором языкознания. Впоследствии, в 70-е гг., Халлидей трудился в США, затем в Австралии.

Системно-функциональная лингвистика сегодня – это один из разделов так называемой прикладной лингвистики, которая изучает языковые явления в контексте общения (ситуации).

«Этот подход рассматривает язык как источник, который, в свою оче-

редь, образуется в ходе использования его людьми в процессе общения. Таким образом, системно-функциональный подход призван объяснять языковые формы с точки зрения выражаемых ими значений и создавать грамматику, которая даёт возможность понять все оттенки любого текста, как устного, так и письменного» [3, р. 225].

Системно-функциональная грамматика, разработанная Халлидеем, как уже отмечалось выше, основана на принципах и идеях его научного руководителя, Фёрса, и впервые появилась в публикациях 60-х гг. XX в. Точнее, формально она была впервые представлена в 1961 г. в программной статье “Categories of the Theory of Grammar” (“Категории теории грамматики”).

Изначально статья должна была носить другое название – “System and Structure Grammar” – из-за двух категорий, на которых концепция была построена. Вскоре после публикации теории Халлидея стало принято считать неоферсианской, так как Халлидей был одним из последователей Джона Фёрса. Основной целью публикации статьи было разработать и уточнить некоторые идеи Фёрса.

Следует отметить, что в начале своего существования системно-функциональная грамматика включала в себя 2 основных компонента. Это, во-первых, парадигматическое или “вертикальное” измерение, то есть приоритет, отдаваемый автору высказывания. Грамматические структуры затем рассматривались как результат этого выбора говорящего. Во-вторых, модель Халлидея ориентировалась прежде всего на значение, а не на форму, то есть ставила целью описать, как слова

и выражения используются для передачи значения. Языковая форма менее важна, чем выполняемая ею функция в предложении. Отсюда и появилось название теории – функциональная грамматика.

Однако системы в языке не функционируют изолированно, а, напротив, взаимодействуют друг с другом. Относительно простые системы затем объединяются в системные группы, возрастает сложность, что и отражает многообразие значения, которое передаётся в любом высказывании.

В своей книге “An Introduction to Functional Grammar” (1985) Халлидей отмечал, что его грамматическая модель базируется на интерпретации текстов, систем и элементов языковых структур [1]. В предисловии кратко изложены основные постулаты функциональной грамматики:

«1) Она функциональна в том смысле, что существует для объяснения того, как используется язык. Каждый текст понимается в том или ином контексте использования, и именно эти контексты сформировали на протяжении многих поколений языковую систему. Функциональная грамматика – это естественная грамматика, так как всё в ней может быть объяснено.

2) Фундаментальные компоненты значения в языке – это функциональные компоненты. Все языки основаны на 2 основных типах значения – воображаемом (ideational), или рефлексивном (reflective), и межличностном (interpersonal), или активном (active). Эти компоненты, метафункции, являются выражениями лингвистической системы.

3) Каждый элемент в языке трактуется со ссылкой на его функцию в об-

щей языковой системе. С этой точки зрения функциональная грамматика объединяет все элементы языка как органические конфигурации функций. Другими словами, каждая часть интерпретируется как функциональная по отношению к системе в целом» [1, р. xiii].

Текст рассматривается Халлидеем как семантическое явление, а не как чисто грамматическое. Но при этом семантика, по его мнению, неразрывно связана с грамматикой, так как значения реализуются в языке посредством формулировок, или форм выражений (wordings), то есть собственно грамматики. Для того чтобы проследить значение текста, дискурсивная грамматика должна быть одновременно функциональной и семантической, то есть грамматические категории должны интерпретироваться как выражения семантических моделей.

Язык же, таким образом, – это система для выражения значений, поэтому термином “семантика” стоит обозначать весь комплекс значений в языке, выраженных как грамматикой, так и лексикой [2]. Значения зашифрованы в грамматических единицах, или синтагмах.

Так, первая из трёх метафункций, межличностная метафункция (interpersonal metafunction), объединяет системы, которые существуют для выражения социальных связей между автором высказывания и адресатом. При этом грамматика в свою очередь позволяет различить значения в следующих предложениях:

The flight is confirmed. – Утверждение;
Is the flight confirmed? – Вопрос;
Confirm the flight. – Указание;
Would you confirm the flight? – Указа-

ние с положительным модальным значением;

The flight mustn't be confirmed. – Указание с отрицательным модальным значением.

Приведённые примеры подтверждают, что не все вопросительные предложения функционируют в языке как собственно вопросы. Выбор грамматической формы построения предложения обычно зависит от контекста.

Вторая метафункция, эмпирическая (experiential metafunction), – это язык, рассматриваемый с точки зрения того, как он используется для описания событий, состояний, для создания языковой картины мира говорящего. Это значение традиционно рассматривается как истинное значение в некоторых направлениях языкознания. Однако для системно-функционального направления данное значение лишь одно из ряда других, не менее важных, значений. Иными словами, почему что-либо сказано (межличностная перспектива) и как это сказано (текстуальная перспектива) так же важны, как и то, что именно сказано.

Эмпирический анализ предложения концентрируется на процессе (выраженном глаголом), участниках процесса (выраженных номинальными группами) и условиях, обстоятельствах, при которых осуществляется процесс или действие.

Процессы (или действия) Халлидей разделял на 6 основных типов в зависимости от того, какие когнитивные категории отражены в тех или иных событиях:

- 1) материальные (material) – процессы действия;
- 2) умственные (mental) – процессы восприятия, создающие наш внутренний мир;

3) отношения (relational) – быть и иметь;

4) вербальные (verbal) – процессы выражения мыслей посредством высказываний;

5) поведенческие (behavioral) – психологически обусловленные варианты поведения людей;

6) экзистенциальные (existential) – процессы жизни и существования.

Каждый из указанных выше типов может затем быть разделён на более мелкие категории и типы.

Наконец, третья метафункция носит текстуальный характер (textual metafunction). Она охватывает ту часть

грамматики, которая отвечает за то, как значения в предложении организованы в связи с окружающими их идеями и встроены в более широкий контекст высказывания.

Грамматическая категория переходности (transitivity) посвящена типу описываемого процесса (или действия) и залогу. Системы наклонения (mood) ориентированы на межличностное значение. Выбор темы (theme) показывает деление предложения на тему и ремю.

В обобщённом виде типы грамматических значений можно представить в виде таблицы:

Type of Meaning (Metafunctions)	Clause Systems
experiential (эмпирическое)	transitivity (переходность)
interpersonal (межличностное)	mood (наклонение)
textual (текстуальное)	theme (тема)
logical (логическое)	hypotaxis, parataxis (сложноподчинённые и сложносочинённые предложения)

Как утверждает Томпсон, «системно-функциональная грамматика – это наиболее полно разработанная альтернатива той концепции, которая господствовала на протяжении большей части XX века и разделяла проблему описания языковых явлений на различные сферы, такие как синтаксис, семантика, социолингвистика... Язык – это средство общения людей и должным образом может быть понят только при условии рассмотрении всего комплекса языковых явлений на всех этапах исследования» [6, p. 231].

Считается, что системно-функциональная грамматика построена на принципах и идеях не только его наставника Фёрса, но также «продолжает воззрения Ельмслева, Уорфа и Пражской школы языкознания. Бу-

дучи созданной Халлидеем, системная грамматика затем нашла широкое применение как в образовательной системе, так и новом направлении языкознания – компьютерной лингвистике» [5, p. 120]. Теория грамматической обусловленности языковой функции привела к разработке ряда моделей контекста, связанных с метафункциями.

По мнению другого последователя Фёрса, Робинза, Халлидей включал в свою трактовку значения многое из идей Хомского. Положение его теории по отношению к теории Фёрса Робинз считает весьма неоднозначным [4].

Несомненно, заслуживает внимания работа исследователя Э. Вентола (Ventola), одного из учёных университета Сиднея, под названием “The Struc-

ture of Social Interaction. A Systemic Approach to the Semiotics of Service Encounters” [7], продолжающая взгляды Халлидея. В книге содержится попытка построения новой модели – системной семиотики (systemic semiotics).

В заключение следует отметить, что, как и лингвистическая теория Фёрса, системно-функциональная грамматика Халлидея – это не застывшая, а постоянно развивающаяся теория, уже нашедшая своё применение на практике по отношению к разным языкам (другие представители данного направления – Р. Хасан (R. Hasan), Д. Мартин (J. Martin), К. Маттиесен (C. Matthiesen)).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – London: Arnold, 1985. – 387 p.
2. Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level // In Memory of J.R. Firth / Ed. by C.E. Bazell. – London: Longmans, 1966. – P. 148–162.
3. Halliday M.A.K. Learning How to Mean. Explorations in the Development of Language. – New York: Elsevier, 1975. – 164 p.
4. Robins R.H. J.R. Firth: a Reconsideration of His Place in Twentieth-Century Linguistics // Allgemeine Sprachwissenschaft Sprachtypologie und Textlinguistik. Festschrift für Peter Hartmann. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1983. – P. 259–267.
5. Systemic Grammar // International Encyclopaedia of Linguistics. Vol. 4. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 482 p.
6. Thompson G. Systemic-Functional Grammar // Key ideas in Linguistics and Philosophy of Language. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 273 p.
7. Ventola E. The Structure of Social Interaction. A Systemic Approach to the Semiotics of Service Encounters. – London: Frances Pinter Publishers, 1987. – 267 p.

УДК 81'42

Колесников А.А.*Московский государственный областной университет***РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА ИСПОЛНИТЕЛЯ И АУДИТОРИИ
В РАМКАХ ДИСКУРСА ХИП-ХОП КУЛЬТУРЫ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению форм и особенностей реализации диалога исполнителя и слушателя в языке хип-хоп культуры. В связи с тем, что указанная разновидность языка характеризуется отчётливо выраженным социальным содержанием, для её определения предлагается использовать понятие «дискурс». Объект исследования – тексты рэп-композиций. Основным теоретическим положением настоящей работы является идея интерактивности и диалогической природы любой речевой коммуникации, наиболее точно сформулированная М.М. Бахтиным и Е.В. Сидоровым.

Ключевые слова: дискурс, хип-хоп культура, диалог, коммуникация, интерактивность.

A. Kolesnikov*Moscow State Regional University***REALIZATION OF THE PERFORMER – AUDIENCE DIALOG
IN THE HIP-HOP CULTURE DISCOURSE**

Abstract. The article is devoted to the forms and peculiarities of realization of the performer and audience dialogue in the language of hip-hop culture. As the above-mentioned language variety demonstrates a clear social content it is defined as “discourse”. The object of the research is rap lyrics. The basic theoretical thesis of the article is the idea of interactivity and dialogical nature of oral communication formulated by M.M. Bakhtin and E.V. Sidorov.

Key words: discourse, hip-hop culture, dialogue, communication, interactivity.

Начиная со второй половины XX века в связи с ростом фактов, которым не представлялось возможности дать объяснение в рамках существовавшей до этого времени научной парадигмы, рассматривавшей язык, как абстрактную систему, начался процесс постепенной смены этой парадигмы. Этот период был ознаменован повышением исследовательского интереса к широкому кругу явлений, связанных с передачей и восприятием информации в современном сообществе. В центр новой парадигмы был помещён человек,

© Колесников А.А., 2014.

осуществляющий продуктивную коммуникативную деятельность. Лингвистами был сделан вывод о том, что эта деятельность строится не только на основе индивидуальных лингвистических особенностей личности носителя языка, но и с учётом экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на эту деятельность и, в некоторой степени, делающих её уникальной в каждом отдельно взятом случае.

Закономерно, что вместе со сменой научных ориентиров изменился и понятийный аппарат. В результате указанных выше процессов в научный

обиход прочно входит понятие дискурса [7, с. 13]. В лингвистике до сих пор не выработано единого мнения относительно определения этого понятия. По мнению А.А. Кибрика, наиболее отчётливо можно выделить три основных подхода к определению дискурса:

– Первый подход объединяет собственно лингвистические употребления этого термина, так или иначе уточняющие и развивающие традиционные понятия диалога, текста и речи. При этом дискурс характеризуется отчётливо выраженным социальным содержанием. Указанный подход очень точно сформулирован Н.Д. Арутюновой в её определении дискурса как «речи, погружённой в жизнь» [1, с. 137–139].

– Второй подход связан с французским структурализмом и постструктурализмом, в первую очередь, с идеями философа и теоретика культуры Мишеля Фуко. В рамках этого подхода определение дискурса уточняет традиционные понятия индивидуального языка, идиолекта. Здесь дискурс почти всегда соотносится со сферой употребления (напр., политический дискурс, военный дискурс) или с субъектом (напр., дискурс Пушкина).

– Третий подход к определению понятия дискурса был сформулирован социологом Ю. Хабермасом. Учёный связал это явление с теорией социального действия. Основным положением его концепции стало рассмотрение дискурса как диалога, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия [3, с. 110–114].

Отметим, что все вышеуказанные подходы к определению дискурса утверждают в качестве основных положений ориентацию на социальные

факторы и деятельностный характер коммуникации, в рамках которой он реализуется. Наиболее подходящей для настоящего исследования позицией, на наш взгляд, является собственно лингвистическая трактовка.

Один из ключевых пунктов любого исследования – определение объекта и спектра теоретических положений, наиболее точно и объективно его характеризующих. Объект нашей работы – дискурс представителей хип-хоп культуры. Он представляет собой языковое явление, зародившееся в замкнутой, социально и этнически детерминированной группе. Его лингвистической основой выступает афроамериканский вариант английского языка, который был распространён в так называемых «гетто» и «жилищных проектах» – районах и кварталах, населённых выходцами из стран Африки, Латинской Америки и их потомками. Здесь активно процветала преступность, наркомания, бандитизм и полицейский произвол. Все эти явления объясняют широкое использование сленгизмов, неформальной лексики, в речи жителей этих районов, и создание языковой коммуникативной среды, доступной только представителям этого сообщества.

Долгое время в американской лингвистической литературе для определения указанного языкового явления использовался термин *социолект*, обозначающий «групповые речевые (в первую очередь лексические и стилистические) особенности, характерные для какой-либо социальной профессиональной, возрастной группы или субкультуры» [5, с. 134]. Несправедливо было бы утверждать, что язык представителей хип-хоп культуры не обладает указанными выше особен-

ностями. Эта точка зрения обоснована многими американскими лингвистами как теоретически, так и на конкретных примерах [10; 11; 12].

Мы предлагаем использовать в данном случае термин *дискурс*, как более ёмкое понятие, в большей мере характеризующее все особенности объекта нашего исследования. На обоснованность подобного вывода указывают результаты анализа текстов рэп-композиций. В соответствии с определением Ю.С. Степанова, «дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир» [9, с. 40–42]. Это явление нам удалось проследить в исследуемом материале.

Переходя к объекту нашего исследования, хотелось бы заметить, что одной из ключевых особенностей афроамериканской музыки вообще и хип-хоп культуры, как продолжения этой традиции, является использование органического сочетания текста, музыки и ритма как способа коммуникации в рамках этого сообщества. Как отмечает Триша Роуз, все известные музыкальные стили, выросшие из афроамериканской традиции, развивались в условиях, при которых прямые атаки на правящий класс были стратегически неразумны и безуспешны. По мнению социолингвиста, посредством дискурса создаётся особенная среда коммуникации, где представления, противоположенные общим, и неофициальная правда развиваются, уточняются и повторяются [12, с. 99].

Возможно, основное отличие дискурса хип-хоп культуры, характери-

зующее его как особую коммуникационную среду, проявляется в связи исполнителя и публики. Сложные и неоднозначные отношения между артистом и слушателем лежат в основе афроамериканской музыкальной традиции и способствуют приданию им роли первоочередного дискурсивного образования в среде афроамериканцев [12, с. 106]. Исследования так называемого «сознательного хип-хопа», проводимые американскими лингвистами, и непосредственный анализ соответствующих текстов подтверждает, что эти исполнители остаются «артистами, выражающими социальное, культурное и политическое мышление подавляющего большинства афроамериканского сообщества» [12, с. 107].

Связь исполнителя и аудитории реализуется в текстах в рамках дискурса, который представлен в форме речевой коммуникации. Именно такую трактовку дискурса предлагает Э. Бенвенист, определяя его как «всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго» [2, с. 279]. Об интерактивности и вытекающем из неё бинарном принципе построения речевой коммуникации пишет Е.В. Сидоров. Он также указывает на направленность речи на слушателя, причём содержание и структура деятельности последнего зависит от организации текста. Характеризуя отдельно взятый акт речевой коммуникации, Е.В. Сидоров выделяет две деятельностные фазы: а) коммуникативная деятельность отправителя сообщения; б) коммуникативная деятельность реципиента (адресата) [8, с. 11–13]. Учёный отмечает: «Не только фигу-

ра инициатора, но и фигура адресата коммуникативного акта осознаётся в качестве действенного фактора организации коммуникативного процесса, учитывать который необходимо в их органической связи» [8, с. 54]. Обязательное присутствие двух субъектов коммуникации отмечает и В.П. Конечкая, комментируя интеракционную модель речевого акта: «интерпретация смыслов происходит в процессе постоянных «переговоров», гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности на пути к достижению интересубъективности, трактуемой как психологическое или феноменологическое переживание общности интересов, действий и т. п.» [4, с. 57].

Отдельно стоит обратить внимание на упомянутый Е.В. Сидоровым фактор адресата, истинный смысл которого, по его мнению, содержится именно в принципиальной бинарности общей структуры речевого общения: «Когда нечто произносится или пишется, это делается не просто так, как бы безадресно, а всегда для кого-то, чьё ответное понимание, по словам М.М. Бахтина, «ищется и предвосхищается говорящим» [8, с. 11–13].

Отмечая наличие в тексте как автора, так и адресата, Е.С. Кубрякова выделяет в качестве основной категории текста

его понимание, «как информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [6, с. 123–124].

Всё вышеизложенное приводит к выводу о том, что текст, как дискурсивное пространство, пронизан диалогическими отношениями. Подобный подход предполагает акцент на собственно диалогическом моменте речевого общения, на тех совместных усилиях коммуникантов, которые ведут к общему пониманию, расширению сознания и изменению идеологии. Так, в качестве исходной установки при анализе текстов песен, входящих в дискурсивное пространство хип-хоп культуры, нами было выбрано положение о диалогичности любого дискурса. Далее приведены некоторые результаты анализа.

Подчеркнём, что в подавляющем большинстве текстов очевидно присутствие субъектов диалога: адресанта и адресата. Адресант, роль которого выполняет исполнитель, присутствует непосредственно – он транслирует смыслы. Что касается адресата, то в этом отношении всё не так однозначно.

Немногочисленны, но всё же существуют примеры, когда в тексте или живой коммуникации реализуется привычный для нас диалог:

- (1) Эй, тихоня, за тобой пришёл полный оторва.
- (2) Иди, угощу собачьим кормом.
- (1) Вот бы твой рот прикрылся, как бизнес игорный.
- (2) Ты Женя Петросян, или Миша Задорнов?
- (1) Я пятый элемент, мультипас Даллас Корбан.
- (2) Ты или мент, или Вася – продавец попкорна.
- (1) Пора запомнить, что я стопроцентный форвард.
- (2) Ага, окончил Гарвард, купил огромный форд.

- (1) На всех парах с бухты-барахты, Немцам уже пора кричать: “ахтунг!”
- (2) Ах, ты знаешь немецкий?
- (1) Учил полгода.
- (2) Так ты человек светский.
- (1) Я такой, да. Ферштейн, Эйнштейн...
- (2) Ништяк, бифштекс... или что?
- (1) Или что?
- (2) Спасибо.
- (1) Не за что.

При этом в тексте одновременно присутствуют два субъекта. Тем не менее, оба они – исполнители, и диалога с публикой не происходит. Аудитория в этом случае выполняет функцию пассивного наблюдателя и способна лишь оценить находчивость и виртуозность использования языка исполнителями. Такая же пассивная роль отводится аудитории и в так называемых “*rap battles*”, во время которых коммуникация между исполнителями происходит попеременно. При этом диалог частично сохраняется. Диалог сохраняется, так как первый исполнитель создаёт стимул, второй исполнитель реагирует на этот стимул, обычно отвечая на посылы оппонента.

Наиболее распространён в дискурсе хип-хоп культуры опосредованный диалог. Если упрощённо представить коммуникацию в виде схемы «*стимул* (реализуется исполнителем) – *реакция* (реализуется отдельным слушателем или аудиторией)», можно наблюдать только одну сторону диалога – исполнителя, обращающегося к аудитории. Несмотря на видимое присутствие только адресанта, использование соответствующих языковых средств подразумевает адресованность коммуникации, другими словами ожидание реакции на стимул.

Проанализируем несколько примеров:

(1)	“Now what you hear is not a test I’m rappin’ to the beat And me, the groove and my friends Are gonna try to move your feet”
(2)	“ Let’s rock, you don’t stop Rock the riddle that will make your body rock”
(3)	“Turn your radios up... You are now allowed to listen to the radio... The REAL niggaz are back, on the radio...”
(4)	“ Ты можешь бегать за шмотьём, и кайфово красить ресницы Потом понять, что ты пуста, и тебе уже тридцать”
(5)	“ Посади дерева два, рошу Воспитай сына, дочь – с Божьей помощью Купи квартиру и построй дачу Иначе если только ловить за хвост удачу”
(6)	“ Ты можешь верить словам, что я говорю В сравнении с тем, что в эфире, они как доллар к рублю”
(7)	“ To all my niggas getting money in the streets Middle fingers up, f*ck the police Light up my trees, and I just breathe”
(8)	“ To all my kike niggers, spic niggers, guinea niggers, chink niggers That’s right, y’all my niggaz, too”
(9)	“That’s for niggas wit’ daughters I call this, shit for niggas wit’ daughters I call it, not sayin’ that our sons are less important”
(10)	“ Это для всех моих фэнов , из разных городов и стран Это для всех , чья любовь – самый надёжный талисман Это для всех , кто верит в мой успех и делает меня сильнее Для всех девчонок и парней”

(11)	<i>“Когда меня не станет, тут многим станет легче Только глупый может утверждать, что время лечит”</i>
(12)	<i>“Им всё равно, сколько денег на моём счету И что моё лицо постоянно на виду Они ценят меня не за моё имя И именно поэтому я дорожу ими”</i>

В примерах (1) – (6) показатели диалога – обращение, вызов и стимул, направленные к потенциальному слушателю. Глаголы в личной форме, указательные и притяжательные местоимения – все эти средства вводят адресата вербально, способствуя построению диалога в рамках дискурса. Несмотря на опосредованный характер получения информации слушателем (через аудиозаписи), он, очевидно, будет реагировать на стимул, формируя ответ. При этом форма ответа в каждом отдельном случае сугубо индивидуальна и формируется на основе жизненного опыта, мировоззрения и состояния слушателя. Так или иначе, он оказывается вовлечённым в диалог, реализуемый в дискурсе.

В примерах (7) – (12) присутствие адресата не так очевидно. В тексте не содержатся прямые обращения к адресату, однако авторы ссылаются на него, используя выражения ‘для всех ...’, ‘to all my ...’, указательные местоимения в 3-ем лице. Таким образом, в диалог вводится адресат, но прямое обращение к нему, как это прослеживается в примерах, разобранных выше, отсутствует.

Рассмотрим ещё один отрывок из диалога. В нём происходит постепенное вовлечение адресата не просто в диалог, но и в контекст композиции. Условно композицию можно разделить на четыре части:

(13)	<i>“...Конец эпохи переходит в горячую фазу, Мы несём всю ту же живую весть за пазухой Несём до обывателей, кто плевал на эти басни Припадночно ржёт и фонтанирует кормом из пасти...” “...Панорама над пламенем до боли ясна: Днём видим в реальности, ночью по ту сторону сна, Видим как нарывы и язвы давно перезрели, Мёртвые ветки слёзно молят о кронах даже в апреле...”</i>
(14)	<i>“...Вопли о пощаде, пиры, мародёрская сечь, Эту гнойную рану надо промыть и прижечь. Кто не захочет перед смертью надышаться досыта, Кто не прыгнет в огонь, за деньгами и пылесосом, Кто схватит стрелы судьбы, налету, гордясь ожогами, Кто тонущему бросит жизнь свою на подмогу, Тот сохранит род, всякой стихии сильней, И на легендах о себе воспитает новых людей...”</i>

(15)	<p>“...Льдом возьмутся города, последняя капля света, Спроси себя сейчас: «А как ты жил до этого? Каким героем был? Обитателем каких мест? На весах добра и зла в какую сторону перевес? Что сделал на земле? Был ли путником и воином? Или твоя жалкая туша так ничего и не стоила?...”</p>
(16)	<p>“...Мы должны выжить и построить новый мир детям, Сквозь ледяные ветра через тысячи ночей, Нести им свою силу на окрепшем от сражений плече, На рубеже веков ещё со смертью поспорим Возьмёмся за руки, впишем легенду в историю...”</p>

Отрывок (13) вводит определённую тему и формулирует мысли и идеи исполнителя (выступающего одновременно и адресантом) о ней. Далее, в диалоге (14), при помощи вопросительного местоимения *кто* условно вводится адресат. В данном случае к адресату предъявляются определённые требования, которым он должен соответствовать. В отрывке (15) используются глаголы в личной форме, притяжательные, личные и возвратные местоимения, вводя адресата в диалог с исполнителем. Наконец, в заключительном отрывке (16) участвуют оба субъекта. На это указывают местоимения во множественном числе и личные окончания глаголов множественного числа.

Мы неслучайно использовали понятия «стимула» и «реакции» при рассмотрении примеров дискурса. Многие лингвисты обращаются к явлению, называемомуся ‘call and response practice’, или «*практика стимула и реакции*», которое реализуется в текстах хип-хоп-композиций. Эта установка характерна для афроамериканской культуры в целом. Она является практической реализацией связи исполнителя и публики.

Таким образом, можно утверждать, что любой текст хип-хоп дискурса – это всегда диалог. Основанием для

подобного заключения можно рассматривать принципиальные положения хип-хоп культуры как явления. Если музыка вообще и популярные жанры призваны пробуждать в слушателе чувства, то задача хип-хоп-исполнителя состоит, в первую очередь, в трансляции смыслов и стимулов, впоследствии их вызывающих.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–139.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
3. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. – М., 1997. – С. 110–116.
4. Конечкая В.П. Социология коммуникации: учебник. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 2003. – 288 с.
5. Кравченко А.И. Культурология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2001. – 489 с.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

8. Сидоров Е.В. *Онтология дискурса*. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
9. Степанов Ю.С. *Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука XX века*. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.
10. Alim, H. *Samy. Roc the Mic Right: The Language of Hip Hop Culture*. – London & New York: Routledge, 2006. – 208 p.
11. Kitwana, Bakari. *The Hip Hop Generation: Young Blacks and the Crisis in African American Culture*. – New York: BasicCivitas Books, 2003. – 226 p.
12. Rose, Tricia. *The Hip Hop Wars: What We Talk About When We Talk About Hip Hop*. – New York: Basic Books, 2008. – 293 p.

УДК 81'33: 003.32 + 378

Лозовая Н.Г.*Институт украинского языка НАН Украины (г. Киев)***ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КАК ОСНОВА
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НАЗВАНИЙ СУБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. В статье сделан обзор научной литературы, посвященной понятию “концептуализация”. Истолкованы термины концептуализация, идеография, идеографическая классификация, идеографический словарь, тематический словарь, словарь концептов, лексико-семантическое / тематическое поле, понятийное поле, тематическая группа. Определена корреляция между тематическим и идеографическим словарями, а также словарем концептов. Описан фрагмент идеографического словаря названий субъектов культурной деятельности, в котором осуществлена идеографическая классификация с учетом основных уровней концептуализации.

Ключевые слова: концептуализация, словарь концептов, идеографическая классификация, идеографический словарь, тематическая группа, тематический словарь.

N. Lozovaya*Institute of the Ukrainian language at the National Academy of Science, Kiev***IDEOGRAPHICAL CLASSIFICATION AS BASIS
OF CONCEPTUALIZATION OF THE NAMES OF SUBJECTS
OF CULTURAL ACTIVITY IN THE UKRAINIAN LEGISLATION**

Abstract. The review of the scientific literature devoted to the term “conceptualization” is presented in the article. Terms *conceptualization, ideography, ideographical classification, ideographical dictionary, ideoglossary, dictionary of concepts, lexical-semantic / thematic field, concept field, thematic group* are discussed. The correlation between thematic, ideographical dictionaries and dictionary of concepts is defined. The conclusions concerning interpretation of the term *conceptualization* are made and levels of conceptualization are enumerated. Basic methods of ideographization of the vocabulary and a fragment of the ideographical dictionary containing cultural activity terms are analyzed.

Key words: conceptualization, dictionary of concepts, ideographical classification, ideographical dictionary, thematic group, ideoglossary.

Несмотря на то, что сегодня существует много исследований, посвящённых идеографическим классификациям различного рода наименований, считаем необходимым всё же определить корреляцию между понятия-

ми “идеографическая организация”, “идеографический словарь”, “концептуальная организация” / “концептуализация”, “словарь концептов”, “тематическая организация”, “тематический словарь”, которую мы не встречали в научных работах.

© Лозовая Н.Г., 2014.

Прежде всего определим понятие “концептуализация” в научной литературе.

В Кратком словаре когнитивных терминов (под ред. Е.С. Кубряковой) концептуализация определяется как осмысление новой информации, которая способствует появлению концепта [8, с. 93–94]. Н.Н. Болдырев понимает концептуализацию как процесс образования и формирования концептов в сознании человека [1, с. 19].

В.Л. Иващенко рассматривает концептуализацию / концептуальную организацию как осмысление информации, которая поступает в ментально-психонетический комплекс человека в процессе её познавательной деятельности и овладения знаниями через посредничество внутреннего рефлексивного опыта человека – ментальных и ментально-языковых образов объектов, явлений действительности и т. п., что приводит к формированию концептуальных структур [3, с. 148–162].

В коллективной монографии Г.М. Костюшкиной, Л.Г. Озоновой, А.А. Поповой, М.А. Федотовой, С.А. Фетицовой, А.И. Фофина, Д.В. Эрдинеевой “Концептуализация и категоризация в языке” (2006) обращается внимание на то, что суть *концептуализации* заключается в осмыслении информации, которая приходит к человеку из окружающей действительности, мнимом конструировании предметов и явлений, что приводит сначала к формированию концептов, а потом концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозге человека [6, с. 281].

Н.Г. Есипенко отмечает, что сегодня концептуализацию понимают и как понятийную классификацию, и как

один из процессов познавательной деятельности человека, который заключается в осмыслении и упорядочении результатов внутреннего рефлексивного опыта человека и представлений об объектах, явлениях действительности и их признаках. Результатом концептуализации, считает исследовательница, есть формирование концептуальной системы, составляющими которой являются концепты [2, с. 77].

Обобщая рассмотренные выше определения, мы употребляем термин *концептуализация* для обозначения и понятийной классификации, и одного из процессов познавательной деятельности человека, который заключается в осмыслении и упорядочении результатов внутреннего рефлексивного опыта человека и представлений об объектах, явлениях действительности и их признаках. В нашем случае речь идёт об упорядочении названий субъектов культурной деятельности, разработке их идеографической классификации, а следовательно, выявлении концептуальной организации по родовидовым признакам.

Идеографическую классификацию лексики часто отождествляют с классификацией по тематическим группам. Чтобы осознать разницу между понятиями “идеографическая классификация” и “тематическая классификация”, обратимся в первую очередь к их определению.

По мнению Ю.Н. Караулова, *идеография* – это основа систематических классификаций лексики в достаточно обобщённой форме, удобной для представления смысловой стороны слов. Таким образом, основой идеографического словаря является собственно понятие [5, с. 184]. А.Я. Середницкая

считает, что *идеографическая классификация* – это разделение слов на группы по понятиям, которые они выражают [12, с. 156–159]. Исследователи отмечают, что *идеографическая классификация* предусматривает определение иерархических (гиперо-гипонимических) связей между терминами, микрополями и предметно-понятийными группами, а также определение предметных соотношений терминов.

В своё время проблемой создания *идеографических словарей* занимались Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, О.С. Баранов, Л.Г. Бабенко, Н.Ю. Шведова. Однако отсутствие в современной украинской лексикографии *идеографических словарей* предопределено отсутствием единой методологической базы *идеографических классификаций*.

А.Я. Середницкая выделяет два основных метода *идеографизации* лексики: дедуктивный и индуктивный. Дедуктивный метод – классификация языковых явлений по критериям, которые предварительно сформулировал исследователь, т. е. наложение заранее сформированной сетки понятий, полученной путём абстрактных мыслительных обобщений, на языковой материал. Индуктивный метод предусматривает воссоздание понятийных обобщений, свойственных языку. Поиск системообразующих понятий, или концептов, происходит путём постепенного перехода от языкового материала к понятийным обобщениям [12, с. 156–159].

По мнению В.В. Морковкиной, *идеографическим* является такой словарь, в котором лексический материал подан “на основе критерия смысловой близости слов” [10, с. 9].

Понятийное поле в своё время изучали Н.Н. Сологуб, Л.А. Ставицкая, А.В. Бондарко, В.Г. Крюк, М.П. Кочерган, А.А. Бурячок и др.

П.В. Мацкив рассматривает *понятийное поле* как объединение нескольких микрополей – словесных знаков, соотносённых с подкатегориями в пределах общей понятийной категории. Ядерное микрополе (или микрополя), отмечает исследователь, содержит лексические номинации, которые систематически эсплицируют категорию и представляют её наиболее однозначно. По его мнению, в периферийных микрополях сосредоточены единицы, значение которых в меньшей или в большей степени отклоняются от семантики ядерного микрополя [9, с. 9].

Е.А. Селиванова определяет *лексико-семантическое / тематическое поле* как парадигматическое объединение лексических единиц определённой части речи на основе общности интегрального компонента значения (архисемы) [11, с. 327].

Что касается тематических групп слов (не понятий!), то Ф.П. Филин ещё в своё время отметил, что они принадлежат к явлениям языка лишь в том смысле, в котором могут быть показателями роста (или спада) обозначений определённого круга реалий. По мнению исследователя, объединения слов базируются не на лексико-семантических связях, а на классификациях самих предметов и явлений. Такие объединения слов могут быть названы *тематическими словарными группами* [13, с. 526–536]. Исследователь отмечает, что *лексико-семантическая группа* – это объединение слов по их лексическим значениям, в то время как тематическая классификация осуществляется

на основе осмысления обозначаемых понятий по тематическому признаку или сфере употребления, но при этом не учитываются отношения, в которых находятся слова по их значению; в свою очередь *тематическая группа* – это объединение слов, которое основывается не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений [14, с. 537–538].

Основным признаком тематического словаря, по мнению О. Костюшко, является тематическое расположение лексики определённого языка с учётом направленности. Такой словарь может быть и переводным. Именно тематическое группирование, по утверждению исследовательницы, даёт возможность изучать лексику системно, что способствует её лучшему запоминанию [7, с. 275–279].

Следовательно, различаем идеографическую (по принципу логического разделения терминопонятий на основе родо-видовых признаков, что даёт основания говорить о понятийных полях) и тематическую (по тематическим, а в их пределах – лексико-семантическим, группам, подгруппам и т. д., на основе предметной отнесённости термина) классификации.

Кроме идеографических и тематических словарей в современном языковедении активно начинают появляться и так называемые “словари концептов”. В.Л. Иващенко в лоне лингвоконцептологии выделяет лингвоконцептографию, или лингвоконцептологическую лексикографию, которая, по замечанию исследовательницы, тесно связана с созданием словарей концептов, и в этом контексте – словарей стереотипов, символов, образов, констант национального сознания, что обнаруживает

тесные связи как с собственно лексикографией и идеографией, так и с социо-, этно- и психолингвистикой [4, с. 383].

В.К. Щербин, рассматривая историю русской концептографии, понимает её как лексикографическое направление, в пределах которого объединяются теория и практика составления словарей концептов (концептуариев) [15, с. 197]. Исследователь считает, что в этом аспекте важно рассмотреть следующее: 1) что объединяет терминографию и специальную концептографию; 2) чем эти два направления различаются. Главной целью и терминографии, и специальной концептографии, по мнению В.К. Щербина, является создание словарей, где описываются и кодифицируются те единицы языка науки, которыми обозначаются специальные понятия. Именно поэтому реестры специальных энциклопедий часто объединяют в себе как концепты, так и узкоспециальные термины. По мнению учёного, если в терминологическом словаре основным объектом и единицей анализа является термин, то в специальном концептуарии роль термина является вспомогательной: он лишь обозначает научный концепт, то есть ключевое понятие, с помощью которого структурируется определённая область научных знаний [16, с. 380–383].

Подытоживая взгляды учёных на идеографические (идеографическая / понятийная организация), тематические (тематическая / предметная / лексико-семантическая организация) словари и словари концептов (концептуальная / смысловая / ментально-языковая организация), мы пришли к выводу, что несмотря на общую для всех словарей системность в изуче-

нии лексики (в частности, и терминологии), они значительно отличаются между собой. Тематические словари, как отмечает О. Костюшко [7, с. 275–279], подобно тематической классификации лексики группируют слова в определённые предметно-тематические группы. Реестровыми единицами такого словаря являются именно слова, которые структурируются по лексико-семантическим связям. Единицами описания в словарях концептов являются концепты (ментально-языковые единицы) как константы этно- и лингвокультуры, содержащие в себе, кроме лингвистической, ещё и энциклопедическую информацию. Особенностью же идеографического словаря является то, что его реестровыми единицами являются системообразующие понятия (ключевые концепты) как ментально-языковые единицы, которые структурируются на основе логико-понятийных отношений.

Таким образом, идеографический (логико-понятийный) словарь является как бы промежуточным звеном между тематическим (собственно предметно-языковым, лексико-семантическим) словарём и словарём концептов (понятий / смыслов, как констант этно- и лингвокультуры).

В этом аспекте В.Л. Иващенко выделяет пять основных уровней концептуализации на логико-понятийной основе: 1) суперординационный; 2) пресуперординационный; 3) базовый; 4) пресубординационный / специализированный; 5) субординационный / узкоспециализированный. Указанные уровни, по мнению исследовательницы, не являются закрытыми, поэтому изменение когнитивного расстояния между субъектом познания и позна-

ваемым объектом вызывает переход с одного уровня концептуализации на другой [3, с. 242–245]. При этом исследовательница *уровень концептуализации* понимает как “местопребывание субъекта познания в когнитивном пространстве, которое определяется когнитивным расстоянием между субъектом (концептуализатором) и объектом познания, то есть глубиной знаний и познавательных процессов, которыми владеет концептуализатор. Изменение когнитивного расстояния (чем больше мы знаем об объекте, тем ближе он в своём осмыслении концептуализатору) вызывает переход с одного уровня концептуализации на другой” [3, с. 242].

На небольшом фрагменте проиллюстрируем особенности идеографической организации названий субъектов культурной деятельности (НСКД), учитывая уровень их концептуализации, различая при этом:

- **1-й уровень** идеографической организации (суперординационный);
- **2-й уровень** идеографической организации (пресуперординационный);
- **3-й уровень** идеографической организации (базовый);
- **4-й уровень** идеографической организации (пресубординационный / специализированный);
- **5-й уровень** идеографической организации (субординационный / узкоспециализированный).

С помощью знака «*» отмечаем гиперонимы, не представленные в текстах украинских нормативно-правовых актов. Например:

Работник культуры

- артист
 - *артист ансамбля
 - артист ансамбля песни и танца

- артист ансамбля народных инструментов
- артист вокально-инструментального ансамбля
- артист вокального ансамбля
- артист эстрадно-инструментального ансамбля
- артист мимического ансамбля
- артист танцевального ансамбля
- артист хорового ансамбля
- артист балета
- артист-солист балета
- артист балета на льду
- *артист-вокалист
- оперный артист-вокалист
- камерный артист-вокалист
- артист-вокалист музыкальной комедии
- артист-вокалист эстрады
- артист цирка
- артист на трапеции
- артист-канатоходец
- воздушный гимнаст
- жонглер
- иллюзионист
- имитатор
- клоун
- комик цирковой
- артист-дрессировщик
- ✓ артист-дрессировщик животных
- ✓ артист-дрессировщик диких зверей
- ✓ дрессировщик диких животных.

По нашим наблюдениям, общее количество лексем, которые вошли в словарь-минимум НСКД, зафиксированных в украинском законодательстве, составляет 765 единиц, из которых на суперординационном уровне – 12 единиц (1,6%), на пресуперординационном уровне – 188 единиц (24,6%), на базовом уровне – 404 единицы (52,8%), на пресубординационном уровне – 147 единиц (19,2%), на субординационном уровне – 14 единиц (1,8%).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
2. Есипенко Н.Г. Концепт, концептуализация, концептуальный анализ / Н.Г. Есипенко // Вестник Житомирского национального университета. – Выпуск 56. – Серия: Филологические науки. – Житомир, 2011. – С. 77–80.
3. Иващенко В.Л. Концептуальная репрезентация фрагментов знания в научно-художественной картине мира (на материале украинской искусствоведческой терминологии): Монография. – Киев: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2006. – 328 с.
4. Иващенко В.Л. Лингвоконцептология и терминознание (аналитический обзор) / В.Л. Иващенко // Языковые и концептуальные картины мира: Сб. науч. тр.: в 2 ч. – Киев: Киевский нац. ун-т им. Тараса Шевченко, 2009. – Вып. 26. – Ч. 1. – С. 382–388.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
6. Костюшкина Г.М. и др. Концептуализация и категоризация в языке / Костюшкина Г.М., Озонова Л.Г., Попова А.А., Федотова М.А., Фетисова С.А., Фофин А.И., Эрдынеева Д.В. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2006. – 584 с.
7. Костюшко О. Тематические словари в современной славянской лексикографии // Проблемы славяноведения. – 2003. – № 53. – С. 271–280.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. Мацкив П.В. Концептосфера Бог в украинской языковой картине мира: библейский, фольклорный, словарно-

- диахронный дискурс: автореф. дис. ... докт. филол. наук; спец.: 10.02.01 "Украинский язык". – Киев, 2008. – 31 с.
10. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 71 с.
 11. Селиванова Е.А. Лингвистическая энциклопедия. – Полтава: Довкилля, – 2010. – 844 с.
 12. Середницкая А. Метод отбора реестровых единиц идеографического словаря глаголов перемещения украинского языка. – Национальный университет "Львовская политехника", 2008. – С. 156–159.
 13. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. – София: Издание на българската академия науките, 1957. – С. 523–538.
 14. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. – София, 1967. – С. 537–538.
 15. Щербин В.К. Истоки русской концептографии // Язык как система и деятельность-2: Материалы науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. Ю.А. Гвоздарева. – Ростов-н/Дону: Изд-во НМЦ "ЛОГОС", 2010. – С. 197–199.
 16. Щербин В. Терминография и специальная концептография: сравнительный анализ // Leksikografija ir leksikologija. – Vilnius: LKI, 2010. – С. 377–390.

УДК 811.581

Цзюй Хайна*Благовещенский государственный
педагогический университет (г. Благовещенск)***ОБРАЗНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ВРЕМЕНИ В ЗЕРКАЛЕ
ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье анализируются образные параметры китайской фразеологии времени. Автор рассматривает образную основу фразеологизмов с позиции когнитивной функции метафоры, лежащей в основе актуального значения оборотов. Выделено четыре образных параметра времени, актуализированных во фразеологии китайского языка: количественный параметр, возрастной параметр, параметр суточного цикла, оценочный параметр. Актуализация данных параметров проиллюстрирована примерами употребления фразеологизмов в языке. В исследовании отмечаются национально-специфические черты воплощения категории времени в рассматриваемых косвенных номинациях.

Ключевые слова: метафоризация, образные параметры времени, темпоральность, фразеология, китайский язык.

Tsjui Haina*Blagoveshchensk State Pedagogical University***IMAGINATIVE TIME PARAMETERS
IN MODERN CHINESE PHRASEOLOGY**

Abstract. This article analyzes imaginative phraseological units expressing the concept of time in the Chinese language. The starting point of the imaginative basis analysis is the cognitive function of the metaphors which originally formed these units. In the article four parameters of imaginative time realized in the phraseology of the Chinese language are identified: a numeric parameter, the age parameter, the parameter of the diurnal cycle, the evaluation parameter. Actual realization of these parameters is illustrated by numerous examples. The specific national features of the time category are described.

Key words: metaphorization, imaginative settings of time, temporality, phraseology, Chinese language.

В процессе фразеобразования ведущая роль принадлежит метафоре. Она выступает при этом орудием вербализации результатов когнитивной деятельности сознания. «Помимо номинативной, образной (изобразительно-выразительной) и экспрессивно-оценочной, метафоры, – утверждает Е.О. Опарина, – выполняют в языке

© Цзюй Хайна, 2014.

концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий» [4, с. 65]. Метафора – универсальный механизм когниции. С её помощью осуществляется интегративная деятельность мышления, когда в единое смысловое целое соединяется то, что раздроблено, что разнородно и несоединимо, но

в чём усматривается признак, объединяющий гетерогенные сущности.

Фразеологическая метафора создаёт возможность компрессии объёмного смысла в образе, интерпретирующем в эмоционально-экспрессивном ключе ту или иную актуальную ситуацию. Причём характер образной трактовки определяется этнокультурным фактором. Прототипическая основа образа может актуализировать интегративные признаки в разном «масштабе», неодинаково вписываться в структуру концепта, благодаря чему в разных языках и национальном сознании закрепляются единицы, в которых концептуальный признак получает неодинаковую когнитивную значимость.

В данной работе анализируются образные основы вербализации концепта «время» во фразеологии современного китайского языка. Сделана попытка выявить свойственные китайской фразеологии ориентиры избирательности языковых средств, использованных для обозначения различных осмыслений феномена «время», и тем самым прояснить направленность мировосприятия и миропонимания китайским этносом одной из важнейших категорий бытия.

Расширенную трактовку понятий образа и образности как абсолютных условий языкового существования и взаимодействия развивает Б.М. Гаспаров в работе «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» (1996). Автор трактует образное восприятие информации и образное понимание её как основной принцип коммуникации. При этом образ понимается как мыслительное, а не лингвистическое образование. В лингвистике образной признаётся языковая еди-

ница, значение которой опосредовано другой единицей.

Разделяя точку зрения исследователей о том, что при помощи образного отражения осуществляется особый способ концептуализации, когда ведущую роль выполняет зрительный анализатор [2], считаем необходимым отметить роль оценочного фактора. Время события, момент бытия человеку свойственно воспринимать субъективно, «меряя» происходящее прагматически. Оценка, эмоциональное окрашивание момента существования обусловлены не только психологически, но и существующими в сознании социальными и этническими стереотипами. Изучение содержания концепта «время», репрезентированного средствами фразеологии, убеждает в детализации его признаков. «Оязыковлённое» время антропоморфно, мыслится всегда по отношению к человеку, погружённому в бытие, ощущается всегда конкретно в соответствии с точкой его видения в данный момент.

Во фразеологии образный механизм номинации – способ вербального кодирования конвенциональных смыслов, которыми наделяются герметичные единицы тезауруса. Образно-символическая информация фразеологизмов в её очерченном проявлении на протяжении жизни многих поколений представляет фундамент концептуализации бытия народа. В данном исследовании рассматриваются типы образных моделей времени фразеологизмов китайского языка.

Мы прибегаем к понятию *образные параметры времени*, имея в виду показатели образных моделей, например, количественный показатель большой длительности, периоды суточного

цикла, оценочный показатель. (перцептивный аспект). В работах обычен логический критерий классификации темпоральной фразеологии (Словарь-тезаурус современной русской идиоматики 2007). Исследование образных моделей фразеологизмов, вербализующих время, осуществляется, как правило, избирательно (Арутюнова 1997; Яковлева 1994, 1995; Гридина, Ли Сяодуань 2012 [3]; Войцехович 2007; Потаенко 2008; Баженов 1999; Щербина 2012). Как свидетельствуют исследования языковой картины темпоральности, прототипическая база её в различных языках может быть сходной (например, необратимость течения воды в реке, цветение растения, смена состояний среды в соответствии со сменой периодов суточного цикла). Однако в концептуальной интерпретации образов у различных этносов есть особенности, чувствуется дух народного сознания, миропонимание народа.

В работе принята концепция Н.Ф. Алефиренко, согласно которой своеобразие той или иной языковой картины мира (ЯКМ) обуславливают концепты – уникалии [1, с. 71]. На одни и те же или сходные явления представители разных этносов могут смотреть не совсем одинаково. Например, русские и китайцы, уподобляя ход времени течению воды, акцентируют разные проявления образа. В русском языке подчёркивается длительность периода времени с тех пор, что произошло в прошлом: *Много воды утекло с тех пор, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарилось, ещё более родилось и умерло мыслей* (Л. Толстой). У китайцев есть оборот 岁月如流 [sui yue ru liu], который можно дословно перевести «Время как

река, непрерывно текущая круглые сутки». Акцент делается на непрерывности хода времени. Образ китайского фразеологизма конкретен.

Рассмотрим некоторые образные параметры фразеологии времени в китайском языке.

1. Количественный параметр

А) В роли эталона продолжительности выступает фразеологизм со значением «сто лет».

百年树人 [bai nian shu ren]. Фразеологизм употребляют по отношению к воспитанию, в этом случае контекст можно перевести так: «Воспитывать человека нелегко, нужно сто лет».

Значительность усилий и продолжительность процесса воспитания подчёркиваются благодаря сопоставлению в следующем предложении: 十年树木, 百年树人 («Десять лет нужно, чтобы выросло дерево, а чтобы воспитать человека, нужно сто лет»).

В данную группу входит фразеологизм 百年不遇 [bai nian bu yu]. Его значение дословно – «сто лет этого не случилось». Приведём контекст: 在这百年不遇的大地震中, 我们用行动证明了人民的团结 («Такого землетрясения не случилось сто лет, но люди объединились и справились с ним»).

Долгая супружеская жизнь также обозначается с помощью фразеологизма, в котором есть компонент «сто лет».

百年偕老 [bai nian xie lao] – «сто лет прожили вместе» – о супругах.

Пожелание супругам долгой совместной жизни выглядит так: 祝你们百年偕老 («Я желаю вам сто лет прожить вместе»).

百年之好 [bai nian zhi hao]. Фразеологизм буквально значит – «сто лет не разлучаться, всегда жить вместе» [5;

б). Русское соответствие приведённой фразы: «Я надеюсь, что вы никогда не будете разлучаться, всегда будете жить вместе».

百年之后 [bai nian zhi hou] («Возможно, через сто лет моя жизнь закончится»). Так пожилой человек может сказать не очень серьёзно собеседнику.

Пожелание долгой жизни по-китайски может звучать так: 长命百岁 [chang ming bai sui] («Желаю вам прожить сто лет»). В качестве этикетной формулы принято говорить: 祝您儿子长命百岁 («Пусть ваш сын проживёт сто лет»).

Б) Мерный параметр длительности времени может быть представлен более конкретно:

常年累月 [chang nian lei yue] – «целый год и месяц» [5; 6]. Данный оборот употребляют тогда, когда нужно подчеркнуть, что требуется длительный период для достижения хорошего результата, как в следующем примере: 出版一本书需要常年累月的工作. Русское соответствие таково: «Чтобы написать книгу, нужно долго трудиться».

В) Символом большой отдалённости в китайской фразеологии является образ «древних времён». О чём-то чрезвычайном, неслыханном китайцы говорят: с древних времён (было что-либо, никогда не слышали об этом).

亘古未闻 [gen gu wei wen] – «с древних времён (об этом никто не слышал)» [5; 6].

亲人们已经陷入亘古未闻的火坑中去了. Буквальный перевод приведённого контекста таков: «Семья впала в отчаяние, потому что случилось такое, о чём с древних времён никто не слышал». Образ древних времён есть также в обороте: 亘古未有 [gen gu wei you] («С древних времён до сегод-

няшнего дня такого не было») [5; 6]. Фразеологизм сообщает экспрессивность высказыванию: 我们从事的改革开放的事业是亘古未有的伟大事业. Приведём перевод китайской фразы: «Осуществлены реформы в деле открытости страны, что является великим достижением; с древних времён до сегодняшнего дня такого не было».

Таким образом, для носителей китайского языка символом временной длительности являются понятия *сто лет, древние времена*. Они приложимы к различным ситуациям: долгой, совместной жизни супругов, к долголетию человека, к процессу воспитания человека, к чему-то необычному, небывалому.

С помощью других количественных показателей (год и месяц) характеризуется ситуация необходимости длительных усилий для получения хорошего результата.

2. Возрастной параметр

Тот или иной возраст человека в китайской фразеологии представлен рядом специфических оборотов.

Тридцать лет в представлении китайцев – время зрелости, когда человеку положено быть успешным: 而立之年 [er li zhi nian]. 到了而立之年的歌德更加发奋读书; 所以他在后来创作了不少作品 («Гэ Дэ до тридцати лет старательно учился, а сейчас он автор многих произведений»).

Девочку-подростка 13–14 лет образно называют 豆蔻年华 [dou kou nian hua]. Внутренняя форма фразеологизма – сравнение девочки с цветущим кардамоном [5; 6]. Это растение зацветает очень рано – в феврале. Как видим, китайцы прибегают к флористической метафоре. 这些豆蔻年华的姑娘对未来充满无限希望 («Эти девочки-

подростки как цветущий кардамон, они с надеждой смотрят в будущее»).

В основе оборота 初生之犊 [chu sheng zhi du] – зооморфная метафора: молодой человек уподобляется только что родившемуся телёнку. Он смел и дерзок, ему неведомы опасности жизни, он ничего не боится [5; 6].

Приведём фразеологизм в характерном для него контексте: 这些小学生足球队员都有一股初生之犊的劲头 («Эти молодые футболисты как только что родившие телята, ничего не боятся»).

Человека преклонного возраста в китайском языке сравнивают со свечой на ветру 风烛残年 [feng zhu can nian] – «как свеча на ветру» [5; 6]. 当年风华正茂的伙伴如今已是风烛残年 («Раньше у них были элегантные и талантливые друзья, а теперь они как свеча на ветру»). Образ свечи на ветру поэтичен и в то же самое время точно характеризует старого человека, который так слаб, что может в любую минуту умереть.

Как видим, во фразеологии китайского языка возрастные периоды жизни человека представлены по-разному благодаря уподоблениям различным сложившимся в культуре эталонам.

3. Параметр суточного цикла

Ночное время, занятое работой, в китайском языке обозначают фразеологизмом 披星戴月 [pi xing dai yue], который буквально можно перевести так: «Звёзды наброшены на плечи, луна над головой» [5; 6]. Оборот включён в предложение: 他们早出晚归, 披星戴月地往返于两地做买卖 («Они вышли из дома рано и вернулись перед рассветом, работали всю ночь, у них бизнес в двух городах»).

Оборот 黑天白日 [hei tian bai ri] буквально переводится «днём и но-

чью» [5; 6]. Фактический смысл его также связан с трудом, т. е. трудиться непрерывно целые сутки; ср.: 工人们黑天白日的工作, 从不休息 («Рабочие днём и ночью работают, никогда не отдыхают»).

Фразеологизм 闻鸡起舞 [wen ji qi wu] буквально значит: «Когда слышишь крик петухов, надо вставать и упражняться» [5; 6]. Данный фразеологизм китайского языка в своей внутренней форме отражает бывшую в прошлом необходимость с раннего утра быть готовым к отражению возможной опасности.

Оборот 月落星辰 [yue luo xing chen] буквально переводится: «Луна восходит, света звёзд ещё не видно» [5; 6]. Значение фразеологизма – «скоро будет вечер».

我们一直谈到月落星辰, 我才依依不舍地起身告别 («Мы разговаривали очень долго и не заметили, что уже наступил вечер»).

Приведённый материал иллюстрирует обозначение периодов суточного цикла с помощью акцентированной фиксации в оборотах различных моментов: времени, занятом работой, наблюдаемых примет окружающей природной среды (звёзды, луна, крик петуха).

4. Оценочный параметр

Время бытия человека в китайском языке может оцениваться как удачное, счастливое.

Очень ответственно китайцы подходят к выбору дня для свадьбы. Существует оборот 吉日良辰 [ji ri liang chen] – «Счастливым день – удачное время для свадьбы» [5; 6]. Данный оборот употреблён во фразе: 要选个吉日良辰结婚 («Надо выбрать счастливый день для свадьбы»).

Есть фразеологизм, рекомендуемый использовать выпадающий человеку шанс сделать что-то хорошее, использовать подходящий момент, не упустить шанс: 不失时机 [bu shi shi ji].оборот дословно переводится следующим образом: «использовать подходящий момент, не потерять шанс» [5; 6].

Близкий к рассмотренному обороту фразеологизм 及时行乐 [ji shi xing le], что значит «Не упускать возможность отдохнуть, если представился шанс» [5; 6]. Иными словами – не нужно жалеть времени на отдых, если есть возможность отдохнуть.

Таким образом, оценка времени оказывается субъективной, так как время считается хорошим или плохим по тому, как складываются дела человека: удачно или неудачно.

О времени жизни человек судит неодинаково. Замечено, что люди о прожитом времени вспоминают с ностальгией. Пожилые часто считают прежнюю жизнь лучше, чем настоящую.

Эту мысль передаёт фразеологизм 今不如昔 [jin bu ru xi] – «Сегодня не так, как было раньше» [5; 6]. Таким образом, прошедшие годы оцениваются с позиции сегодняшнего дня.

Так же субъективно представление хода времени в сознании человека. Для обозначения хода времени в китайском языке могут использоваться сравнения. Одни из них являются универсальными, так как есть и в других языках. Например: 岁月如流 [sui yue ru liu] – «время течёт как вода». Другие сравнения характерны только для китайского языка. Такими являются выражения 百代过客 [bai dai guo ke] – «время прошло как спешащий прохожий»; 白驹过隙 [bai ju guo xi] – «время как белая лошадь пробежала через

щель»; 光阴似箭 [guang yin si jian] – «время как стрела». Своеобразен фразеологизм 风靡一时 [feng mi yi shi], который обозначает переменчивость моды, дословно: «мода бывает для каждого дня своя» [5; 6].

Как видим, характер оценки времени может быть разным, но он всегда обусловлен субъективным восприятием человека.

Таким образом, из нашего анализа языкового материала следует, что в китайской темпоральной фразеологии специфичными образами представлены следующие параметры: количественный, возрастной, суточный, оценочный (может быть реализован с точки зрения удачного, подходящего момента; оценки прошлого с позиции сегодняшнего дня, оценки хода времени).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.; Тамбов, 2004. – № 1. – С. 71-81.
2. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глаголов сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – 2013. – № 1. – С. 64-67.
3. Гридина Т.А., Ли Сяодуань. Фразеологические номинации с темпоральной семантикой в русском и китайском языках: проблема эквивалентности // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 3. – С. 176-181.
4. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65-77.
5. Китайский фразеологический словарь. – Пекин, 2006. – 1001 с. /中华成语词典

- 典，北京：商务印书馆国际有限公司，2006.
6. 赵辛予，找辛茅 Многофункциональ-
ный фразеологический словарь. – Пекин,
2004. – 1074 с. / 多功能成语词典，北
京：商务印书馆国际有限公司，2004.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 811.111'38

Меркурьева Н.Ю.

Столичный институт иностранных языков (г. Москва)

О МЕСТЕ ПРИСОЕДИНЁННОГО ВОПРОСА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация. Работа посвящена одному из аспектов грамматики присоединённого вопроса английского языка – его положению в предложении. Ранее было показано, что в современной речи для присоединённого вопроса характерна подвижность, вклинивание в основную конструкцию – опорное предложение. В работе исследуется положение присоединённого вопроса в предложении в различные исторические периоды, начиная с начала новоянглийского периода (примерно 1500 г.) и заканчивая 1880-ми годами. Анализируются особенности, касающиеся положения присоединённых вопросов в литературных произведениях различных эпох.

Ключевые слова: синтаксис сложного предложения, исторический синтаксис английского языка, вопросительное предложение, присоединённый вопрос, диахрония присоединённых вопросов.

N. Merkuryeva

The Metropolitan Institute of Foreign Languages, Moscow

THE POSITION OF THE TAG-QUESTION IN A SENTENCE

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of tag-question grammar – its position in a sentence. As it has been shown, in modern English the tag-question is characterized by shifting position. Although most frequently it occurs at the end of the structure, it is very often placed in the middle of the sentence after the part of the sentence it is connected with. In the article some peculiarities of tag-questions position in various periods are discussed. Sentences containing tag-questions from works of British writers of the period from 1500 till 1880 are analysed.

Key words: compound sentence syntax, historical syntax of the English language, interrogative question, tag-question, tag-question diachrony.

Как известно, присоединённый вопрос / tag-question – широко распространённое явление современного английского языка и разговорной речи. Место присоединённого вопроса в предложении может быть различным.

Наиболее часто встречающееся расположение – непосредственно после опорного предложения, к которому присоединённый вопрос относится, независимо от того, насколько сложна предикативная конструкция в целом: “Ask for twenty thousand, **will you?**”, “Get the chief radar operator up here, **will you, and let me talk to him.**”, или же в концовке всей конструкции: “Well, keep Junior here off the controls while I serve coffee, **won't you?**” (1967 Castle, Hailey [44, p. 26, 82, 21]).

Такую же позицию присоединённого вопроса отмечают авторы «Universals of Human Language» и «A Grammar of Contemporary English», рассматривая примеры, где опорное предложение содержит *that*-придаточное. В частности, отмечены случаи, в которых подлежащее главного предложения представлено местоимением 1-го лица единственного числа со сказуемым типа *suppose*. Тогда присоединённая вопросительная часть включает слова-заместители главных членов придаточного предложения и помещается после него: *I don't suppose the Yankees will win, will they?* *I don't know that there's anything he can do about it, is there?* *I suppose you're not serious, are you?* [7, с. 392; 8, с. 160].

Исследователи также отмечают общую особенность присоединённого вопроса современного английского языка – его подвижность, вклинивание в основную конструкцию. В частности, Л.П. Бердникова показала, что

примерно 30% присоединённых вопросов не следуют за основной структурой, а вклиниваются в неё. Назначение присоединённого вопроса при этом – выделение центра вопросительности (под центром вопросительности понимается запрос об информации, который складывается из указания на отсутствие или недостаточность информации в определённом месте предложения и побуждения собеседника к восполнению информационного провала, то есть к ответу), ограничение его и препятствие его расширению: *It was a windy night, was it not, on October fourteenth?* (Christie). *A windy night* входит в центр вопросительности, а о словах *on October fourteenth* нет запроса. Автор отмечает, что присоединённый вопрос всегда выделяет одно сказуемое, и даже при двух однородных сказуемых расчленённый вопрос имеет один глагольный центр вопросительности: *But I remember now. Bolivia – he shot a man, didn't he, and lost the transport?* (Galsworthy) [1, с. 10, 27, 29]. Таким образом, присоединённый вопрос относится не ко всему опорному предложению, а только к той части, которую говорящий хочет выделить.

Представляется интересным проследить положение присоединённого вопроса в предложении, начиная со времени его появления в письменных источниках. Ранее было показано, что присоединённые вопросы в древнеанглийских и среднеанглийских письменных памятниках не найдены; появление присоединённых вопросов относят к началу новоанглийского периода [4, с. 10; 3, с. 140–141; 9, с. 174–177, 275–278]. Поэтому обратимся к конструкциям с присоединёнными вопросами, употребляемым авторами

в различные исторические периоды, начиная с периода Возрождения (далее использована периодизация в соответствии с источниками [2; 5; 6]).

В произведениях периода Ренессанса (1485–1660 гг.) присоединённый вопрос, оформляющий простое опорное предложение, помещается только в концовке конструкции: “*Blinde men should iudge no coloures: should they nat?*” (1562 Heywood John, *Three hundred epigrams* [14, p. 166]); “*I sent him a full answer by you, did I not?*” (1552 Udall Nicholas, *Ralph Roister Doister* [20, p. 60])¹.

Если опорное предложение является сложным, то присоединённый вопрос также размещается только в конце конструкции. При этом присоединённая часть может лексически и грамматически быть связана с разными клаузами. Если предложение содержит клаузму *I think, I hope, I trust*, то чаще всего присоединённый вопрос будет связан с придаточной частью: “*I ha’ sworn I’ll ha’t, and I hope you will not let my oaths be cracked in the ring, will you?*” (1604 Dekker Thomas, *The Honest Whore* [11, p. 134]); “*I think it is good morrow, is it not?*” (1598 Shakespeare, *Henry IV* [17]); “*Why, and I trust I may go too, may I not?*” (1594 Shakespeare, *The Taming of the Shrew* [18]); “*I think you’ll take his part, will you not?*” (1607 Beaumont Francis, *The Knight of the Burning Pestle* [10, p. 67]).

Несколько реже, как в примере “*Thou thinkst thou maist be as fawcy with me as my Buffe Ierkin, to sit vpon me, dost?*” (1602 Dekker Thomas, *The Vntrussing of the Humorous Poet* [13,

p. 230]), присоединённый вопрос связан с *Thou thinkst*. Таким образом, только опираясь на грамматические и лексические характеристики присоединённого вопроса, слушающий или читающий понимает, по поводу какой части высказывания говорящий делает запрос. При этом часть, по поводу которой делается запрос, может отстоять от вопросительной части на 15–21 словоформу: “*You could for a need study a speech of some dozen lines or sixteen lines, which I would set down and insert in’t, could you not?*” (1601 Shakespeare, *Hamlet* [16]); “*This might be the pate of a politician, which this ass now oerreaches; one that would circumvent God, might it not?*” (1601 Shakespeare, *Hamlet* [16]); “*This might be my Lord Such-a-one, that praised my Lord Such-a-one’s horse when’a meant to beg it, might it not?*” (1601 Shakespeare, *Hamlet* [16]). Вполне может быть, что такая форма являлась «полусинтетической», то есть основанной на существующих явлениях устной речи, но пригодной только для письменной речи и только в ней встречающейся.

Итак, в период Ренессанса присоединённый вопрос занимает только финальную позицию в предложении. Изредка после него ставится обращение: “*Oh, that was the story of Jone and the wall, was it not, George?*” (1607 Beaumont Francis, *The Knight of the Burning Pestle* [10, p. 60]). Обращение может также стоять и перед присоединённым вопросом, как в примере “*You both are married, Lacy, art thou not?*” (1599 Dekker Thomas, *The Shoemaker’s Holiday* [12, p. 84]). Вклинивание присоединённого вопроса в основную конструкцию, столь типичное для современной речи, в этот период не наблюдается. Однако

¹ Здесь и далее для цитируемых примеров указываются год написания, автор, название произведения, страница.

можно отметить уже существующие тенденции вклинивания предложений с прямым порядком слов, позволяющие предположить возможную подвижность присоединённого вопроса в дальнейшем: “Of the dewkdom of loreynoon, *I vndistonde*, was borne;...” (1477 Norton Thomas, *The Ordinal of Alchemy* [15]); “Ye could not else, *I wot*, with me endure” (1516 Skelton John, *Magnificence* [19, p. 173]).

В период Реставрации (1660–1688 гг.) по-прежнему реализуется только финальная позиция присоединённого вопроса. Увеличивается частотность примеров с обращением, стоящим в пре- или постпозиции к присоединённому вопросу: “Then I suppose, Brother, you travel through Muscovy to learn Fashions, *don't you*, Brother?”; “What, you won't leave me so soon, my Dear, *will ye?*” (1700 Farquhar George, *Constant Couple* [22, p. 18, 45]); “She came in a coach, *did she not*, Madam?” (1700 Farquhar George, *Love and a Bottle* [23, p. 36]). В середину предложения по-прежнему вклинивается пока ещё только предложение с прямым порядком слов: “Why, (cry'd Lucy,) you don't mean, *I hope*, to leave me with his Majesty of Bantam?” (1683 Behn Afra, *The Court of the King Bantam* [21, p. 421]).

В период Раннего Просвещения (1688–1730-е гг.) присоединённый вопрос начинает вклиниваться в основную структуру: “Thou wilt not hang me, *wilt thou*, wrongfully?”; “Thou would'st not take my Name from me, *would'st thou?* – ‘till I have done with it” (1717 Centlivre Susanna, *A Bold Stroke for a Wife* [24, p. 256–257]). Пока это является индивидуальным стилем автора и встречается ситуативно.

В этот же период появляется форма *d'ye hear*, которая получает распространение: “I'll leave your Old Friend with you. – Humphrey – don't let him stir, *d'ye hear*: Your Servant, your Servant.” (1723 Steele Richard, *The Conscious Lovers* [30, p. 17]), “Some body knocks; - *d'ye hear*, I am at home to no body to-day, but him.” (1731 Lillo George, *The History of George Barnwell* [27, p. 111]).

В период Позднего Просвещения (1740-е–1760-е гг.) расширяется круг присоединённых вопросов, вклинивающихся в основную структуру: “'Tis cool, sir, *isn't?* – rather chill somehow!” (1775 Sheridan Richard, *The Rivals* [29, p. 40]); “Very well: take his presents home to him; and *do you hear?* Bring me back all the foolish letters I writ to him.” (1761 Murphy Arthur, *All in the Wrong* [28, p. 336]) “Now, neighbours, here's a pretty rascal; this same Mug, because, *d'ye see*, state affairs would not jog glibly without laying a farthing a quart upon ale;” (1763 Foote Samuel, *The Mayor of Garratt* [26, p. 23]).

В период 1770-1830 гг. присоединённый вопрос в середине основной структуры становится распространённым явлением. Теперь это не только краткие предикативные структуры, как в следующих примерах: “But now thou knowest my drift, thou wilt resume thine own original plan, *wilt thou not?* – Thou hast nothing, thou seest, to fear from my interference.” (1819 Scott Walter, *Ivanhoe* [36, p. 232]); “But the fairer and the more spotless the victim, *is it not*, my sister, the more worthy of acceptance?” (1820 Scott Walter, *The Abbot* [35, p. 108]); “Don't you mind 'un, zur, *don't ye* – he be's intoxicated.” (1797 Morton Thomas, *Cure for the Heart Ache* [34, p. 11]); “It seems that travelling somewhere about Geneva, he came

to some pretty green spot, or nook, where a willow, or something, hung so fantastically and invitingly over a steam – *was it?* – or a rock? – no matter...” (1823 Lamb Charles, *The Essays of Elia* [32, p. 212]). Полное вопросительное предложение с инверсией также может вклиниваться в основную структуру: “Trace it then to its lucky landing – *at Lyons shall we say?* – I have not the map before me.” (1823 Lamb Charles, *The Essays of Elia* [32, p. 121]); “What a proposal was this to a wife---to a wife, *did I say?* alas, to a lover---a wild and extravagant lover!” (1783 Lee Sophia, *The Recess* [33, p. 223]); “Trite as the counsel was, and impossible, as one should think, to be missed on, - *shall I confess?* in this emergency, it was to me as if an angel had spoken.” (1833 Lamb Charles, *The Last Essay of Elia* [31, p. 121]); “I was present – *at what would you imagine?* – at an angel’s gossiping.” (1833 Lamb Charles, *The Last Essay of Elia* [31, p. 183]); “Here, Urfried – hag – fiend of a Saxon witch – *hearest me not?* – tend me this bedridden fellow.” (1819 Scott Walter, *Ivanhoe* [36, p. 331]); “Peter, I say, *dost thou not hear?* – it is thy gossip, Father Philip, who calls thee.” (1820 Scott Walter, *The Monastery* [37, p. 48]).

В период Раннего Просвещения появляются примеры, в которых присоединённая часть начинает отделяться от опорного предложения словами автора: “Why, you would not be so impudent, you jade you,” says I, “*would you?*” (1724 Defoe Daniel, *Roxana* [25, p. 41]). До 1830-х гг. количество таких примеров невелико: “A relative of Lady Margaret Bellenden,” replied Morton. “*is he not?*” (1820 Scott Walter, *Old Mortality* [38, p. 379]).

В Викторианский период (1837–1880 гг.) отделение опорной и присоединённой частей словами автора

становится нормой и встречается достаточно часто: “Well, that was a strange dream,’ said Mrs. Cadurcis; ‘*was it not, Doctor?*” (1837 Disraeli Benjamin, *Venetia* [43, p. 67]); “How do they call him?” said the landlady. “Biraud, *is it not?*” (1857 Dickens Charles, *Little Dorrit* [42, p. 66]); “I think so,” answered Florence. “*Don’t you?* What do you think?” (1848 Dickens Charles, *Dombey and Son* [41, p. 40]). Вклинивание присоединённого вопроса в основную конструкцию, в общем, соответствует современным вариантам употребления: “I mentioned – *didn’t I?* – that I had heard something on my road to his house.” (1856 Collins Wilkie, *The Frozen Deep* [39, p. 98]); “We none of us know – *do we?* – how soon we may want a friend.” (1887 Collins Wilkie, *The Ghost’s Touch* [40, p. 261]).

Таким образом, в современной речи говорящий (пишущий) может располагать присоединённый вопрос согласнo своему намерению – относя его ко всему опорному предложению, или же выделяя ту часть опорного предложения, по поводу которой делается запрос, таким образом формируя «центр вопросительности». Присоединённый вопрос не всегда мог располагаться около такого «центра». Для письменных памятников Ранненовоянглийского периода характерно расположение присоединённого вопроса только в концовке конструкции. В художественных произведениях периода Ренессанса (1485–1660 гг.), а также периода Реставрации (1660–1688 гг.) реализовывалось только финальное положение присоединённого вопроса, независимо от состава опорного предложения. С течением времени присоединённый вопрос приобрёл свойство вклиниваться в опорное предложе-

ние, «приближаясь» к той его части, которую говорящий (пишущий) хотел выделить. Первые свидетельства этого процесса встретились нам в художественных текстах периода Раннего Просвещения (1688–1730-е гг.). В период Позднего Просвещения (1730-е–1760-е гг.) разнообразие присоединённых вопросов, вклинивающихся в основную структуру, увеличилось, и к периоду 1770–1830 гг. присоединённый вопрос в середине основной структуры стал довольно распространённым явлением. В произведениях Викторианского периода (1837–1880 гг.) положение присоединённого вопроса в предложении, в общем, уже соответствовало современному.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Литература:

- Бердникова Л.П. Подтвердительные вопросы в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1972. – 33 с.
 - История английской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. – Т. 1–3.
 - Писанко Н.И. Модально-экспрессивные значения некоторых общепросительных предложений современного английского языка: дис... канд. филол. наук. – Томск, 1971. – 257 с.
 - Рейнланд Р.Л. Вопросительное предложение в английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1961. – 16 с.
 - Утевская Н.Л. English and American Literature. – СПб.: Антология, 2009. – 400 с.
 - Brodey K., Margaretti F. Focus on English and American Literature. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 400 p.
 - Quirk R. et al. A Grammar of Contemporary English / Quirk R., Greenbaum S., Leech G. and J. Svartvik. – London: Longman, 1972. – 1120 p.
 - Universals of Human Language. V. 4. Syntax. – California, Stanford: Stanford University Press, 1978. – 667 p.
 - Visser F.Th. An historical syntax of the English Language. – Brill, 2002. – V. 1. – 657 p.
- Источники языкового материала:*
- Период Ренессанса
- Beaumont Francis. The Knight of the Burning Pestle. Three Elizabethan Plays. – London: Thomas Nelson&Sons, 1938. – 287 p.
 - Dekker Thomas. The Honest Whore. The Best Plays of the Old Dramatists. Thomas Dekker. – London: T. Fisher, 18---. – 473 p.
 - Dekker Thomas. The Shoemaker's Holiday. The Best Plays of the Old Dramatists. Thomas Dekker. – London: T. Fisher, 18---. – 473 p.
 - Dekker Thomas. The Vntrussing of the Humorous Poet. Dekker's Dramatic Works in four vol. – London: John Pearson, 1873. – V. 1. – 340 p.
 - Heywood John. Three hundred epigrams. John Heywood's Works and Miscellaneous Short Poems. – Urbana: The University of Illinois Press, 1956. – 297 p.
 - Norton Thomas. The Ordinal of Alchemy. Thomas Norton's Ordinal of Alchemy. – Oxford: Oxford University Press, 1975. – 125 p.
 - Shakespeare William. Hamlet. The Complete Works of Shakespeare. – Chicago: University of Chicago, 1973.
 - Shakespeare William. Henry IV. The Complete Works of Shakespeare. – Chicago: University of Chicago, 1973.
 - Shakespeare William. The Taming of the Shrew. The Complete Works of Shakespeare. – Chicago: University of Chicago, 1973.
 - Skelton John. Magnificence. The complete Poems of John Skelton. – London: J.M. Dent and Sons ltd, 1948. – 446 p.
 - Udall Nicholas. Ralph Roister Doister. The Dramatic Writings of Nicholas Udall. –

London: Ed. John S. Farmer, 1907. – 160 p.

Период Реставрации

21. Behn Afra. The Court of the King of Bantam. – London: R. Wellington, 1700. – 464 p.
22. Farquhar George. Constant Couple. The Works of Late Ingenious Mr. George Farquhar. – London, 1710. – 156 p.
23. Farquhar George. Love and a Bottle. The Works of Late Ingenious Mr. George Farquhar. – London, 1710. – 156 p.

Эпоха Просвещения

24. Centlivre Susanna. A Bold Stroke for a Wife. The Dramatic Works of Celebrated Mrs. Centlivre. V. 3. – London: John Pearson, 1872. – 372 p.
25. Defoe Daniel. The Fortunate Mistress: or, a History of the Life and Vast Variety of Fortunes of Mademoiselle de Beleau (Roxana). – London: T. Warner, 1724. – 413 p.
26. Foote Samuel. The Mayor of Garratt. British Theatre. – Leipsig: J.S. Wassermann, 17---. – 28 p.
27. Lillo George. The History of George Barnwell. The Works of Mr. George Lillo in two volumes. V. 1. – London: T. Davies, 1775. – 303 p.
28. Murphy Arthur. All in the Wrong. The Works of Arthur Murphy in seven volumes. V. 3. – London: T. Cadell, 1786.
29. Sheridan Richard. The Rivals. The Works of the Late Right Honourable Richard Brinsley Sheridan. – Leipsig: Ernest Fleischer, 1833. – 230 p.
30. Steele Richard. The Conscious Lovers. – London: J. Tonson, 1723. – 86 p.

1770-e–1830-e гг.

31. Lamb Charles. The Last Essays of Elia. – London: J.M. Dent&Co, 1906. – 254 p.
32. Lamb Charles. The Essays of Elia. – London: J.M. Dent&Co, 1906. – 294 p.
33. Lee Sophia. The Recess; or, a Tale of Other

Times. V. 1. – London: T. Cadell, 1786. – 263 p.

34. Morton Thomas. Cure for the Heart Ache. British Theatre. V. 35. – London: Longman, 18---. – 82 p.
35. Scott Walter. The Abbot. V. 9. – London: Bradbury, Agnew& Co, 1877. – 552 p.
36. Scott Walter. Ivanhoe. V. 7. – London: Bradbury, Agnew& Co, 1877. – 572 p.
37. Scott Walter. The Monastery. V. 8. – London: Bradbury, Agnew& Co, 1877. – 479 p.
38. Scott Walter. Old Mortality. V. 3. – London: Bradbury, Agnew& Co, 1877. – 517 p.

Викторианский период

39. Collins Wilkie. The Frozen Deep. Collections of British Authors. The Frozen Deep and Other Stories. – Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1874. – 316 p.
40. Collins Wilkie. The Ghost Touch. Collections of British Authors. – Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1887. – 279 p.
41. Dickens Charles. Dombey and Son. V. 8. – London: Chapman and Hall, 1873. – 449 p.
42. Dickens Charles. Little Dorrit. V. 11. – London: Chapman and Hall, 1873. – 423 p.
43. Disraeli Benjamin. Venetia. V. 1. Embracing Novels, Romances, Plays, Short Stories and Great Speeches. – London: M. Walter Dunne, 1904. – 435 p.

XX век

44. Castle J., Hailey A. Flight into Danger. – London: Pan Books, 1967. – 140 p.

УДК 81'373.46

Чернышова Л.А.*Московский государственный университет путей сообщения***ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ КАК КОМПОНЕНТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Аннотация. В статье на основе когнитивного подхода исследуется интернациональная лексика в составе отраслевой терминологии. На материале русской, английской, немецкой, испанской и французской терминологий железнодорожного транспорта выявляются интернациональные единицы специальной лексики. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу русских и английских отраслевых интернациональных терминов в плане содержания. Определяется общее и специфическое в профессиональной языковой картине мира. Из проведённого анализа следует, что наличие интернационализмов в специальной лексике может служить подтверждением общности некоторых когнитивных процессов.

Ключевые слова: интернациональный термин, профессиональная языковая картина мира, отраслевая терминология, дефиниция.

L. Chernyshova*Moscow State University of Railway Transport***INTERNATIONAL TERMS AS PART
OF PROFESSIONAL LANGUAGE WORLD IMAGE**

Abstract. The article offers a cognitive approach to the study of international terms as a part of professional terminology. International words in Russian, English, German, Spanish and French rail terminology are singled out. Particular emphasis is put on contrastive semantic analysis of English and Russian international railway terms. Common and specific features in professional world-image are determined. The analysis shows that international terms in professional vocabulary can be regarded as a proof of certain cognitive processes similarity.

Key words: international term, professional language world image, branch terminology, definition.

Интернациональные термины представляют значительный интерес для исследования отраслевой терминологии, проводимого с опорой на антропоцентризм, поскольку с ними связаны многие отличительные особенности профессиональной языковой картины мира, национального профессионального мышления человека, формирования профессиональной языковой личности.

© Чернышова Л.А., 2014.

А.А. Реформатский подчёркивал, что “ничейный” характер греко-латинских основ обеспечивает возможность семантического и словообразовательного единства международной европейской терминологии при соблюдении национальной специфики грамматического, деривационного и фонетического оформления международной терминологии [6, с. 171].

Вместе с тем в литературе отмечается, что интернациональные термины

далеко не всегда получают однозначное осмысление в разных национальных терминологиях. Так, например, русские и английские слова *аудитория* / *auditorium*; *нация* / *nation* имеют разный семантический объём [2]. Формально совпадающие в русском и английском языках слова *дата* / *data* имеют разное значение: в английском – это “данные”, а в русском – “дата” (‘календарное время какого-н. события’, ‘помета, указывающая время (год, месяц, число) написания чего-н.’ [5, с. 155]).

Вопрос семантической эквивалентности схожих по форме единиц

специальной лексики разных языков решается прежде всего при опоре на критерий дефинитивности.

При исследовании русской и английской отраслевой терминологии железнодорожного транспорта мы выявили интернациональные единицы в составе специальной лексики данной профессиональной деятельности человека, используя имеющиеся лексикографические источники на русском, английском, немецком, испанском и французском языках. Примеры терминов, выявленных в результате проведённого анализа, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Примеры интернациональных железнодорожных терминов в английском, французском, испанском, немецком и русском языках

Английский	Французский	Испанский	Немецкий	Русский
line	ligne	linea	Linie	линия
zone	zone	zona	Zone	зона
dispatcher	dispatcher	dispatcher	Dispatcher	диспетчер
transit	transit	transito	Transit	транзит
container	container	container	Container	контейнер
distance	distance	distancia	Distanz	дистанция
wagon	wagon	vagon	Wagen	вагон
blocking	blocaje	bloqueo	Blockung	блокировка
banquette	banquette	banqueta	Bankett	банкет
distance	distance	distancia	Distanz	дистанция
terminal	terminal	terminal	Terminal	терминал

Как можно видеть, вышеприведённые интернациональные единицы последовательно представлены во всех пяти терминологиях железнодорожного транспорта.

Термины, совпавшие в плане выращения, мы подвергли тщательному сопоставительному анализу в плане содержания на основе критерия дефинитивности. Изучение материала по-

казало, что подавляющее большинство интернационализмов получает однозначное осмысление в разных языках и, следовательно, относится к эквивалентной лексике.

Например, термин *container* в англоязычной железнодорожной традиции определяется как “an independent structural unit, either open or fully enclosed, designed for intermodal transport

of commodities. A large percentage of intermodal containers are designed with standard corner fittings for positive securement to highway trailers, rail cars, or ocean-going vessels, thereby facilitating interchange between carriers in international trade" [8].

Аналогичное осмысление термина **контейнер** мы находим в энциклопедии железнодорожного транспорта: **контейнер** – «единица транспортного оборудования многократного использования (в течение установленного срока службы), имеющая конструкцию, которая обеспечивает сохранную перевозку грузов одним или несколькими видами транспорта (без промежуточной выгрузки), оборудованная приспособлениями для ускорения погрузки, выгрузки и перегрузки» [4].

Сходное осмысление подавляющего большинства интернациональных железнодорожных терминов, по видимому, обусловлено тем, что для данной профессиональной деятельности человека характерна общность подходов к осуществлению процесса перевозок и используемого подвижного состава.

Значительный интерес для нашего исследования представляли случаи несовпадения семантики интернациональных единиц, поскольку национальная специфика профессиональной языковой картины мира проявляется прежде всего на фоне другой профессиональной языковой картины мира.

Анализ плана содержания интернационализмов выявил единицы специальной лексики, совпадающие по своему морфологическому составу, но имеющие разный семантический объём в разных национальных термино-

логических системах. Так, например, термин-эпоним **дизель**, являющийся однозначным в русской отраслевой терминологии («двигатель внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия, установленный на *тепловозе*» [4]), имеет два значения в английской: «1. Compression ignition engine installed on the locomotive; 2. A railway locomotive in which a prime mover is a diesel engine» [8].

Приведём другой пример. Интернационализм **platform / платформа** является многозначным и в английской, и в русской железнодорожной терминологии, однако семантический объём данного слова в этих терминологиях не совпадает. Англоязычные специалисты в области железнодорожного транспорта осмысляют данный термин как: 1. a flat surface built at a higher level than the track in a railway station where travelers wait; 2. a station, usually staffed, of sufficient length to accommodate a short train [8]. В русской отраслевой терминологии интернационализм **платформа** имеет не только сходные значения: 1. «возвышение, площадка для посадки пассажиров»; 2. «небольшая железнодорожная станция» [4], но и значение, отсутствующее у английской единицы: «открытый железнодорожный вагон с низкими бортами для перевозки грузов» [4].

Сопоставительный анализ научных дефиниций терминов **distance / дистанция** свидетельствует, что данные интернациональные единицы не эквивалентны. Англоязычные специалисты в области железнодорожного транспорта осмысляют данный термин как «расстояние», а у русских железнодорожников слово **дистанция** ассоциируется с понятием *администра-*

тивно-технического структурного подразделения на железной дороге.

Изучение материала показало, что и такой интернациональный термин, как *wagon / вагон* не получает однозначного осмысления в разных национальных терминологиях. Если русские железнодорожники обозначают им *любой* вагон в составе поезда, то для британцев – это определённый тип вагона, а именно – *грузовой* вагон (“generic term for any freight vehicle” [8]). Сходное британскому осмысление данного термина характерно и для французской железнодорожной терминологии. Немецкие же специалисты железнодорожного транспорта, как и русские, понимают под термином *wagon* *любой* вагон в составе поезда. Из сказанного следует, что профессиональное сознание разных этносов по-разному отображает один и тот же предмет, что и фиксирует план содержания термина.

Следует подчеркнуть, что в национальной терминологии любой области знания каждая единица интернациональной лексики проходит свой путь семантического развития, что

обусловлено спецификой лексико-семантической системы данного языка и профессиональной языковой картиной мира специалистов, говорящих на данном языке. Расхождения в осмыслении интернационализмов диктуют необходимость уточнения специфики значения того или иного интернационального термина в составе данной терминологии, так как «интернационализмы могут выступать как в роли “подлинных друзей переводчика”, так и в роли “ложных друзей переводчика”» [3, с. 11].

Различия в профессиональной языковой картине мира специалистов, говорящих на разных национальных языках, могут проявляться не только в плане содержания, т. е. в осмыслении интернациональных единиц, но и в плане выражения, когда вместо ожидаемого интернационализма в той или иной национальной терминологии встречается термин национальный. При эквивалентности содержания изменяется лишь формальное выражение.

Примеры подобного рода терминов приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Примеры интернациональных и национальных железнодорожных терминов в английском, французском, испанском, немецком и русском языках

Английский	Французский	Испанский	Немецкий	Русский
rail	rail	riel	<i>Schiene</i>	рельс
ballast	ballast	balasto	<i>Bettung</i>	балласт
berm	berme	berma	<i>Schutzrandstreifen</i>	берма
gravel	gravier	grava	<i>Kies</i>	гравий
semaphore	semaphore	semáforo	<i>Formhauptsignal</i>	семафор
direction	direction	dirección	<i>Richtung</i>	<i>направление</i>
friction	friction	fricción	Friction	<i>трение</i>
traction	traction	tracción	Traktion	<i>тяга</i>
wreck	avarie	averia	Havarie	авария

Национальные термины (они выделены в табл. 2 курсивом), «разбивающие» последовательность интернационализмов, встречаются во всех национальных отраслевых терминологиях, однако анализ материала свидетельствует, что чаще всего это происходит в немецкой железнодорожной терминологии [7].

Интересно отметить, что национальная специфика профессиональной языковой картины мира может проявляться в том, что, несмотря на наличие в национальном общепотребительном языке соответствующего интернационализма, *специальное* понятие в отраслевой терминологии номинируется не интернациональной единицей, а термином, в большей степени отвечающим профессиональному мировосприятию этноса. Так, например, «передвижение подвижного состава по станционным путям с целью обработки поездов и вагонов» в русском, французском, немецком и испанском языках номинируется термином *маневры* – *manœuvres* (фр.) – *Manöver* (нем.) – *maniobras* (исп.). Британские же специалисты в области транспорта обозначили понятие «маневры» двумя национальными терминами: *shunting* (*to shunt* – «перемещать», «передвигать», «курсировать») и *switching* (*to switch* – «менять направление»), хотя слово *maneuver* было заимствовано в английский язык из французского ещё в 1479 г.

Приведём ещё пример. Слово *пассажир* было заимствовано во многие европейские языки из французского. Данный интернационализм, обозначающий человека, который совершает поездку на каком-либо виде транспорта, используется в английской, русской, испанской и немецкой национальных железнодорожных терминологиях. Од-

нако во французском языке *passager* – это человек, совершающий поездку в машине, самолёте или на пароходе, а человека, едущего на поезде, французы называют *voyageur*. В английском же языке *voyager* – это мореплаватель, или человек, путешествующий по морю.

Таким образом, возникающее в ряде национальных отраслевых терминологий противопоставление интернационализмов национальным терминам отражает национальные особенности профессиональной языковой картины мира в данной области человеческой деятельности.

Анализ интернационализмов свидетельствует, что их интернациональное значение может проявляться через национальное. Это обусловлено тем, что некоторые интернациональные термины – это слова, которые были заимствованы в общелитературный английский язык, и лишь впоследствии в английском они приобрели железнодорожное значение, которое и было затем заимствовано во многие национальные отраслевые терминологии.

Для подтверждения сказанного рассмотрим историю терминологизации интернациональной единицы *depot*. Данное слово вошло в английский из французского языка в значении «склад» в конце XVIII в (1795 г.) и вскоре стало использоваться для обозначения *склада военного имущества* [9]. В русский язык слово *депо* было заимствовано в 90-х годах XVIII века как военный термин. Когда в Великобритании появились первые в мире железные дороги, британцы стали обозначать словом *depot* железнодорожное понятие «строение для стоянки и ремонта локомотивов и вагонов». Можно предположить, что специаль-

ное железнодорожное значение слова *depot* было заимствовано другими языками из английского, в котором сформировалось данное значение.

Таким образом, в терминологии – и шире – в языке, как и во всех остальных областях и формах человеческой деятельности, интернациональное не противоречит национальному, а воплощается в нём, «составляя наряду с национально-специфическими чертами важнейшую составную часть национального» [1, с. 198].

Очевидно, что интернациональные единицы имеют особое значение для научного общения специалистов разных стран в любой области деятельности человека, поскольку они являются общепризнанными формами выражения понятий, причём наличие интернационализмов в специальной лексике может служить подтверждением общности некоторых когнитивных процессов.

В то же время следует учитывать и тот факт, что в разных традициях интернационализмы могут получать неоднозначное осмысление. Расхождения в толковании понятий, выражаемых с помощью интернациональных терминов, вытекают из особенностей профессиональной языковой картины мира и обуславливают необходимость уточнения специфики значения того или иного термина в составе данной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1972. – 214 с.
2. Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – 50 с.
3. Борисова Л.И. Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. Английский язык. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. – 212 с.
4. Железнодорожный транспорт: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 559 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с. – ISBN 5-200-01088-8.
6. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М.: Наука, 1986. – С. 163–198.
7. Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 340 с.
8. Car and Locomotive Cyclopedia. – Nebraska: Simmons–Boardman Books, 1984. – 755 p.
9. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: www.etymonline.com (дата обращения: 10.04.2014).

РАЗДЕЛ III.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'27

Ганина О.С.

Московский государственный областной университет

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ, В РОМАНЕ М. МИТЧЕЛЛ «УНЕСЁННЫЕ ВЕТРОМ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ лексических единиц, обозначающих предметы одежды в романе М. Митчелл «Унесённые ветром». Детали одежды персонажей играют одну из ключевых ролей в канве романа, они интересны с лингвокультурной точки зрения, поэтому требуют особого внимания и точности при переводе. Данные единицы анализируются с точки зрения происхождения, словообразования, семантических взаимоотношений в лексико-семантическом поле «Одежда», а также способов их передачи при переводе на русский язык.

Ключевые слова: анализ, семантика, перевод, одежда, лексико-семантическая группа.

O. Ganina

Moscow State Regional University

ANALYSIS OF LEXICAL UNITS NOMINATING ITEMS OF CLOTHES IN M. MITCHELL'S NOVEL 'GONE WITH THE WIND' AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Abstract. The present paper contains comprehensive analysis of the lexical units denoting items of clothes in M. Mitchell's novel 'Gone with the Wind'. Description of the characters' outfits plays a very important part in the novel. These descriptions are interesting from the linguocultural point of view, therefore they require special attention and accuracy in translation. These units are analyzed in terms of origin, word formation, semantic relationships in the lexical-semantic field "Clothes" and methods of their translation into Russian.

Key words: analysis, semantics, translation, clothes, lexical-semantic group.

Одежда – совокупность изделий личных природных или искусственных (чаще – тканых или вязаных из разных материалов), надеваемых человеком с целью обезопасить своё тело

© Ганина О.С., 2014.

от негативного влияния окружающей среды, например, от погодных условий (холод, дождь, солнце), насекомых, токсических веществ, оружия и других факторов, угрожающих здоровью. Помимо этого, одежда выполняет эстетические функции, различные её элементы наделены культурным и социальным значением. Она дополняется украшениями, причёской и макияжем [14].

В современной лингвистике, в период господствования антропологической парадигмы, наблюдается возрастающий интерес к человеческой культуре и её компонентам, отношению человека к внешнему виду и эволюции правил приличия относительно одежды.

В романе «Унесённые ветром» представлены описания одежды второй половины XIX в. – периода, в котором одежда играла особую роль. По внешнему виду человека можно было определить его социальное, материальное и даже семейное положение. Одежда персонажей – одна из ведущих тем романа. Автором тщательно описан гардероб героев, с использованием большого разнообразия фасонов, цветов, тканей. Кроме этого, в романе уделено пристальное внимание правилам приличия и этикета, тому, что было принято носить в то время, а что нет. Автор часто делает акцент на определённых деталях с целью демонстрации нравов, моды и других характерных черт эпохи.

В данной работе мы проведём комплексный анализ лексико-семантических единиц, обозначающих предметы одежды, которые являются составной частью лексико-семантического поля (далее – ЛСП) «Одежда» в рома-

не М. Митчелл «Унесённые ветром», с точки зрения их происхождения, системных отношений и передачи на русский язык переводчицами Т. Озерской, Е. Диденко и Т. Кудрявцевой.

Объективное существование лексико-семантической системы языка признано большинством учёных, однако лексика как достаточно цельная и определённым образом организованная система ещё не описана в полном объёме. Одним из возможных путей изучения системных связей лексических единиц, по мнению исследователей, является вычленение семантических полей и определение их смысловой структуры [4].

Системные отношения словарного состава языка разрабатывались в трудах П. Роже, М.М. Пешковского, Р. Халлига, Ф. Дорнзайфа, Г. Ипсена, Й. Рира, Ю.Н. Караулова, В. Порцига, А.В. Бондарко и др.

ЛСП – сложная лексическая микро-система, которая объединяет слова по семантическому принципу и обладает специфической полевой структурой. ЛСП состоит из микрополей, имеет такие свойства, как взаимосвязанность элементов, их упорядоченность и иерархичность, а также «отсутствие чётких границ, континуальность, незамкнутость и, следовательно, взаимодействие с другими полями, способность членов поля притягивать к себе другие элементы и быть притянутыми элементами других групп (так называемая аттракция), наличие лакун, асимметричность построения, автономность, самостоятельность в лексико-семантической системе, специфичность в разных языках» [7, с. 70].

Л.А. Новиков представляет структуру СП следующим образом: поле со-

стоит из ядра (имени поля, общего значения), центра (специализированных классов с более сложным значением) и периферии (вторичных наименований) [8, с. 358].

ЛСП «Одежда» в романе «Унесённые ветром» состоит из 461 различных лексико-фразеологических единиц, разделённых на 3 зоны, и 11 лексико-семантических групп. Ядерная зона составляет 4,1%, околоядерная зона – 14%, периферия – 81,7%.

В данном исследовании мы проведём анализ 3 лексико-семантических групп (ЛСГ) из лексико-семантического поля «Одежда» в оригинале и сосредоточим внимание на их представленности в переводе в плане количества единиц, наличия синонимов, полисемии и безэквивалентной лексики.

Наиболее глубоко и подробно теория ЛСГ разработана в исследованиях Ф.П. Филина, С.Д. Кацнельсона, Л. Вейсгербера и А.А. Уфимцевой.

Под лексико-семантической группой Ф.П. Филин понимает «лексические объединения с однородными, сопоставительными значениями», представляющие собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития» [9, с. 537].

В ЛСГ «Общие наименования одежды» вошли 12 единиц, обозначающих одежду как общее понятие. Это как непосредственно само слово «одежда» / *clothes, clothing*, так и слова, описывающие сразу всё, что надето: *attire, toilet, costume, dress* 'наряд, костюм, туалет', *finery* 'убор', *uniform* 'военная форма' [1]. В эту группу также входят общие наименования предметов одежды: *dress goods, garments* 'детали туалета, предметы гардероба' [1].

ЛСГ «Предметы женского гардероба» содержит наименования всех предметов одежды (39 единиц), которые должна была носить женщина в середине XIX века, а именно белья (*underclothing, underwear, chemise, negligee, nightdress*), обуви (*shoes, boots, slippers*), чулок (*stockings*), панталон (*drawers, pantalets*), кринолина (*hoop skirts, crinoline*), корсета (*corsage, corset, stays*), нижней юбки (*petticoats*), платья (*dress*). Кроме того, данная ЛСГ включает названия верхней одежды: *paletot* 'пальто', *jacket* 'жакет', *mantelet* 'мантилья', *cloak* 'накидка' [1].

В ЛСГ «Предметы мужского гардероба» входят предметы одежды, наиболее свойственные мужчинам того времени (26 единиц): это и военная форма (*uniform jacket, tunic* 'мундир'), и обувь, и верхняя одежда (*cape* 'плащ', *heavy coat, overcoat* 'пальто'), и бельё (*undershirt* 'нижняя рубашка') [1].

Диахронический анализ был произведён на основе данных из этимологических и толковых словарей [10; 12; 13]. Всего представлено 77 слов и 30 словосочетаний. 21% (16 ЛЕ) относятся к древнеанглийскому периоду (ДА), 50% (39 ЛЕ) – к среднеанглийскому (СА), 29% (22 ЛЕ) – к новоанглийскому (НА). При этом лишь 33% из них являются исконно английскими словами (25 ЛЕ). 67,5% лексики (45 ЛЕ) заимствованы, причём 86,5% всех заимствований ведут свою историю из французского языка. Франция считалась законодательницей мод, деталей туалета и фасонов, и их названия перенимались жителями других стран. 40% ЛЕ (31 ЛЕ) были заимствованы из французского языка в среднеанглийский период. Согласно истории Англии, в период Нормандского заво-

евания французский язык был основным государственным официальным языком.

Четыре ЛЕ заимствованы из латыни (*uniform, convict uniform, dimity, tunic* (подробнее о *mundure* см.: [2])), три – из ирландского (*brogan, trousers*), одна – из скандинавского, в среднеанглийский период (*kilt*).

Специфика перевода данных лексических единиц на русский язык подробно исследована в статье «Заимствованная лексика по теме «одежда» в романе М. Митчелл «Унесённые ветром» и её перевод на русский язык» [3].

Далее мы рассмотрим вышеупомянутые ЛЕ с точки зрения синонимии, полисемии, происхождения и словообразования.

47% ЛЕ образованы при помощи словосложения (*waistcoat, nightdress, nightgown, nightshirt, petticoat, bluecoat, greatcoat*), 53% – при помощи аффиксации (*stocking, clothing, mourning, wrapper, undershirt, overcoat, underwear, underclothing*).

В исследовании представлен 51 синоним в 18 синонимических рядах. Среднее количество синонимов – 1,5 синонима на 1 ЛЕ. 27 синонимов в 11 рядах являются дублетами, т. е. обладают нулевым семантическим расхождением. Они подразделяются на:

а) разновременные дублеты: когда обе ЛЕ произошли из одного источника, но в разные периоды: *corsage* (СА) – *basque* (НА) ‘лиф платья’, *drawers* (СА) – *pantalets* (НА) ‘панталоны’;

б) разноязычные дублеты: когда одна ЛЕ исконная, а другая заимствованная (*wrapper* (исконное) – *negligee* (из французского языка) ‘пеньюар’), либо когда ЛЕ заимствованы из раз-

ных языков (*pants* (французский) – *trousers* (ирландский) ‘брюки’).

В исследовании представлено 30 словосочетаний с данными лексическими единицами, 9 из которых также являются дублетами: *wedding dress* – *wedding gown* ‘свадебное платье’, *pleated shirt* – *ruffled shirt* ‘плиссированная рубашка’, *ball dress* – *dancing dress* – *afternoon dress* – *party dress* – *dancing frock* ‘бальное платье’.

Три словосочетания представлены с эллиптическими вариантами (сокращение одной из частей при полном сохранении значения): *riding habit* – *habit*, *dimity frock* – *dimity*, *hoop skirts* – *hoops*.

Только одна ЛЕ обладает полисемией: *Dress* [13]

1. *Clothing; apparel* ‘одежда, одевание, наряд’.

2. *A one-piece outer garment for women or girls* ‘платье’.

Безэквивалентной и непереуведённой лексики не обнаружено.

В результате анализа было выявлено шесть основных способов перевода.

1. Подбор эквивалентного соответствия.

В силу того, что модные тенденции и для Европы, и для России, и для США были одинаковыми и диктовались французскими модельерами, названия одних и тех же предметов одежды имелись и в английском, и в русском языках. Чаще всего они непосредственно заимствовались из французского языка. Что же касается обыденных предметов одежды, имеющих и в наше время (платье, юбка, рубашка), то их передача не представляла сложностей. Было использовано огромное количество разнообразных синонимов и различных форм одного слова. Большее количество лексических единиц необ-

ходимо переводчику для того, чтобы избежать повтора (*костюм, наряд, платье*), и для контекстуального разнообразия (у матери – *платье*, у дочери – *платьице*). Кроме того, это связано со спецификой русского языка в плане употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Ср.:

‘The troublesome question was-what **dress** should she wear to the barbecue?’ [11, с. 104] –

*Сейчас её волновал совсем другой вопрос: какое **платье** надеть на барбекю?* (перевод Т. Озерской) [5, с. 80].

2. Подбор контекстуального соответствия.

В некоторых случаях необходимо было подобрать перевод, исходя из описанной ситуации; ср.:

– ‘No, Carreen, next year, dear. Then you can stay up for balls and wear **grown-up dresses**, and what a good time my little pink cheeks will have!’ [11, с. 93] –

– *Нет, Кэррин, пока нельзя, моя дорогая. В будущем году ты будешь носить **длинные платья** и танцевать на балах, и эти розовые щёчки ещё ярче разрумянятся от удовольствия* (перевод Т. Озерской) [5, с. 73];

– ‘That brought up another thought. **Her clothes**.’ [11, с. 756] –

*Тут Скарлетт задумалась о другом. **В чём ей ехать?*** (перевод Е. Диденко) [5, с. 559];

*Это заставило её вспомнить ещё кое о чём. Ей же **ничего надеть*** (перевод Т. Кудрявцевой) [6, с. 32].

3. Конкретизация.

Иногда в переводе используется название не целого предмета одежды, а его части или детали; ср.:

– ‘Let me see. Pull up your **skirt**.’ [11, с. 1240] –

Ну-ка, дайте взглянуть. Приподни-

*мите **подол*** (перевод Т. Кудрявцевой) [6, с. 420];

– ‘When Bonnie was four years old, Mammy began to grumble about the impropriety of a girl child riding “a-straddle in front of her pa wid her **dress** flyin’ up.”’ [11, с. 1379] –

*Когда Бонни исполнилось четыре года, Мамушка стала ворчать, что девочке “негоже ездить верхом впереди своего па, да ещё задрамиши **юбку**”* (перевод Е. Диденко) [5, с. 1007].

4. Генерализация.

Деталь или часть предмета одежды передана при помощи более общего наименования; ср.:

– ‘You admired their **frocks** or their babies indiscriminately and teased about beaux and complimented husbands and giggled modestly and denied that you had any charms at all compared with theirs.’ [11, с. 244] –

*Нужно напропалую расхваливать их **наряды** или их младенцев, мило подшучивать по поводу одержанных ими побед или отпускать комплименты в адрес их мужей и, смущённо хихикая, утверждать, что у вас нет и сотой доли обаяния этих леди* (перевод Т. Озерской) [5, с. 186];

– ‘He not only brought Maybelle the satin but he was able to give excellent hints on the making of the **wedding dress**.’ [11, с. 314] –

*Капитан же Батлер не только подарил Мейбелл атлас на платье, но ещё снабдил её весьма ценными указаниями по части **подвенечного наряда*** (перевод Т. Озерской) [5, с. 240].

5. **Инверсия** – перестановка членов предложения в процессе перевода; ср.:

‘He was well turned out in mustard-colored **trousers** and black **coat** and his pleated **shirt** was topped by the widest

and most fashionable of black cravats' [11, с. 136] –

Одет он был элегантно – в чёрный сюртук и горчичного цвета брюки; поверх белой рубашки с плёной грудью был повязан широкий модный чёрный галстук (перевод Т. Озерской) [5, с. 104].

6. Конверсия – перевод при помощи использования слов другой части речи; ср.:

– 'Goodness, but my **stays** are tight! Put on the dress.' [11, с. 109] –

“Господи, до чего ж туго ты меня зашнуровала! Давай сюда платье” (перевод Т. Озерской) [5, с. 85];

– 'No, he couldn't recall what she wore but he did hear that she **didn't have a “second-day” dress.**' [11, с. 280] –

“Нет, вот уж как она была одета, этого он что-то не припомнит. А на второй день? Да она, помнится, говорили, не меняла туалета” (перевод Т. Озерской) [5, с. 214].

Таким образом, мы видим, что при переводе применялось множество различных способов достижения адекватности передачи наименований предметов одежды на русский язык: подбор эквивалентных и контекстуальных соответствий, инверсия, конверсия, генерализация, конкретизация. В целом, разнообразие средств позволило достичь соответствия практически во всех случаях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal». [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.yandex.u/> (дата обращения: 05.04.2014).
2. Введенский Г.Э. 5 веков русского военного мундира. – СПб.: Алант, 2005. – 336 с.
3. Ганина О.С., Вековищева С.Н. Заимствованная лексика по теме «одежда» в романе М. Митчелл «Унесённые ветром» и её перевод на русский язык // Перевод и когнитология в XXI веке: сб. статей по материалам VI Международной научной теоретической конференции, Москва, 25-26 апреля 2013. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – С. 11–16.
4. Кривченко Е.Д. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е.Д. Кривченко // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99–103.
5. Митчелл М. Унесённые ветром [Текст] / М. Митчелл / пер. с англ. Т. Озерской, Е. Диденко. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. – 1056 с.
6. Митчелл М. Унесённые ветром [Текст] / М. Митчелл / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. – Т. 2. – М.: Правда, 1991. – 592 с.
7. Набирухина А.В. Структура лексико-семантического поля “pleasure” в современном английском языке // Вестник ЛГУ. – 1990. – Вып. 1 (№2). – С. 69–73.
8. Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1997. – С. 358.
9. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковецки изследвания в чест на академик Стефан Младенов. – София: Бълг. акад. на науките, 1957. – С. 523–538.
10. Collins English Dictionary – Complete and Unabridged © HarperCollins Publishers. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 05.04.2014).
11. Mitchell M. Gone with the wind [Текст]. – NY: Pocket Books, 2008. – 1452 p.
12. Random House Kernerman Webster's College Dictionary, © 2010 K. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kdictionaries-online.com/> (дата обращения: 05.04.2014).
13. The American Heritage® Dictionary of

the English Language, Fourth Edition. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ahdictionary.com/> (дата обращения: 05.04.2014).

14. Wikipedia: The free encyclopedia. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wikipedia.org> (дата обращения: 05.04.2014).

УДК 81'362

Гнатюк О.А.*Московский государственный областной университет*

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ РУССКО-ИСПАНСКОМ ДВУЯЗЫЧИИ

Аннотация. Интерференция, являясь неременным атрибутом двуязычия, может проследиваться на различных языковых уровнях. Особенно ярко интерференция проявляется в устной речи. В статье рассматриваются примеры грамматической интерференции, возникающей при русско-испанском двуязычии в речи русскоязычных иммигрантов, проживающих в Испании. В результате проведённого исследования были выявлены случаи переноса некоторых особенностей русского языка в испанский язык, а также определены основные области возникновения интерференции на грамматическом уровне: артикли, личное местоимение в функции подлежащего, род и число имени существительного.

Ключевые слова: двуязычие, интерференция, грамматическая интерференция, русский язык, испанский язык.

O. Gnatyuk*Moscow State Regional University*

GRAMMATICAL INTERFERENCE IN RUSSIAN-SPANISH BILINGUALISM

Abstract. Interference, which is an indispensable characteristic of bilingualism, may be present at different linguistic levels. Interference is especially vivid in oral speech. The article reviews some examples of grammatical interference in Russian-Spanish bilingualism of Russian immigrants living in Spain. In the process of the research some cases of first language interference in Russian-speaking learners' Spanish were revealed. Special attention is paid to key spheres of grammatical interference such as articles, personal pronouns, gender and number of nouns. *Key words:* bilingualism, interference, grammatical interference, Russian language, Spanish language.

Интерференция – это явление, неизменно возникающее при языковом контакте. Всё многообразие трактовок данного термина можно свести к двум аспектам: во-первых, интерференция – это “взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия” [1, с. 197], во-вторых, данное явление носит отрицательный характер, так как выражается в “отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного” [1, с. 197]. В Толковом пере-

водческом словаре Л.Л. Нелюбина интерференция определяется как “перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык” [2, с. 66]. Обобщая вышесказанное, подытожим: **интерференция** – это перенос особенностей родного языка в язык изучаемый, который происходит в условиях языкового взаимодействия и носит отрицательный характер.

Несмотря на многочисленные исследования в данной области, необходимо отметить, что интерференция,

возникающая при русско-испанском двуязычии, изучена недостаточно. Цель данной статьи – выявить ключевые области, в которых наблюдается интерференция в испанском языке под влиянием русского.

Для выполнения поставленной цели было проведено исследование в виде бесед на испанском и русском языках с русскими людьми, проживающими в Испании (в количестве 100 человек) на бытовые темы с записью диалогов на диктофон. Респонденты отбирались согласно ряду критериев: место рождения – Россия, образование получено на территории РФ, длительность проживания на территории Испании в качестве резидента страны – от двух лет, родной язык – русский, уровень владения испанским – В2 и выше. Важно отметить, что участники опроса не знали о проводящейся аудиозаписи, на вопросы отвечали свободно, как в повседневной жизни, что свидетельствует о спонтанной речи. Аудиозаписи были переведены в письменную форму и тщательно изучены. В результате анализа полученного материала были выявлены многочисленные ошибки в речи русскоязычных мигрантов на различных языковых уровнях.

Интерференция может охватывать различные языковые уровни: фонетический, грамматический, синтаксический, лексико-семантический. В данной статье мы остановимся на анализе примеров интерференции русского и испанского языков на грамматическом уровне. Грамматическая интерференция определяется как “воздействие грамматической структуры родного языка в речи билингва” [6, с. 83]. Грамматическая интерференция может проявляться как во влиянии

на второй язык в связи с отсутствием тех или иных грамматических категорий в первом, так и в непосредственном переносе определённых правил и свойств родного языка в изучаемый [6, с. 83]. Согласно проведённому исследованию в качестве ключевых областей возникновения интерференции на грамматическом уровне в испанском языке при контакте с русским можно выделить: личные местоимения в функции подлежащего, артикли, род и число имён существительных, притяжательные местоимения, временные формы глагола, предлоги, глаголы *ser / estar* (*быть*). В данной статье мы остановимся на анализе трёх областей: личное местоимение в функции подлежащего, артикли, род и число существительного.

1. В устной беседе часто встречается использование респондентами **личного местоимения в функции подлежащего**. В испанском утвердительном предложении подлежащее, выраженное личным местоимением, обычно опускается. “В испанском языке (как, впрочем, и в русском) нет необходимости уточнять подлежащее, поскольку оно однозначно определяется по глагольной форме. Местоимения *yo* (*я*), *tú* (*ты*), *él* (*он*), *ella* (*она*) употребляются только тогда, когда нужно их особенно выделить” [3, с. 33]. Напротив, наличие глагола в испанском предложении обязательно. Личные формы глагола “благодаря своим окончаниям указывают грамматическое лицо и число производителя действия” [5, с. 9]. Например: *hablo el español* (1-е лицо ед. ч.), *habláis el español* (2-е лицо мн. ч.) [5, с. 9].

Доказательства данного факта мы находим и в испанских источниках.

Так, согласно “Грамматике испанского языка” издательства Испанской Королевской Академии Языка (Real Academia Española) “глагольное окончание уже указывает на грамматическое лицо, поэтому нет необходимости в наличии личных местоимений для более чёткого выражения субъекта речи” [7, p. 73].

В русском языке, так же, как и в испанском, подлежащее в повествовательных предложениях, как правило, отсутствует. Однако между двумя языками существует языковое несоответствие, и оно носит стилистический характер. Это вызывает явление интерференции для русскоязычных носителей, которые стремятся ставить подлежащее в испанском языке тогда, когда это не требуется. Рассмотрим примеры из интервью с русскоязычными мигрантами.

– “**Ellos** tienen un ritmo de vida un poco diferente” / *У них ритм жизни немного отличается* (Инна, 35 лет, преподаватель, в Испании 3 года). В данном случае местоимение **ellos** (*они*) не обязательно, так как глагол *tener* (*иметь*) стоит в форме *tienen* (3-е лицо, мн. ч.).

– “Entonces aquí **tú** conoces... todo el pueblo” / *Так ты узнаешь городок* (Александра, 30 лет, риелтор, в Испании 5 лет). В данной реплике глагол *conocer* (*знать*) стоит в форме *conoces* (2-е лицо, ед. ч.), соответственно, личное местоимение **tú** (*ты*) не требуется.

– “**Yo** tuve (una) experiencia pasar por otros países” / *У меня был опыт путешествий по другим странам* (Лариса, 34 года, гид, в Испании 10 лет). Местоимение **yo** (*я*) в данном предложении можно опустить, так как глагол *tener* стоит в форме *tuve* (1-е лицо, ед. ч., прошедшее простое время).

Необходимо отметить, что утвердительные предложения на испанском языке с включёнными личными местоимениями в функции подлежащего соответствуют структуре русского предложения. Данная ошибка характерна для устной речи и проявляется в речи мигрантов даже после проживания на территории Испании в течение нескольких лет.

2. Явление интерференции при русско-испанском двуязычии чётко прослеживается в области **употребления артиклей**. В испанском языке, как и в ряде других европейских языков, существует система артиклей. Многочисленные определения артикля как части речи можно свести к следующему: “Артикль – это служебное слово, которое, сопровождая имя существительное, выражает грамматические категории рода и числа, а также сообщает ему значение определённости / неопределённости” [4, с. 52]. Отдельно артикль не несёт лексического смысла, однако ставится перед существительным и согласуется с ним в роде и числе. В испанском языке выделяется три типа артикля: определённый артикль (*artículo determinado*) *el / la, los / las, lo*; неопределённый артикль (*artículo indeterminado*) *un / unos, una / unas*; нулевой артикль (*artículo cero*) [5, с. 195]. Существуют многочисленные правила, регулирующие постановку того или иного артикля в испанском языке.

В русском языке нет такого явления, как артикль, что создаёт определённые трудности для русскоязычных носителей, общающихся на испанском языке, а также способствует появлению интерференции. Так, большинство опрошенных респондентов не только путают определённый и не-

определённый артикли, но часто вообще не включают данную часть речи в свои высказывания, то есть избегают употребления артикля, не используя его, так как привыкли строить предложения без артиклей на родном языке. Рассмотрим примеры.

– “Así es vida de inmigrantes” / *Эта жизнь иммигрантов* (Лариса, 34 года, гид, в Испании 10 лет). В данном предложении пропущено два артикля перед существительными. Правильный вариант: “Así es **la** vida de **los** inmigrantes”. В указанном примере перед существительными необходимы артикли (определённые или неопределённые – в зависимости от контекста). Так, ставя определённые артикли, мы подразумеваем, что речь идёт не просто о жизни, а о жизни иммигрантов. И соответственно, если речь идёт о жизни, то подразумеваются определённые люди (в данном случае – иммигранты). Согласно обобщённому правилу, «определённый артикль употребляется в конкретизирующей функции» [5, с. 196].

– “Leo literatura en español” / *Читаю литературу на испанском* (Татьяна, 24 года, преподаватель, в Испании – 2 года). В данном случае налицо конкретизация существительного “литература”, соответственно, необходимо добавить определённый артикль: “Leo **la** literatura en español”.

Как было сказано выше, самая распространённая ошибка русских в области использования испанского артикля – его опущение. Так, люди, прожившие в Испании несколько лет, грамотно говорящие на испанском языке, именно в устной речи могут опускать артикли. В то же время иногда в испанской речи русскоязычных

носителей встречается использование определённого артикля в случаях, не требующих его употребления. Например: “Pues... me encanta toda **la** España en general” / *Ну... вообще мне нравится вся Испания* (Инна, 35 лет, преподаватель, в Испании 3 года). Налицо ошибка, выраженная в использовании артикля с названием страны. В испанском языке определённый артикль может использоваться с названиями “некоторых городов и стран” (которые нужно запомнить), и в том случае, если «географическое название сопровождается определением: *la España de hoy* (Испания сегодня)» [4, с. 52]. В данном случае нет сопутствующего определения, и слово *España* должно быть без артикля.

3. Род и число имён существительных вызывают появление интерференции. Имя существительное в русском и испанском языках изменяется по числам и родам. Как правило, после изучения соответствующих правил, трудности для русскоязычного носителя снимаются, за исключением случаев, когда существуют определённые смысловые противоречия двух языков в области категорий числа и рода имён существительных, создающих определённые предпосылки для возникновения интерференции.

Например, существительное *la gente* (люди) в испанском языке имеет форму единственного числа, соответственно, сочетающийся с ним глагол должен быть в единственном числе. Но так как в русском языке слово *люди* множественного числа, данное смысловое несоответствие вызывает интерференцию. Русскоязычные мигранты, хорошо владеющие испанским языком, часто неосознанно используют

слово *la gente* во множественном числе, так как слово *люди* не имеет формы единственного числа в русском, проецируя особенность родного языка на изучаемый. Эта тенденция проявляется именно в устной речи.

– “La gente **son** más **parecidos** a nosotros” / *Люди очень похожи на нас* (Ирина, 45 лет, психолог, в Испании 4 года). В данном случае глагол-связка *ser* стоит в форме *son* (3-е лицо, мн. ч.), что соответствует русскому языку, но является ошибкой в испанском. Правильный вариант в данном случае – *es* (3-е лицо, ед. ч.). Кроме того, прилагательное *parecidos* (*похожи*) в данном высказывании стоит в неправильной форме. В испанском языке прилагательное сочетается с существительным. Соответственно, данное прилагательное, во-первых, должно стоять в единственном числе, во-вторых, быть в женском роде, так как существительное *la gente* женского рода и единственного числа. Согласно правилам испанского языка, вышеуказанное предложение должно выглядеть так: “La gente **es** más **parecida** a nosotros”.

– “Una ciudad muy cómodo para vivir” / *Город очень удобный для жизни* (Татьяна, 24 года, преподаватель, в Испании – 2 года). Существительное *la/ una ciudad* (*город*) в испанском языке женского рода, а русском – мужского. Это несоответствие вызывает интерференцию в речи русских, общающихся на испанском языке. Прилагательное *comodo*, согласуясь с существительным *ciudad*, должно иметь окончание **-а**, что соответствует женскому роду, однако в данном случае налицо спонтанное прибавление к прилагательному окончания **-о**, выраженное неосознанным использованием данного прилагатель-

ного в мужском роде, что соответствовало бы существительному мужского рода. То есть человек, владеющий испанским языком на высоком уровне, может правильно склонять существительные и прилагательные по числам и родам грамматически, однако допускать при этом ошибки, случайно перенося ощущения рода и числа из родного языка в язык изучаемый в тех случаях, когда определённое понятие выражается в обоих языках словами в разных числах и родах.

Подводя итог, следует отметить, что при русско-испанском двуязычии действительно наблюдается интерференция, которую можно зафиксировать в устной речи, тогда как на письме человек, владеющий иностранным языком на высоком уровне, контролирует грамотность своих высказываний. На грамматическом уровне интерференцию в испанском языке вызывают следующие особенности русского языка: отсутствие некоторых грамматических явлений (артиклей); наличие черт, не характерных для испанского языка (употребление личных местоимений в функции подлежащего в повествовательных предложениях); несоответствие рода и числа ряда существительных в обоих языках. Грамматическая интерференция не ограничивается данными областями, а более обширна и требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Изд. 2-е. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 320 с.

3. Нуждин Г.А., Эстремера К.М., Лора-Тамayo П.М. Учебник современного испанского языка. – Изд. 7-е, испр. – М.: Айрис-прес, 2007. – 528 с.
4. Попов А.А. Учебник испанского языка. Интенсивный курс. – Изд. 2-е. – СПб.: ООО «Виктория плюс», 2013. – 672 с.
5. Попова Н.И. Грамматика испанского языка: учебник. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЧеРо, 2005. – 312 с.
6. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
7. Gramática de La Lengua Española. Emilio Alarcos Llorach. – Real Academia Española, ESPASA, Madrid, 2000. – 406 p.

УДК 81'33

Ерошин А.П.*Московский государственный областной университет***ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА
СЛОВЕСНОЙ ИГРЫ В АУДИО-МЕДИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ**

Аннотация. Словесная игра является весьма трудным приёмом для перевода, особенно в условиях аудио-медиального текста. Невозможность применить описательный перевод и сноски, жёсткие временные рамки (реплика персонажа на ПЯ должна длиться столько же, сколько и на ИЯ), непосредственная привязка перевода к происходящему на экране – всё это необходимо учитывать, чтобы получить адекватный перевод словесной игры в фильме или сериале. В нашей статье рассматриваются примеры перевода игры слов с низкой степенью адекватности, а также предлагаются собственные варианты перевода.

Ключевые слова: адекватность, дубляж, игра слов, каламбур, перевод, сериал, фильм, эквивалент.

A. Eroshin*Moscow State Regional University***THE PROBLEM OF REACHING ADEQUATE
WORDPLAY TRANSLATION IN AUDIO-MEDIAL TEXTS**

Abstract. Wordplay appears to be one of the most difficult tropes for translation, especially when it occurs in audio-medial texts. The translator should consider various aspects of wordplay in a film or TV series to give an adequate translation. For example, here it is impossible to use a wide, descriptive translation and footnotes, like in a written text; strict timing and linkage of the translation to what is happening on the screen are very important points. Our article examines examples of wordplay translations that can not be considered adequate and provides our own versions of translation.

Key words: adequacy, dubbing, equivalent, film, pun, translation, TV series, wordplay.

Перевод игры слов – довольно узкий аспект теории перевода, однако своё мнение о нём высказывали такие учёные, как Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, Н.М. Любимов, А.В. Фёдоров, В.Н. Комиссаров и др. Большинство из них считает, что каламбур ИЯ должен быть обязательно передан каламбуром ПЯ. Лингвисты негативно относятся даже к сноскам и примечаниям при переводе каламбура, поскольку они раз-

рушают целостность авторского текста [2, с. 10–13]. Здесь уместно вспомнить известную фразу Н. Галь о том, что подстрочное примечание «непереводимая игра слов» – это «расписка переводчика в собственном бессилии» [1, с. 17]. Но как же следует переводить данный приём? Многие учёные сходятся во мнении, что в случае отсутствия прямого соответствия (что случается крайне редко и вследствие отсутствия сходства во внутрilingви-

стических отношениях между словами ИЯ и ПЯ) переводчику следует достигать аналогичного коммуникативного эффекта другими единицами [2, с. 14]. Что касается перевода в условиях аудио-медиального текста, особенности такого типа перевода изучала К. Райс: она утверждала, что он должен обеспечить воздействие на слушателя текста перевода, тождественное тому, которое оказывал оригинал на слушателя исходного текста. Более того, она полагала, что при дубляже фильмов учёт этого критерия иногда столь важен, что перевод приобретает лишь вспомогательный характер: в этом крайнем случае он служит лишь канвой для окончательной формулировки синхронного текста [3, с. 228].

Таким образом, перевод исследуемого нами приёма представляется занятием творческим, но при этом с определёнными ограничениями. Невозможность применить описательный перевод и сноски, жёсткие временные рамки (реплика персонажа на ПЯ должна длиться столько же, сколько и на ИЯ), непосредственная привязка перевода к происходящему на экране – всё это необходимо учитывать, чтобы получить адекватный перевод словесной игры в фильме или сериале. Ниже представлен анализ перевода словесной игры с низкой степенью адекватности, а также предложены наши собственные варианты перевода. Рассмотренные нами примеры были взяты из известных сериалов.

«Друзья» – один из самых популярных англоязычных сериалов в мире – представляет ценную находку для нашего исследования, так как изобилует всевозможными шутками, в том числе и такими, в основании которых имеет-

ся игра слов. Рассмотрим некоторые из них, а также их русские соответствия.

Chandler: I can handle it. "Handle" is my middle name. Actually, it's the middle part of my first name [11].

Чендлер заявляет, что он может решить возникшую проблему (герои заблудились на пути к горнолыжному склону, и в их машине кончился бензин), потому что справляться с трудностями ему на роду написано: слово "handle" (одно из значений «справляться, улаживать») содержится в середине его имени Chandler.

Какое же русское соответствие этой игре слов предложил зрителям переводчик?

Чендлер: А я могу. «Могу» – моё второе имя. Если быть точным, это вторая часть моего первого имени [5].

Русскому зрителю остаётся только гадать, почему же «могу» – второе имя Чендлера. Здесь не только утеряна сама игра слов, но и смысл. Переводчик не уделил эпизоду достаточно внимания и решил перевести всё буквально, и результат его работы никак нельзя признать адекватной заменой оригиналу.

В работе переводчика очень важны фоновые знания, поскольку они могут очень выручить в трудный момент. Зная, что фамилия Чендлера – Бинг, можно было добиться аналогичного коммуникативного эффекта, построив игру слов на сходстве в звучании фамилии «Бинг» и восклицания «бинго», выражающего радость по поводу достигнутого успеха:

Чендлер: А я могу. Бинг сказал – Бинг сделал. Вы не успеете и глазом моргнуть, как «бинго!» – и дело сделано. (Перевод наш. – А.Е.)

Перевод следующего примера также представляет собой не совсем удач-

ный с точки зрения эквивалентности вариант. Его необходимо рассмотреть в контексте. Комизм оригинальной ситуации заключается в том, что герои не поняли друг друга: один из них гадал кроссворд, и не мог отгадать слово “ring” («кольцо»), а другой в это время ждал телефонного звонка и обращался к телефону тем же самым словом “ring” («звонить»), чтобы тот, наконец, зазвонил. Таким образом, последний случайно помог первому отгадать слово, сам о том не догадываясь. В сериале это выглядело так:

Ross: (Doing a crossword puzzle) Four-letter word, circle or hoop.

Chandler: (To the phone) Ring, damn it, ring!

Ross: Thank you [12].

В русском переводе пропала вся суть эпизода, многозначность ключевого слова “ring”, на которой строится весь юмор:

Росс: (Гадая кроссворд) Украшение, шесть букв.

Чендлер: (В ожидании звонка, глядя на телефон) Кольцо, чёрт возьми, кольцо!

Росс: Молодец [6].

В итоге, русскому зрителю непонятен ни взрыв закадрового смеха, сопровождающий окончание сцены, ни почему перед этим Чендлер неотрывно смотрит на телефон и кричит на него: «Кольцо, чёрт возьми, кольцо!»

В данном случае, чтобы сохранить комическую сущность ситуации, в основе которой – игра слов, переводчику необходимо придумать новый эквивалент, который органично бы вписался в контекст. К примеру, таковым может послужить слово «давай»:

Росс: (Гадая кроссворд) Призыв к действию, пять букв.

Чендлер: (В ожидании звонка, глядя на телефон) Давай, чёрт возьми, давай же!

Росс: Молодец. (Перевод наш. – А.Е.)

Повествование в другом сериале, «Секс в большом городе», ведётся от лица главной героини, успешной жительницы Нью-Йорка, автора собственной колонки в газете «New York Star» Кэрри Брэдшоу. В силу своей профессии она знакома с разными выразительными средствами языка, которые использует как в своей колонке, так и в повседневном общении.

В одном из эпизодов Кэрри поручили написать статью о новом развлечении жителей Нью-Йорка – полётах на воздушной трапеции, и она решает испробовать это на себе. Между инструктором и Кэрри происходит следующий диалог:

Instructor: Are you ready to grab the bar?

Carrie: I'm ready to go to the bar! Does everyone say that?

Instructor: Pretty much [13].

Слово “bar” весьма полисемично (свыше 10 значений), и в данной ситуации Кэрри играет с двумя из них: «бар» и «перекладина». В русском варианте этот диалог был заменён на совершенно другой:

Инструктор: Вы готовы к полёту?

Кэрри: К полёту готова. Это у вас такое заклинание?

Инструктор: Вроде того [7].

В результате до русского зрителя эта сцена дошла в искажённом варианте. В альтернативном варианте сцена получила иной перевод:

Инструктор: Теперь давайте к бару, к стойке.

Кэрри: Какой стойке бара? Я с удовольствием.

Инструктор: Нет, это так называется здесь [8].

Здесь делается попытка передать игру слов оригинала, для чего было добавлено слово «стойка». Наш вариант перевода также основывается на многозначности этого слова, однако он ближе к оригиналу за счёт более точного перевода всего отрывка:

Инструктор: Отлично, сохраняйте такую стойку.

Кэрри: Сейчас я хотела бы оказать у другой стойки – стойки бара.

Инструктор: Так многие говорят. (Перевод наш. – А.Е.)

В сериале «Симпсоны» есть «фирменный» тип шуток, основанных на игре слов, которые повторяются из серии в серию. Сын главного героя сериала периодически звонит в бар и просит хозяина бара позвать к телефону несуществующего человека с каламбурной фамилией. Бармен каждый раз не замечает подвоха и выполняет просьбу, что вызывает смех у посетителей бара. Рассмотрим одну из таких ситуаций:

Мое: [Answers the phone] Yeah, just a sec; I'll check. [Calls] Amanda Hugginkiss? Hey, I'm lookin' for Amanda Hugginkiss. Why can't I find Amanda Hugginkiss?

[Bar denizens laugh]

Barney: Maybe your standards are too high? [14].

Имя Amanda Hugginkiss было выбрано неспроста – оно звучит как предложение “a man to hug and kiss” («человек для объятий и поцелуев»), что и вызывает смех завсегдатаев бара. Русскому же зрителю он не совсем понятен, потому что перевод был выполнен буквально и игра слов ИЯ потерялась:

Мо: [Отвечает на звонок] Минутку. [Зовёт] Аманда Страстный Поцелуй, где Аманда Страстный Поцелуй? Почему я не могу её найти, а? Аманда!

[Все в баре смеются]

Барни: Может, твои запросы слишком высоки? [9].

Подобные эпизоды представляются трудными для перевода. Как мы уже успели заметить, в таких случаях переводчику приходится работать творчески, т. е. подбирать новый эквивалент. Чтобы обеспечить схожее воздействие на зрителя, перевести сцену можно следующим образом:

Мо: Минутку. Спрашивают Лео, Лео Парда, он здесь? Лео! Почему я не могу тебя найти?

Барни: Может, потому, что это бар, а не зоопарк? (Перевод наш. – А.Е.)

У сериала «C.S.I.: Место преступления Майами» есть характерная черта – в начале каждого эпизода группа криминалистов прибывает на место преступления, и руководитель группы, комментируя какую-то подробность происшествия, произносит реплику со словесной игрой. Рассмотрим подобные сцены и подобранные к ним русские эквиваленты.

В одной из серий на пляжной вечеринке была убита девушка, и между криминалистами происходит следующий диалог:

Frank: Friends say she came to drink mojitos and catch some sun.

Horatio: Well it looks like... something... caught her [10].

Игра слов здесь заключается в намеренном употреблении слова “catch” в двух разных значениях в пределах одной ситуации: в переносном – в выражении “to catch sun” («загорать») – и в прямом – «поймать, застигнуть,

схватить». Однако в русском варианте переводчик не обратил должного внимания на приём словесной игры и перевёл каждое из значений слова “catch” буквально, в результате чего реплика Горацио стала звучать нелепо:

Фрэнк: Подруга сказала, что она спустилась выпить коктейль и поваляться на солнце.

Горацио: И тут что-то её поймало [4]. (Перевод наш. – А.Е.)

В подобных случаях перевод признаётся адекватным, если в нём сохраняется аналогичное воздействие на реципиента. Для этого в переводе должна быть сохранена игра слов. Наш вариант учитывает также и стилистическую составляющую оригинала:

Фрэнк: Подруга сказала, что она спустилась выпить коктейль и поваляться на солнце.

Горацио: В итоге для неё оно зашло навсегда.

Проанализировав представленные выше примеры, мы увидели, что низкая степень адекватности при переводе словесной игры в аудио-медиаальных текстах – довольно распространённое явление, причиной которого является отсутствие должного внимания к приёму со стороны переводчиков. Также мы вывели наиболее типичные способы перевода словесной игры в таких случаях:

1) буквальный перевод, в результате которого искажается смысл оригинала;

2) подбор нового эквивалента с опущением словесной игры;

3) замена целой сцены с опущением словесной игры.

Все они, так или иначе, ведут к неполноценной / искажённой передаче задуманных сценаристами приёмов. В

предложенных нами вариантах были учтены особенности этого вида перевода, они соответствуют рекомендациям лингвистов об адекватной передаче словесной игры в условиях аудио-медиаального текста.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Литература:

1. Галь Н. Слово живое и мёртвое. – М.: Международные отношения, 2001. – 368 с.
2. Джанумов А.С. Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 136 с.
3. Райс К. Классификация текстов и методов перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–228.

Источники языкового материала:

4. Сериал «C.S.I.: Место преступления Майами» (“CSI: Miami”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://seria-online.ru/39238-mesto-prestuplenija-majami-3-sezon-15-serija.html#s3e15> (дата обращения: 06.04.2014).
5. Сериал «Друзья» (“Friends”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.spruto.tv/videos/12576/druzya-3-sezon-17-seriya-epizod-s-lyjnoy-poezdkoy-the-one-without-the-ski-trip/> (дата обращения: 05.04.2014).
6. Сериал «Друзья» (“Friends”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.myvi.ru/watch/Vmz485dx2UCAiC1eRHPF6g2> (дата обращения: 05.04.2014).
7. Сериал «Секс в большом городе» (“Sex and the city”). [Электронный ресурс]. – URL: http://moiserialy.net/sex-v-bolshom-gorode-smotret-onlajn/6-sezon/8-seriya#.Uz_R-6hFfY8 (дата обращения: 05.04.2014).
8. Сериал «Секс в большом городе» (“Sex

- and the city”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://grandhdcns.com/smotret-video/127204104-10041344/> (дата обращения: 05.04.2014).
9. Сериал «Симпсоны» (“The Simpsons”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://video.yandex.ru/users/aleshenko-konstantin13/view/109/> (дата обращения: 06.04.2014).
10. Сценарий сериала «C.S.I.: Место преступления Майами» (“CSI: Miami”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tv.com/shows/csi-miami/identity-385287/> (дата обращения: 06.04.2014).
11. Сценарий сериала «Друзья» (“Friends”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.angelfire.com/fl4/script/317towst.htm> (дата обращения: 05.04.2014).
12. Сценарий сериала «Друзья» (“Friends”). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tvfanatic.com/quotes/four-letter-word-circle-or-hoop-ring-damn-it-ring-than/> (дата обращения: 05.04.2014).
13. Сценарий сериала «Секс в большом городе» (“Sex and the city”). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sexandthecityscripts.com/S06E08_The_Catch.php (дата обращения: 05.04.2014).
14. Сценарий сериала «Симпсоны» (“The Simpsons”). [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikiquote.org/wiki/List_of_Simpsons_Prank_Calls (дата обращения: 06.04.2014).

УДК 81

Музыченко Е.Я.*Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)***ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
ЧЕТВЁРТОЙ «ДУИНСКОЙ ЭЛЕГИИ» Р.М. РИЛЬКЕ)**

Аннотация. В статье рассматривается текст четвертой элегии поэтического цикла Р.М. Рильке «Дуинские элегии» и её двенадцати переводов на русский язык. Сопоставительное исследование проводится на основе такого параметра, как тип предложения (простое, сложносочинённое, сложноподчинённое и период). Устанавливаются сходства и расхождения в подлиннике и переводах, определяется степень адекватности переводов и оригинала на синтаксическом уровне. Сравнительный анализ языкового материала позволяет сделать предварительный вывод о тенденции к упрощению синтаксиса при переводе поэтических текстов типа «Дуинских элегий».

Ключевые слова: четвертая «Дуинская элегия» Р.М. Рильке, оригинал, перевод, простое предложение, сложносочинённое предложение, сложноподчинённое предложение, период.

E. Muzychienko*North-Eastern State University, Magadan***TYPES OF SENTENCES IN A POETIC TEXT
(IN THE TEXT OF R.M. RILKE'S FOURTH ELEGY OF THE POETIC
CYCLE "DUINO ELEGIES" AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS)**

Abstract. The text of R.M. Rilke's Fourth Elegy belonging to the poetic cycle "Duino Elegies" and its twelve translations into Russian are analysed in the article. The parameter taken as the basis for the comparative research is the type of the sentence (simple sentence, complex sentence, compound sentence and a period). Similarities and differences in translation on the syntactical level are defined. With the help of comparative analysis the degree of adequacy of translation is established. Comparative analysis of the original and translations shows the tendency to simplification of syntactic constructions in translations of poetry.

Key words: the fourth "Duino Elegies" of R.M. Rilke, original, translation, simple sentence, complex sentence, compound sentence, period.

Синтаксис поэтического текста представляет собой важное организующее звено стихотворной речи. Поэтическому синтаксису посвящены многочисленные исследования, в том числе таких учёных, как В.Г. Адмони, И.Р. Гальперин, А.И. Ефимов,

© Музыченко Е.Я., 2014.

И.И. Ковтунова, В.А. Кухаренко, Э.Г. Ризель. Эти и многие другие исследователи полагают, что ведущую роль в синтаксисе поэтического произведения играет предложение.

Так, А.И. Ефимов считает, что «наряду с синтагмой, основным «героем» стилистического синтаксиса являет-

ся предложение, как более сложная в смысловом, структурном и стилистическом отношениях и законченная композиция слов, от характера и своеобразия которой зависит специфика слога писателя» [8, с. 422].

Как утверждает В.Г. Адмони, предложение «имеет основополагающее значение» для синтаксического строя произведения [2, с. 16].

Такой же точки зрения придерживается В.А. Кухаренко, подчёркивающая главную роль предложения в художественном тексте, уточняющая, что на предложения в художественном тексте «накладываются индивидуальные авторские особенности, а также дополнительные экспрессивные, композиционные, тематические и прочие задачи, обусловленные специфическим характером художественной речи. Объединение этих трёх групп факторов и даёт синтаксическую картину конкретного художественного текста» [9, с. 56]. И, добавим мы, все эти факторы накладываются на типы предложений и модифицируют характер текста в зависимости от последовательностей в нём типов предложений.

Как известно, существует три основных синтаксических типа предложения: простое, сложносочинённое и сложноподчинённое. Кроме того, в качестве особого типа выделяют предложения, в которых встречаются оба вида связи: сочинение и подчинение. Таким образом, возникает единое целое, в котором от главного предложения может зависеть несколько сочинённых и подчинённых предложений. В связи с этим четвёртым типом предложения необходимо более подробно остановиться на такой синтаксической единице, как период.

Под периодом, как правило, понимают «сильно распространённое простое предложение или многочленное сложное предложение, характеризующееся со стороны содержания значительной полнотой и законченностью выражения мысли, единством темы, а со стороны интонации распадением на две части: повышение и понижение. Первая часть произносится с постепенно нарастающим повышением голоса, затем следует ясно выраженная пауза, после которой наступает заметное понижение голоса. Такое интонационное оформление образует как бы кольцо, круг: период открывается и замыкается одинаковым способом спокойного произношения» [10, с. 279].

Подобные дефиниции периода мы находим у многих языковедов. Так, А.Н. Гвоздев определял период как «литературно-обработанное сложное предложение, которое со стороны содержания характеризуется развёрнутым изложением темы, объединяющей ряд отдельных положений, а со стороны формы – упорядоченным расположением и ритмичностью» [6, с. 365]. По убеждению В.Д. Бондалетова и его соавторов, в синтаксической структуре периода заключены «огромные стилистические возможности эмоционального воздействия, а также полнота и законченность выражения мысли, ёмкость и изящество формы» [5, с. 176].

Однако в труде В.Г. Адмони «Введение в синтаксис современного немецкого языка», опубликованном ещё в 1955 г., наряду с общепринятым пониманием периода, выдвигается тезис о том, что термин *период* можно с большей эффективностью использовать к предложению, где скрещиваются под-

чинение и сочинение [1, с. 223–225]. Эту же идею В.Г. Адмони продолжал развивать и в другой монографии, а именно «Синтаксис современного немецкого языка» [2, с. 324–325]. Подобный подход в той или иной форме нашёл своё отражение и в известном словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, в котором даются и такие определения периода: «Период – сложное синтаксическое построение, объединяющее ряд более или менее комплексных составляющих в виде законченного и уравновешенного целого; законченный отрезок речи, в том числе любое законченное предложение» [3, с. 321].

Исходя из положений работ В.Г. Адмони и данных словаря О.С. Ахмановой, в нашей работе мы будем пользоваться термином *период* применительно к любому сложному предложению, в котором имеется как сочинительная, так и подчинительная связь.

Рассмотрим обзорно характеристики основных типов предложений. Простое предложение (самостоятельное, по терминологии В.Г. Адмони) является основой синтаксического строя большинства языков, и поэтому в художественных текстах оно занимает значительное место. Тем не менее, простое предложение не противопоставляется сложному, поскольку у каждого из этих типов предложений в конкретном тексте свои стилистические задачи. Подчеркнём, что, несмотря на свою самостоятельность, простое предложение, как отмечает В.Г. Адмони, «как правило, очень чётко выявляет свою семантическую связь с другими предложениями в речевом потоке» [1, с. 211]. Следовательно, простое предложение всегда так или иначе

синтаксически связано в тексте с предложениями других типов – сложносочинёнными, сложноподчинёнными, периодами. При этом связь каждого предложения является, с одной стороны, контактной, т. е. оно связано с непосредственно соседствующим с ним предложением (левый и/или правый контекст), а с другой – дистантной, т. е. предложение в художественном тексте всегда в той или иной мере связано и с более отдалёнными предложениями (широкий контекст). Сложносочинённое предложение, как пишет В.Г. Адмони, «выявляет развёрнутые, широкие связи в объективной действительности, перерастающие границы простого распространённого предложения, и состоит из грамматически равноправных предложений» [1, с. 212].

Как показывает изучение большого количества работ по синтаксису, исследователи больше внимания уделяют сложноподчинённому предложению [4]. Сложноподчинённое предложение отличается от сложносочинённого тем, что части сложносочинённого предложения обладают большей самостоятельностью, в то время как в сложноподчинённом предложении степень самостоятельности его частей различна [7, с. 329].

Рассмотрев основные положения синтаксической теории типов предложений, перейдём к анализу встречаемости и функционирования различных типов предложений в «Дуинских элегиях» Р.М. Рильке. Синтаксическая структура поэтического цикла «Дуинские элегии» заслуживает особого внимания, так как синтаксис писателя является важной составляющей его индивидуального стиля. Особенности синтаксиса элегий заключаются в том,

что в нём используются самые разные синтаксические конструкции и разнообразные сочетаемости основных типов предложений.

Объектом рассмотрения в нашей статье выступают типы предложений в тексте четвёртой элегии данного цикла и воссоздание синтаксического своеобразия оригинала в переводах на русский язык.

По имеющимся у нас данным, четвёртая элегия переводилась на русский язык двенадцать раз. Здесь уместно привести краткий обзор переводов четвёртой «Дуинской элегии» на русский язык. В 1971 г. В. Микушевич переводит отдельные элегии цикла, в том числе и четвёртую элегию. В 1995 г. вышел в свет коллективный сборник переводов «Собрание стихотворений», в котором впервые опубликован полный перевод «Дуинских элегий» В. Микушевича. В 1996 г. изданы переводы полного поэтического цикла, выполненные В. Авербухом и М. Пиккель. В этом же году издаётся перевод четвёртой элегии, принадлежащий перу С. Мандельбаум; в 1999 г. В. Топоров публикует собственный перевод всех десяти элегий. В 2003 г. в свет выходит книга В. Куприянова «Стихотворения», в которой представлены разные поэтические циклы поэта, в том числе перевод пяти элегий, а именно первой – четвёртой и шестой. В 2003 и 2005 гг. на Интернет-сайтах были размещены переводы «Дуинских элегий», выполненные О. Слободкиной и Р. Пилигримом. В 2010 г. читателю представилась возможность познакомиться с переводом «Дуинских элегий» В. Летучего. В 2011 г. выходит полный перевод поэтического цикла «Дуинские элегии» В. Тарзаевой, а в 2012 г. появляется перевод Н. Болдырева.

При проведении сопоставительного исследования оригинала и переводов поэтического цикла «Дуинские элегии» на русский язык на синтаксическом уровне мы рассмотрели количество простых предложений (в том числе односоставных, неполных и нераспространённых), сложносочинённых предложений, сложноподчинённых предложений, периодов в оригинале, а также способы воссоздания значений данных синтаксических средств в переводах.

Необходимо отметить, что нами был проведён сплошной анализ всех десяти «Дуинских элегий» и их переводов как полного цикла, так и отдельных элегий, выполненных В. Авербухом, Н. Болдыревым, О. Дарком, А. Карельским, О. Комковым, В. Куприяновым, В. Летучим, С. Мандельбаум, В. Микушевичем, З. Миркиной, А. Пик, М. Пиккель, Р. Пилигримом, Г. Ратгаузом, О. Слободкиной, Е. Слуцким, В. Тарзаевой, В. Топоровым, А. Флота.

Всего нами проанализировано 422 предложения всех десяти элегий на немецком языке и 4683 предложения из переводов на русский язык. Ввиду большого объёма материала, мы в рамках одной статьи не можем представить все элегии и их переводы. Поэтому мы ограничились описанием итогов анализа последовательности типов предложений четвёртой «Дуинской элегии».

В представленной ниже синтаксической матрице оригинала и его переводных версий (табл.) отражены результаты, полученные после статистического исследования синтаксических структур четвёртой «Дуинской элегии» Р.М. Рильке и её переводов (в ячейках указано количество соответ-

ствующих типов предложений).

В матрице мы используем следующие сокращения: **ПП** – простые пред-

ложения; **ССП** – сложносочинённые предложения; **СПП** – сложноподчинённые предложения; **П** – период.

Таблица

**Синтаксическая матрица количественного соотношения
разных типов предложений в тексте-оригинале четвёртой
«Дуинской элегии» Р.М. Рильке и её переводах на русский язык**

Оригинал / перевод	ПП	ССП	СПП	П	Всего
Р. М. Рильке	23	4	11	5	43
В. Авербух	33	3	4	3	43
Н. Болдырев	35	7	5	7	54
В. Куприянов	26	5	9	2	42
В. Летучий	31	4	6	1	42
С. Манделбаум	16	7	5	1	29
В. Микушевич	30	6	7	0	43
З. Миркина	60	6	7	2	75
М. Пиккель	30	8	6	2	46
Р. Пилигрим	24	6	8	4	42
В. Тарзаева	16	4	6	4	30
В. Топоров	36	3	6	0	45
О. Слободкина	37	0	11	3	51

Как видим, четвёртая элегия состоит из 43 предложений. Из них 23 – простых, 5 – сложносочинённых, 11 – сложноподчинённых предложений и 4 периода.

Представим схему синтаксического рисунка элегии: **ПП** → **ПП** → **ПП** → **ПП** → **ПП** → **СПП** → **СПП** → **ПП** → **СПП** → **П** → **ССП** → **ПП** → **ССП** → **ПП** → **ССП** → **ПП** → **ПП** → **П** → **ПП** → **ПП** → **ПП** → **ПП** → **ПП** → **СПП** → **ПП** → **ПП** → **СПП** → **П** → **СПП** → **СПП** → **СПП** → **ПП** → **ПП** → **ПП** → **СПП** → **ПП** → **СПП** → **П** → **СПП** → **ССП** → **ПП** → **СПП** → **ПП** → **ССП**.

Одной из особенностей синтаксической структуры этой элегии является, как мы видим, преобладание простых предложений в первой части элегии и их менее частотное употре-

бление во второй части текста. В первой части элегии нельзя установить прямую корреляцию между типом предложения и доминантными участками текста. Вторая часть элегии более значима по содержательной нагрузке, здесь лирическое «Я» приобретает активный характер, и именно в этой части сконцентрированы философские размышления автора. На наш взгляд, это является причиной осложнения синтаксиса второй части.

Относительно короткие самостоятельные простые предложения чередуются с предложениями со сложной синтаксической структурой, и только в двух случаях встречается пограничное функционирование осложнённых конструкций (9–11, 27–30 предложе-

ния). Периоды, появляющиеся в тексте элегии, также распределены фактически равномерно (10-е, 18-е; 28-е; 37-е предложения).

Обратимся к проблеме соотносённости содержания четвёртой элегии и типов предложения в ней. Условно текст элегии можно разделить на четыре структурно-семантические части. В зачине элегии (1-6 предложения) заметным является преобладание простых предложений. В них поэт задаёт тему элегии: человек, являясь частью окружающего мира, чувствует себя одиноким и бессильным. Далее (7–25 предложения) следует развитие темы жизни человека. Синтаксические конструкции «обрастают» различными видами связи: сложноподчинённое предложение примыкает к периоду, вслед за которым следует подряд тройное чередование сложносочинённых предложений с простыми. Рильке не принимает бездуховное существование человека, неискренность, вечную маску. Человеку противопоставлена кукла, которая, являясь настоящей, без притворства позволяет управлять собой. Рильке определяет её как нечто полное, цельное. Цепочка из пяти простых предложений как бы подчёркивает весь трагизм противопоставленности неискренного человека естественной кукле. Предложения 26–38 представляют диалог героя с отцом, что также отражается на синтаксической структуре предложений. Синтаксис усложняется: на схеме это отражено в чередовании сложноподчинённых предложений, периода и нескольких простых предложений. Концовка элегии (39–43 предложения) содержит также предложения с различными видами связи. Рильке завершает элегию

темой детства, связывая её с главной мыслью элегии, а именно с тем, что смерть вложена в ребёнка заранее – с момента его рождения.

Приведём пример такого чередования простых предложений и предложений с различными видами связи: *Ich will / den Balg aushalten und den Draht und ihr / Gesicht aus Aussehn. Hier. Ich bin davor. / Wenn auch die Lampen ausgehn, wenn mir auch / gesagt wird: Nichts mehr –, wenn auch von der Bühne / das Leere herkommt mit dem grauen Luftzug, / wenn auch von meinen stillen Vorfahrn keiner / mehr mit mir dasitzt, keine Frau, sogar / der Knabe nicht mehr mit dem braunen Schielaug: / Ich bleibe dennoch. Esgibtimmer Zuschaun. / Hab ich nicht recht?* Отрывок вводится простым предложением, за которым следуют два простых предложения, из которых одно однословное, а другое простое нераспространённое. Далее следует период, представляющий собой развёрнутое сложное предложение с четырёхкратным повтором придаточных предложений условия, каждое из которых открывается анафорой: «wennauch...». Завершатся фрагмент двумя простыми предложениями (одним повествовательным и одним вопросительным).

Обратимся к переводам четвёртой элегии на русский язык. При воссоздании синтаксического рисунка оригинала переводчики часто использовали различного рода синтаксические трансформации и замены. Как правило, это преобразование простых предложений в сложные и дробление сложных предложений на самостоятельные. Так, в первой части перевода элегии С. Мандельбаум объединяет несколько простых предложения в одно сложносочинённое предложение;

ср.: *O Bäume Lebens, o wann winterlich?/ Wir sind nicht einig. Sind nicht wie die Zugvögel / verständigt. Überholt und spät, / so drängen wir uns plötzlich Winden auf und fallen ein auf teilnahms losen Teich.* – Когда ж по-зимнему, о древа, / Мы не едины, не сопряжены, / как стая птиц; мы вечно отстаём, / запаздываем, вдруг бросаемся / на ветер и в пруд неучастливый обрушиваемся.

Переводчик З. Миркина делит сложноподчинённое предложение и период второй части элегии в одном случае на два, в другом – на четыре простых предложения; ср.: *O Stunden in der Kindheit, da hinter den Figuren mehr als nur / Vergangnes war und vor uns nicht die Zukunft. / Wir wuchsen freilich und wir drängten manchmal, bald groß zu werden, denen halb zulieb, die andres nicht mehr hatten, als das Großsein.* – О наше детство! Когда мы видели за вещью не только вещь, за прошлым – не только прошлое, и в будущем таилось не только то, что будет... Конечно мы росли. Одним хотелось большими стать скорее, но другие полуохотно расставались с этим провалом внутрь и тайной сопричастья всему, что есть.

Другой стратегии придерживается В. Тарзаева. Она объединяет это сложноподчинённое предложение и период в одну сложную синтаксическую единицу, усложняя синтаксическую структуру текста.: *O, детства время, когда за запахом стояло всё до-знание из былого, впереди не мнилась будущность; хотелось только быстрее взростеть, хотя бы ради тех, кто за судьбу свою лишь годы нажил, а мы, при всей отдельности от мира, довольны были чем-то неизменным: зазором между миром и игрой.*

Однако в большинстве переводов

этого отрывка на русский язык мы наблюдаем сохранение синтаксического рисунка оригинала; ср.:

– О время в детстве: где из-за фигур / глядело нечто большее, чем прошлость, / а будущность была не впереди! / Где мы росли и повзростеть спешили / хотя бы ради тех, кто кроме как / преклонных лет не нажил ничего (В. Летучий);

– О, время детства, / там, за фигурами, было больше чем только / Прошедшее, и перед нами – не Будущее. / Мы росли конечно же, и мы иногда настаивали, / быть скорей большими, некоторым это / наполовину нравилось, / другим же, – больше всего хотелось стать Взрослыми. (Р. Пилигрим);

– О время детства, в нём за этими фигурами стояло, / и больше, чем теперь, лишь прошлое, и будущего не было. / Росли свободно мы, и многие старались повзростеть, / одни, чтоб полюбить, других манила взрослых жизнь (М. Пиккель).

Единичные расхождения в других переводах по количеству предложений с оригиналом связаны с тем обстоятельством, что переводчики дробят сложные предложения на несколько меньших по объёму, и наоборот, объединяют простые предложения в одно синтаксическое целое. Однако в основном переводчики соблюдают авторское членение текста на предложения.

Подчеркнём, что многие переводчики часто обращаются при переводе к сложноподчинённым и реже используют сложноподчинённые предложения, периоды по сравнению с оригиналом. Таким образом, переводчики упрощают синтаксическую структуру оригинала. Например, при одиннадцати сложноподчинённых предложе-

ний у Рильке у двенадцати переводчиков эта сумма составляет всего 6,7 предложений, а при пяти периодах в оригинале в совокупности переводов мы обнаруживаем количество 2,4. Из этого можно сделать предварительный вывод о тенденции к упрощению синтаксиса при переводе поэтических текстов типа «Дуинских элегий». Однако этот вывод нуждается в подтверждении на основании более объёмного материала.

По степени воссоздания такого синтаксического параметра оригинала, как осложнённые предложения, наиболее близкими к оригиналу оказались переводы В. Куприянова и Р. Пилигрима, в то время как в переводных версиях З. Миркиной, В. Микушевича и В. Топорова прослеживается значительное отклонение от оригинального текста.

Мы выяснили, что синтаксическая структура четвёртой элегии в некоторой мере отражает содержательную структуру этого произведения Рильке. Однако прямых корреляций между смысловым развитием элегии и её синтаксическим развёртыванием обнаружить не удаётся. Видимо, по этой причине большинство переводчиков относятся к воссозданию синтаксиса оригинала весьма вольно, так что этот компонент формы оказывается воссозданным неадекватно. Является ли это общим законом поэтического перево-

да, или это частный случай переводческих стратегий, можно будет выяснить на основе анализа переводов всего поэтического наследия Р.М. Рильке и других поэтов на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. – 391 с.
2. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построений). – Л.: Наука, 1973. – 366 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
5. Бондалетов В.Д. и др. Стилистика русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1982. – 286 с.
6. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
7. Гулыга Е.В., Натанзон М.Д. Грамматика немецкого языка. – М.: Менеджер, 2004. – 400 с.
8. Ефимов А.Е. Стилистика художественной речи. – М.: Изд-во Московского университета, 1961. – 519 с.
9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

УДК 811.111-26

Осипова А.А.*Московский городской педагогический университет***СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ
КНИГИ ЕЗДРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СИНОДАЛЬНОГО
И СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДОВ)**

Аннотация. В настоящей статье предлагается сравнительный анализ двух переводов одной из книг ветхозаветной части Священного Писания – Книги Ездры, которая является, в первую очередь, историческим повествованием, поэтому межъязыковая передача этого текста требует максимальной точности. При сравнении двух переводов, тем не менее, было выявлено значительное количество несовпадений: семантических, коннотативных и фактических. Возникновение несовпадений между двумя текстами может объясняться различиями в лексико-синтаксической организации текста, избранной авторами переводов.

Ключевые слова: Библия, Священное Писание, перевод, современный, коннотативный, синтаксический, фактический.

A. Osipova*Moscow City Pedagogical University***COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATIONS
OF THE BOOK OF EZRA (ON THE MATERIAL OF SYNODAL
AND MODERN RUSSIAN TRANSLATIONS)**

Abstract. The present paper offers the comparative analysis of two translations of the Book of Ezra, which is one of the books of the Old Testament. The Book of Ezra is a historical book that is why the translation must be very accurate. Nevertheless while comparing the translations various divergences – semantic, connotative and factual – have been revealed. Discrepancies between the two texts can be explained by different lexical and syntactical organizations of translations.

Key words: Bible, Scripture, translation, modern, connotative, syntactical, factual.

Книга Ездры (или Первая Книга Ездры) является одной из исторических книг, вошедших в Ветхий Завет, и повествует о важных для еврейского народа событиях, связанных с «возвращением его из плена по указу Кира, построением второго храма и упорядочением церковной жизни священником Ездрой» [8].

Статус и тематика данной части Священного Писания требуют мак-

симально точной передачи её содержания, однако при сравнении двух переводов Книги Ездры на русский язык можно выявить значительное количество несоответствий разного типа. Работа с текстами Синодального и Современного переводов позволяет разделить все несовпадения на три группы: лексико-синтаксические, коннотативные и фактические. Предлагаем рассмотреть некоторые из них.

© Осипова А.А., 2014.

В первую очередь, обратимся к несовпадениям лексического плана, не приводящим к смысловым расхождениям текстов. Книга начинается со следующей фразы:

«*В первый год Кира, царя Персидского...*» (С.П. Езд. 1:1 [3]);

«*В первый год правления Кира, царя персидского*» (С.Р.П. Езд. 1:1 [2]).

В Современном переводе есть компонент «*правления*», отсутствующий в Синодальном переводе. Безусловно, в контексте он может подразумеваться, однако в тексте наличие его заметно облегчает понимание и восприятие. Таким образом, вариант Современного перевода более удобен для чтения, чего нельзя однозначно сказать по поводу следующего фрагмента:

«... *Возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он повелел объявить по всему царству своему, словесно и письменно...*» (С.П. Езд. 1:1 [3]);

«...*Господь побудил Кира, царя персидского, провозгласить по всему царству и издать письменный указ...*» (С.Р.П. Езд. 1:1 [2]).

В целом, для восприятия, безусловно, проще вариант Современного перевода благодаря, в первую очередь, простой синтаксической конструкции. Нетипичное для современного языка лексическое сочетание «*возбудил дух*» соответствует более понятному глагольно-инфинитивному, составляющему сказуемое предложения, сочетанию «*побудил провозгласить*». Нельзя, однако, не отметить некоторой лакунарности, возникающей из-за отсутствия дополнения у глагола «*провозгласить*».

В заключении письма царя Дария есть слова, по-разному представленные в двух переводах:

«*Я, Дарий, дал это повеление; да будет оно в точности исполняемо*» (С.П., Езд. 6:12 [3]);

«*Я, Дарий, даю это повеление. Да будет оно без промедления исполнено!*» (С.Р.П., Езд. 6:12 [2]).

Если принимать во внимание, что объём поручений Дария довольно велик и предопределяет действия большого количества людей на продолжительный период времени, более логичным выглядит первый вариант перевода, где используется причастие несовершенного вида. Выбранное авторами Современного перевода сочетание причастия совершенного вида и характеризующего его сочетания существительного с предлогом «*без промедления*» предполагает наличие результата действия в короткие сроки, что, на наш взгляд, несколько противоречит смыслу текста. Кроме того, обращает на себя внимание несоответствие грамматических форм глагольного компонента первой части, что, однако, не имеет влияния на точность передачи смысла.

Рассмотрим ещё один случай расхождения лексического оформления текста:

«*И совершили праздник кущей...*» (С.П., Езд. 3:4 [3]);

«*Они справили праздник Шалашей...*» (С.Р.П., Езд. 3:4 [2]).

И в первом, и во втором случае текст нуждается в пояснении, так как речь идёт об элементе иудейской культуры, о котором русскоязычный читатель вряд ли имеет представление. Современные переводчики использовали употребляемую в русском языке лексическую единицу – «*шалаш*», в Синодальном же переводе функционирует славянская лексема «*кущи*», означаю-

щая, согласно Словарю к Синодальному переводу, «шалаш». Относительно же праздника, о котором идёт речь, в Словаре к Синодальному переводу говорится следующее: «Один из важнейших праздников иудаизма называется праздником кущей (т. е. Праздником шалашей), поскольку во время этого праздника евреям предписано жить в шалашах. Лев 23:42; Мф 17:4)» [4].

Словарь к Современному переводу даёт более конкретную информацию относительно данного сочетания: «Праздник Шалашей, или Кущей (евр. Суккот), – первоначально осенний праздник сбора винограда, который люди проводили в шалашах. Позже был переосмыслен как воспоминание о скитаниях в пустыне во время исхода из Египта, когда люди жили в шалашах и палатках. Праздник начинался 15 числа месяца Тишри (сентябрь – октябрь) и продолжался семь дней, за которыми следовал восьмой – день праздничного покоя» [5]. Учитывая, что лексему «кущи» можно относить к религиозной терминологии, помимо того, ставшей и основной фразеологической единицы («райские кущи»), замену её в Современном переводе вряд ли можно считать оправданной.

В Книге Ездры приведён текст послания персидскому царю Артаксерксу, составленного его наместником и писцом от лица жителей Заречья. В целом содержание послания в двух переводах совпадает, однако некоторые расхождения выявить можно; ср.:

«Так как мы едим соль от дворца царского и ущерб для царя не можем видеть, поэтому мы посылаем донесение к царю...» (С.П., Езд. 4:14 [3]);

«Нам, верным царским подданным, не подобает допускать, чтобы царь

терпел такую обиду. Поэтому мы и уведомляем царя посланием...» (С.Р.П., Езд. 4:14 [2]).

В Синодальном переводе использовано выражение «*есть соль*», которое, согласно Толковой Библии Лопухина «по употреблению его в сирском и персидском языках означает, во-первых, быть гостем другого, во-вторых, находиться в услужении у него». В данном случае, по мнению Лопухина, рассматриваемое выражение имеет последний смысл. Таким образом, «свою клевету самаряне прикрывают долгом царской службы» [7]. В настоящее время существование этой фразеологической единицы в современном русском языке ограничено только библейским контекстом, в свободном употреблении она не функционирует и носителям языка не знакома, потому, вероятно, авторы Современного перевода ушли от метафоричности при передаче данного фрагмента. Несовпадающими по значению являются лексические единицы «ущерб» и «обида». Согласно Словарю Академии Российской, слово «ущерб» имеет два значения: 1) 'убыток, урон'; 2) 'относительно к луне означает то её состояние, в которое она по полнолунию начинает казаться уменьшающейся' [6]. Лексема «обида», согласно современному словарю «АВВУ Linguo», имеет в своей семантической структуре следующие значения: 1) 'оскорбление, огорчение, причинённое кому-л. несправедливо, незаслуженно'; 'чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением'; 2) обычно с местоимениями: какой, такой и т. п. – 'о том, что вызывает чувство огорчения, досады, заставляет пожалеть о чём-либо' [1].

Безусловно, логические связи между понятиями, обозначенными лексе-

мами «обида» и «ущерб» установить можно, но, на основании данных словарей, видно, что семантическое соответствие этих слов отсутствует.

Несовпадение лексических компонентов находим в письме царя Артаксеркса Ездры:

«И даём вам знать, чтобы ни на кого из священников или левитов, певцов, привратников, нефинеев и служащих при этом доме Божиим, не налагать ни подати, ни налога, ни пошлины» (С.П., Езд. 7:24 [3]);

«И да будет известно вам, что священники и левиты, певцы, стражи ворот, храмовые служители и все, кто работает в этом Храме Бога, свободны от налогов, сборов и податей» (С.Р.П., Езд. 7:24 [2]).

В целом смысл фрагмента в двух переводах идентичен, однако в Синодальном переводе использовано слово «нефиней», которое, согласно словарю, понимается как «храмовые работники, прислуживавшие левитам» [4]. Сочетание, в какой-то степени дублирующее значение слова «нефиней», есть в обоих переводах, поэтому существенного влияния на точность смысла фрагмента такое несовпадение не оказывает, и отсутствие его в варианте Современного перевода можно считать вполне оправданным, так как авторам удалось избежать плеоназма, возникающего из-за наличия в тексте совершенно незнакомой носителю языка единицы.

Приведём ещё один пример несовпадения в текстах этого письма:

«Артаксеркс, царь царей, Ездры священнику, учителю закона Бога небесного...» (С.П., Езд. 7:12 [3]);

«Артаксеркс, царь царей, желает здороваться священнику Ездры,

сведущему в Законе Бога Небесного» (С.Р.П., Езд. 6:12 [2]).

В Современном переводе присутствует выражение «*желает здороваться*», несколько меняющее коннотативное наполнение высказывания и уже с первых строчек определяющее отношение автора письма к адресату. Вариант Синодального перевода более официален и эмоционально нейтрален, оформление же фразы просто всего лишь даёт информацию об авторе и адресате письма. Стоит сказать, что в данном случае Синодальный перевод совпадает с текстом Елизаветинской Библии, где выбрана такая же форма организации высказывания.

Довольно часто в двух русских переводах Ветхого Завета мы встречаем случаи функционирования лексем «*завет*» и «*договор*» для реализации одного значения. В анализируемой книге такое расхождение встречается в обращении Шехании к Ездры:

«Заклучим теперь завет с Богом нашим...» (С.П., Езд. 10:3 [3]);

«Заклучим договор с Богом нашим...» (С.Р.П., Езд. 10:3 [2]).

Относительно лексемы «завет» Словарь к Синодальному переводу говорит следующее: «Завет (слав.) – договор. Договор между Богом и израильским народом на горе Синай – главное событие религиозной истории древнего Израиля» [4]. Таким образом, если центральное событие ветхозаветной части Священного Писания называется заключением завета, который являл собой объёмный свод правил и норм, то договор израильтян относительно дальнейших действий вряд ли можно назвать заветом. По поводу лексемы «договор» в приложении к современному изданию читаем: «Договор, или

Завет – Бог заключал договоры с народом Израиля и с отдельными людьми, обещая защищать их и быть их Богом. Так, известны Его договоры с Ноем, Авраамом, Давидом, Соломоном. Наиболее известен договор на горе Синай с народом Израиля, посредником которого был Моисей» [5]. Авторы нового перевода выбирают лексему «договор» для обозначения любых решений Бога относительно одного человека или всего народа. Такие решения не единичны и, независимо от их масштаба, именуется «договорами». И в том, и в другом случае мы не видим обозначаемой авторами дифференциации между событием, произошедшими на горе Синай, и другими контактами Бога и человека. Различие сводится к тому, что авторы Современного перевода уходят от традиционного библейского термина, стремясь, вероятно, облегчить понимание текста, тем самым провоцируя некий парадокс, оставляя в названии первой части Библии слово «завет».

До сих пор мы приводили примеры таких расхождений переводов на лексическом уровне, которые не становятся причиной несовпадений смысловых. Однако сравнение двух текстов даёт возможность выявить расхождение на содержательном уровне, что более важно в процессе межъязыковой передачи исторической книги. Такой тип лексических несовпадений находим в описании строительства Иерусалимского храма:

«И все соседи их вспомоществовали им серебряными сосудами, золотом, иным имуществом, и скотом, и дорогими вещами, сверх всякого доброхотного даяния для храма» (С.П., Езд.1:6 [3]);

«Окрестные жители, вдобавок ко всем пожертвованиям для Храма, снабдили их утварью из серебра, золотом, имуществом, скотом и дарами» (С.Р.П., Езд. 1:6 [2]).

Если сравнивать интерпретацию данного фрагмента с позиции современного читателя, то, несомненно, современный перевод выглядит более удачным. В Синодальном переводе используются вышедшие из употребления лексические единицы «*вспомоществовали*» и «*доброхотного*», произнесение и визуальное восприятие которых достаточно сложны. С точки зрения различий содержательной стороны переводов можно сказать следующее: употребляемое в Синодальном переводе сочетание «*дорогие вещи*» соответствует современному «*имущество*». Электронный словарь русского языка «АВВУ Lingvo x5» предлагает включать в семантическую структуру лексемы «имущество» следующие значения: 1) 'материальный объект гражданских прав'; 2) 'то, что находится в чьём-либо владении на правах собственности'; 3) 'вещи, пожитки' [1]. То есть ни одно из значений не указывает на особую ценность объекта, на основании чего можно сделать вывод о семантическом расхождении переводов, вероятно, существенного для исторического повествования.

После сообщения о решении изгнать иноплеменных жён следует фраза, которая с позиции современного читателя в двух переводах абсолютно не совпадает:

«Тогда Ионафан, сын Асаила, и Яхзея, сын Фиквы, стали над этим делом...» (С.П., Езд. 10:15 [3]);

«Против такого решения были только Ионафан, сын Асаила, и Яхзея, сын Тиквы...» (С.Р.П., Езд. 10:15 [2]).

В современном русском языке глагольно-предложное сочетание «стать над» не имеет значения «быть против». Относительно его функционирования в языке XIX века Словарь Академии Российской и Толковый словарь Вл. Даля данных не дают. Говорить о семантическом расхождении двух переводов в данном случае невозможно, так как фрагмент в версии XIX века современному читателю едва ли понятен.

При сравнении фрагмента Книги, посвящённого описанию переданного Киром главе племени Иуды имущества, которое должно было быть возвращено во вновь возведённый храм, видим, что в Современном переводе опущено «*ножей двадцать девять*» (Езд. 1:9 [2]), наличествующее в Синодальном переводе. Если учитывать, что Книга Ездры историческая, такое различие выглядит существенным.

Незначительное, на первый взгляд, но опять-таки важное для исторического повествования несоответствие находим в рассказе о жизни израильтян до начала возведения Иерусалимского Храма:

«И после того совершали всесожжение постоянное...» (С.П., Езд. 3:5 [3]);

«С тех пор они стали приносить ежедневную жертву всесожжения...» (С.Р.П., Езд. 3:5 [2]).

При описании повторной попытки строительства Храма в Иерусалиме приводится разговор наместника Заречья с теми, кто строил. В двух переводах обращение наместника представлено по-разному:

«... Кто дал вам разрешение строить дом сей и доделывать стены сии? Тогда мы сказали им имена тех людей, которые строят это здание» (С.П., Езд. 5:3–4 [3]);

«Кто повелел вам строить этот Храм, возводить это строение?» И ещё они спросили: «Как зовут людей, которые строят это здание?» (С.Р.П., Езд. 5:3–4 [2]).

Совершенно очевидно, что значения глагола «повелеть» и глагольного сочетания «дать разрешение» различны. В данном случае принципиально, что разница в значениях предиката провоцирует несоответствия инициатора действия в двух переводах одного фрагмента. Так, согласно Синодальному переводу, иудеи ведут работы по собственной инициативе, получив на это чьё-то разрешение. Согласно Современному переводу они лишь выполняют чей-то приказ.

Завершая рассмотрение смысловых несоответствий переводов Книги, обратимся к заключительной фразе молитвы Ездры, в двух переводах которой фактическое несоответствие абсолютно очевидно:

«Господи Боже Израилев! Праведен Ты. Ибо мы остались уцелевшими до сего дня; и вот мы в беззакониях наших пред лицом Твоим, хотя после этого не надлежало бы нам стоять пред лицом Твоим» (С.П., Езд. 9:15 [3]);

«Господь, Бог Израиля, Ты вершишь правосудие – и лишь остаток нашего народа уцелел до сего дня. Вот, мы пред Тобой, с нашими грехами, хотя после такого и не достойны мы предстать пред Тобой» (С.Р.П., Езд. 9:15 [2]).

Помимо лексических расхождений при сравнении двух переводов были выявлены несоответствия на уровне синтаксическом. Рассмотрим несколько примеров.

Обратимся к части Книги, посвящённой описанию строительства Храма:

«И стал народ земли той ослаблять руки народа Иудейского и препятствовать ему в строении» (С.П., Езд. 4:4 [3]);

«Тогда местные жители стали пытаться сломить решимость иудеев, запугивали их, чтобы они прекратили строительство...» (С.Р.П., Езд. 4:4 [2]).

В двух переводах данный фрагмент Писания представлен разными по типу синтаксическими конструкциями: простой, осложнённой однородными сказуемыми, – в Синодальном – и сложноподчинённой – в Современном. Кроме того, вариант Современного перевода является более лексически наполненным и детальным за счёт увеличения количества компонентов. Так, словосочетанию «ослаблять руки», использованному в Синодальном переводе, соответствует фрагмент «стали пытаться сломить решимость иудеев, запугивали их».

Рассмотрим ещё один пример. Обращаясь к Богу и ссылаясь на его заветы, Ездра говорит:

«Итак, дочерей ваших не выдавайте за сыновей их, и дочерей их не берите за сыновей ваших, и не ищите мира их и блага их вовеки, чтобы укрепиться вам, и питаться благами земли той, и передать её в наследие сыновьям вашим навеки» (С.П., Езд. 9:12 [3]);

«Поэтому ни своих дочерей не отдавайте замуж за их сыновей, ни их дочерей не берите в жёны своим сыновьям, никогда не делайте ничего, что принесло бы им мир и благополучие, – и будете крепнуть, будете есть лучшие плоды этой земли и оставите её в вечное наследие своим потомкам» (С.Р.П., Езд. 9:12 [2]).

Разная лексико-синтаксическая организация данного фрагмента в двух переводах обуславливает его различ-

ную трактовку. В первую очередь скажем, что тип сложного предложения не совпадает. В варианте Синодального перевода выбрано сложноподчинённое предложение цели, определяющее зависимость компонентов, в Современном переводе использована сложносочинённая конструкция, где второй компонент содержит не назидание, как в Синодальном переводе, а описание того, что может произойти в случае выполнения озвученного наказа. Однако первая часть этой конструкции более категорично передана в Современном переводе, во-первых, благодаря троекратному отрицанию, во-вторых, в связи с использованием повелительного наклонения со значением сослагательного. В Синодальном переводе аналогичная часть передаётся простым предложением с однократным отрицанием. Различие лексико-синтаксической организации в данном случае влияет на семантику высказывания.

Выявлены случаи, когда при относительной идентичности лексического состава предложений, различия обусловлены несовпадением предложений по цели высказывания. Приведём фрагмент молитвы Ездры:

«Неужели мы опять будем нарушать заповеди Твои и вступать в родство с этими отвратительными народами? Не прогневаешься ли Ты на нас даже до истребления нас, так что не будет уцелевших и не будет спасения?» (С.П., Езд. 9:14 [3]);

«... Нарушим ли мы снова Твои повеления, будем ли снова вступать в родство с этими мерзостными племенами? Ведь тогда Ты, разгневавшись, истребишь нас полностью, без остатка!» (С.Р.П., Езд. 9:14 [2]).

В Современном переводе обращающийся к Богу Ездра более волен в своих умозаключениях, так как не ограничивается вопросами, а сам предполагает исход ситуации и действия Бога по отношению к людям.

Приведём случай, когда при совпадении лексического состава наблюдается расхождение характера связи между частями сложного предложения:

«Когда так молился Ездра и исповедовался, плача и повергаясь пред домом Божиим, стеклось к нему весьма большое собрание Израильтян: мужчин, и женщин, и детей, потому что и народ много плакал» (С.П., Езд. 10:1 [3]);

«Пока Ездра молился, исповедовался и плакал, простёршись перед Храмом Бога, собралось великое множество израильтян – мужчин, женщин, детей, и весь народ плакал и рыдал» (С.Р.П., Езд. 10:1 [2]).

Если в Синодальном переводе выбраны причинно-следственные отношения, ставящие в зависимость одну часть от другой, то Современный перевод оформляет высказывание как последовательность однородных фактов.

Сравнительный анализ двух переводов позволяет выявить случаи, когда несовпадение лексико-синтаксической организации текста может сказываться на его коннотативном аспекте. Например, в части Книги, посвящённой описанию закладки нового Иерусалимского Храма, наблюдается следующее коннотативное расхождение:

«Впрочем, многие из священников, и левитов, и глав поколений, старики, которые видели прежний храм, при основании этого храма пред глазами их, плакали громко, но многие и восклицали от радости громогласно» (С.П., Езд. 3:12 [3]);

«Многие священники, левиты и главы родов, старцы, видевшие ещё первый Храм, громко плакали, глядя, как закладывают основание нового Храма. А многие люди радовались и громко восклицали» (С.Р.П., Езд. 3:12 [2]).

Во-первых, в двух переводах не совпадает субъект состояния: если в Синодальном переводе речь идёт об определённой категории людей, которые подразделяются на две группы (что реализуется в языке при помощи имени прилагательного *многие*), то в Современном переводе во второй части, составляющей, в отличие от Синодального перевода, самостоятельное предложение, появляется компонент *люди*, позволяющий думать, что субъекты первой и второй части разные.

Во-вторых, вводное слово *впрочем*, использованное авторами Синодального перевода, способствует формированию впечатления, что реакция названной группы людей, составляющей субъект первого предложения, была отрицательной и не совпадала с реакцией остальных. Утверждать подобное, основываясь на варианте Современного текста труднее, в первую очередь, из-за отсутствия вносящего дополнительное значение компонента *впрочем*, а также заменой (по сравнению с Синодальным переводом) союза *но* на *а*, противительная семантика которого выражена несколько слабее.

В заключение скажем, что сравнение двух русских переводов Книги Ездры позволяет выявить значительное количество несовпадений, которые на смысловом уровне могут быть классифицированы как существенные и малосущественные. Причиной этих несовпадений могут быть различия как в лексическом, так и в синтаксическом

оформлении текста. Кроме того, имеют место случаи, когда расхождение происходит не на уровне значения, а на уровне коннотации. В рамках настоящей статьи приведены наиболее яркие примеры несовпадений всех типов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. АBBYU Lingvo x5 – Электронный словарь. – АBBYU, 2011. – Выпуск 15.0.775 (1 оптовый CD-диск).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. – М.: РБО, 2011. – 1408 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением (Синодальный перевод). – М.: РБО, 2011. – 1408 с.
4. Краткий толковый словарь к Синодальному переводу Библии // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением (Синодальный перевод). – М.: РБО, 2011. – С. I–XVI.
5. Словарь // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М., РБО, 2011. – С. 1398–1407.
6. Словарь Академии Российской. Т. 6. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наукъ, 1789. – 600 с.
7. Толковая Библия или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета А.П. Лопухина. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bible.in.ua/under/Lop/index.htm> (дата обращения: 22.03.2014).
8. Юнгеров П.А. Введение в Ветхий Завет. Первая Книга Ездры. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sbible.ru/books/jung50.htm> (дата обращения: 12.02.2014).

УДК 811.111:81'23

Ражева Е.С.*Московский государственный областной университет***ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАСЕКОМОГО
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПЧЕЛЫ / ВЕЕ)**

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования образа насекомого через семиозис языкового знака на материале звукоподражательных названий насекомых в английском и русском языках. Рассматриваются четыре этапа процесса формирования образа пчелы / вее, представляющие собой биологический звук, речевой знак, языковой знак и культурный знак. Анализ выявляет ряд совпадающих и различающихся характеристик образа пчелы / вее в двух лингвокультурах. Рассмотренные примеры фразеологизмов и паремий иллюстрируют положение о том, что в русской лингвокультуре образ пчелы наделён исключительно положительными качествами, а в английской – наряду с положительными, и отрицательными признаками.

Ключевые слова: звукоподражательные слова, семиозис, инсектофон, фразеологизм, языковой знак.

E. Razheva*Moscow State Regional University***AN ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF AN INSECT
IN ENGLISH AND RUSSIAN (BASED ON THE ONOMASIOLOGICAL
PORTRAIT OF BEE / ПЧЕЛА)**

Abstract. The article analyzes the process of creating an image of an insect through semiosis of a linguistic sign on the material of English and Russian onomatopoeic names of insects. Four stages of forming images of bee / пчела are described. They are a biological sign, a speech sign, a linguistic sign and a cultural sign. The analysis of phraseological units and proverbs reveals a number of coinciding and different characteristics of the images of insects in both languages and cultures.

Key words: onomatopoeic words, semiosis, insectophone, idiom, linguistic sign.

Человеческое сознание по-разному отображает реалии мира. Одни из них представлены в виде наглядных образов, другие – в виде наивных понятий, третьи – в виде символов [8, с. 6]. Естественно предположить, что образы насекомых в английской и русской лингвокультурах могут совпадать или не совпадать по некоторым параметрам.

© Ражева Е.С., 2014.

В статье рассматривается процесс создания образа насекомого через семиозис языкового знака [1; 2; 5; 9; 10] на примере английского и русского инсектофонов *bee / пчела*. В этом процессе выделяется четыре этапа: биологический звук, производимый насекомым (знак-сигнал) – речевой знак (знак-индекс) – языковой знак (знак-символ) – культурный знак (символ символов).

При формировании речевого знака в языке образуются такие лексические единицы, как *жужжать*, *to buzz* (по отношению к пчеле).

Затем языковой знак может утрачивать первичную мотивированность, происходит затемнение формы, стирается иконичность. Так, в русском слове *пчела* наблюдается денатурализация формы, реконструируемая при помощи этимологического анализа. Слово происходит из общеславянского *бъчела* после падения редуцированного *б* и оглушения *б* перед *ч*. *Бъчела* представляет собой суффиксальное производное от того же корня (с перегласовкой), что и диалектное *БУЧАТЬ* – «жужжать, гудеть», *БЫК*, *БУКАШКА*. Насекомое названо по характерному звуку (жужжанию), производимому при полёте. В английском языке форма остаётся звукоподражательной: *bee*, что подтверждает не природную, а социальную обусловленность и относительность мотивированности звукоподражательных слов.

Этап перехода языкового знака в знак-символ отражает способность человека к абстрактному мышлению. При этом влияние социолингвистических факторов наиболее существенно. Здесь проявляются такие процессы, как метафоризация, создание развёрнутой аллегории, отражающие комплекс представлений человека об окружающем мире, его этические и эстетические установки, формирующие картину мира.

Так, пчела / бее олицетворяет многочисленные добродетели: мудрость, плодородие, трудолюбие, экономность, любовь к порядку и чистоте, целомудрие. В ряде культур пчела символизирует небо и звёзды, принимает участие

в сотворении мира, выступает на стороне светлых сил и добра против зла.

Трудолюбие, как основное качество пчелы, зафиксировано во фразеологических оборотах: *трудолюбивый как пчела* – *busy as a bee*, *brisk as a bee*. В христианстве, благодаря приписываемому пчеле трудолюбию, она символизирует деятельность, прилежание, трудолюбие, порядок и религиозное красноречие. Не только сама пчела, но и производимый ею мёд и её улей приобретают символическое значение. Слова прославившихся красноречием святых св. Амвросия и св. Иоанна Златоуста характеризуют как «сладкие как мёд». Сам св. Амвросий сравнивал церковь с ульем, а христианина – с неустанно трудящейся и преданной своему улью пчелой. Улей символизирует сплочённую религиозную общину, упорядоченное и благочестивое сообщество. Кроме того, пчела символизирует у христиан рвение и бдительность. Летящая пчела – это душа, вступающая в Царство Небесное. Представление о том, что пчёлы питаются лишь ароматом цветов, сделало их символом чистоты и воздержания.

Образ *bee* / *пчелы* в английской и русской лингвокультурах наделён множеством положительных качеств и отличается от образов многих других насекомых.

В обеих культурах пчелу наделяют трудолюбием: *as brisk as a bee* – «проворный, хлопотливый как пчела» [6, с. 74]. Так англичане и русские описывают проворного, трудолюбивого человека: *a busy bee* – «занятая пчела» [12, р. 22]; *bee that gets honey doesn't hang around the hive* – «пчела, которая носит мёд, не околачивается вокруг улья» [7, с. 334]; *while honey lies in every*

flower, no doubt, it takes a bee to get the honey out – «если мёд лежит в каждой цветке, без сомнения, пчела его достанет» [7, с. 334]; *трудолюбив как пчела* (‘предельно трудолюбив’) [11, с. 423]; *трудиться как пчел(к)а* (‘работать с полной отдачей’, ‘работать самозабвенно, самоотверженно’) [11, с. 423]; *смирная, как агнец; делова как пчела; красна, что райская птица; верна, что горлица* [3, с. 299]; *делова, что пчела* [4]. Трудолюбие можно усмотреть и в английском выражении *spelling bee* – «орфографическая пчёлка» [13], то есть школьный конкурс на лучшее правописание, выявляющий наиболее прилежно изучающего орфографию ученика.

Паремии со значением ‘медоносность’ зафиксированы в обоих языках: *where bees are, there is honey* – «где пчёлы, там и мёд» [14, р. 19]; *no bees, no honey* – «без пчёл нет мёда» [7, с. 334]; *where there is honey to be found, there will be bees* – «где можно найти мёд, там будут пчёлы» [7, с. 317]; *look for the honey where you see the bee* – «ищи мёд там, где пчела» [7, с. 317]. И в русском языке: *люди рады лету, а пчела цвету* [3, с. 614]; *настух ради лета, пчела ради цвета* [3, с. 14]; *на красный цветок и пчела летит* [3, с. 642]; *не летит пчела от мёду, а летит от дыму* [3, с. 731]; *подле пчёлки в медок, а подле жука в навоз* [3, с. 558]. Кроме того, в ряде паремий зафиксировано значение ‘довольство’. В сленге «кокни» рифмуются *honey* и *money*: *bees and honey* – «пчёлы и мёд» [13]; *no bees, no honey, no work, no money* – «без пчёл нет мёда, без работы нет денег» [7, с. 334]; *корми меня до Ивана, сделаю из тебя пана (говорит пчела)* [3, с. 325]; *не погнетии пчёл, мёду не есть* [4]. Если пчёлам плохо, то и мёда

не приходится ждать: *when bees are old, they yield no honey* – «когда пчёлы старые, они не вырабатывают мёд» [13], или *a dead bee makes no honey* «мёртвая пчела не приносит мёд» [13]; *плохие пчёлы – плохой и мёд* [7, с. 300]. Данные единицы символизируют конец (“закход”, “закат”) “сладкой” жизни и материального достатка.

В обеих лингвокультурах отмечаетcя способность пчёл жалить, защищая плод своего труда – мёд. В английской лингвокультуре эта способность отражена в паремиях: *honey is sweet, but the bee stings* – «сладок мёд, да пчёлки жалят»; *bees that have honey in their mouths have stings in their tail* – «пчёлы, имеющие мёд во рту, имеют жала на хвосте» [7, с. 334]. В русской лингвокультуре: *нет пчёлки без жальца* [4]; *ужалила пчела – два мерина со двора* [3, с. 88]. Причём способность пчелы жалить в обоих языках соотносится с понятием «острый язычок»: *the human tongue is more poisonous than a bee's sting* – «человеческий язык опаснее жала пчелы», *язык мой – враг мой* [13]; *пчела жалит жалом, а человек – словом* [7, с. 300]. Это свойство пчелы отражено в английском сленгизме *bee-bee* «пчелачела» [13], то есть ‘пуля, жалящая как пчела’.

Неслучайно мобильную связь называют *сотовой связью*: она соединяет множество людей, как пчёл в сотах. Осуществляют её *сотовые операторы* (cellular communication), один из операторов сотовой связи называется *Билайн / Beeline* (буквально «Пчелиная линия»). Цвета компании *Билайн* – чередующиеся полосы чёрного и жёлтого цвета – имитируют окраску пчелы. Фразеологическое выражение *in a bee-line* («пчелиный маршрут») [6, с. 74]

означает 'кратчайший путь'. В русской лингвокультуре то обстоятельство, что пчёлы обычно существуют роем и их мощь зависит от их количества, отражено во фразеологизме *одна пчела немного мёду натаскает* [3, с. 393].

Такая приписываемая пчеле черта, как мудрость, отмечается в обеих лингвокультурах: *while honey lies in every flower, no doubt, it takes a bee to get the honey out* – «если мёд лежит в каждом цветке, без сомнения, пчела его достанет» [7, с. 334]; *не летит пчела от мёду, а летит от дыму* [3, с. 731].

Как показывает анализ, многие приписываемые пчеле характеристики совпадают в обеих лингвокультурах (трудолюбие, медоносность, способность жалить, мудрость). В то же время ряд характеристик не совпадают. Так, в русской лингвокультуре отмечается божественная сущность пчелы. У христиан пчёлы ассоциируются со страданиями распятого Христа, поэтому эти насекомые считаются «чистыми»: *пчела – божья угодница* (доставляет воск на свечи) [3, с. 199]; *пчела жалит только грешника* [3, с. 199]; *пчела трудится – для бога свечка пригодится* [3, с. 535]; *не на себя пчела работает* [3, с. 535]; *муравей не по себе ношу тащит; да никто ему спасибо не говорит; а пчела по искорке носит, да богу и людям угождает* [3, с. 543]. С этой характеристикой пчелы связан отмечающийся во фразеологизмах признак чистоты бестелесности, так как пчёлы питаются тем, что вдыхают ароматы цветов: *люди рады лету, а пчела цветцу* [3, с. 614]; *пастьух ради лета, пчела ради цвета* [3, с. 614]; *на красный цветок и пчела летит* [3, с. 642]. В русской лингвокультуре отмечается такое качество пчелы, как монотонное жужжание: *гудеть*

как пчёлы в улье – 'производить ровный монотонный шум' (например, так говорят о школьниках, разучивающих хором стихотворение) [11, с. 423].

В английской лингвокультуре выделяется проворность пчелы: *as brisk as a bee* – «проворный, как пчела» [6, с. 74]; *a busy bee* – «занятая пчела» [12, р. 22]; *as quick as a bee* – «быстрый как пчела» [13]. Отмечается высокое социальное положение пчелы: *be the bee's knees* – «быть пчелиными коленями» [13], то есть 'быть шишкой, важным человеком'; *Queen's bee* – «королева пчёл (матка)» [13] – иронически о женщине, занимающей руководящий пост, начальнице, руководительнице, первой леди.

Этому насекомому приписываются и отрицательные качества. Навязчивость, неотступность пчёл зафиксированы во фразеологизмах: *a bee in one's bonnet* – «пчела в капюшоне» [6, с. 74] 'причуда, навязчивая идея, мания, заскок, пунктик'; *to have bees in the head* – «быть фантазёром, чудаком, тронуться, то есть быть не в своём уме» [13]. В американской лингвокультуре ФЕ *Presidential bee (in one's bonnet)* – «президентская пчела (в капюшоне)» [6, с. 74] имеет значение 'навязчивая идея стать президентом США (президентский зуд)'. Отмечаются и другие негативные качества пчелы, такие как глупость (*bee-fool* [13] – «идиот, болван») и небольшой размер – *bee stings* («пчелиные жала») [13] – о маленькой женской груди.

В английской лингвокультуре зафиксировано выражение *the birds and the bees* – «птицы и пчёлы» [13]. Благодаря сравнению птиц с пчёлами взрослые пытаются ответить на вопросы детей о взаимоотношении двух полов.

Сленгизм *bee-otch*, в котором присутствует искажённое написание слова *itch – otch*, можно перевести как «пчелиный зуд» [13], то есть неодолимая тяга пьяницы к спиртному.

Пчела в русской лингвокультуре часто упоминается вместе с «ангельскими» птицами: горлицей, райской птицей. Кроме того, она сравнивается с библейским агнцем: *смирренная, как агнец; делова как пчела; красна, что райская птица; верна, что горлица* [3, с. 299]; с трудолюбивым муравьём, человеком и самим Богом – *муравей не по себе ношу тащит; да никто ему спасибо не говорит; а пчела по искорке носит, да богу и людям угрождает* [3, с. 543].

В результате анализа 27 английских паремий и 22 русских были выявлены следующие признаки, приписываемые пчеле в обеих лингвокультурах: 1) трудолюбие; 2) медоносность; 3) довольство; 4) способность жалить; 5) множественность; 6) мудрость. Кроме того, в русской лингвокультуре отмечаются: 1) божественная сущность; 2) чистота; 3) жужжание. В английской лингвокультуре – 1) проворность; 2) навязчивая идея; 3) маленький размер; 4) глупость; 5) высокое положение; 6) непреодолимое желание выпить спиртное.

Стоит отметить, что в русской лингвокультуре образ пчелы наделён исключительно положительными качествами, а в английской – наряду с положительными признаками, перечисленными выше, выявлены и отрицательные качества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапкина Т.А. Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М.: Индрик, 1999. – С. 17–50.
2. Апажев М.Л. Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским: учеб. пособие. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2004. – 153 с.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Диамант, 1998. – 834 с. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Microsoft Word. – URL: <http://www.twirpx.com/file/391080> (дата обращения: 02.12.2013).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Олма-Пресс, 2001. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovorus.ru/index.php?f=1&слово=%C0> (дата обращения: 24.01.2014).
5. Кошечкина И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка: лимитативная сущность языковых категорий (к проблеме знака и значения). – 2-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2012. – 176 с.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / под ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
7. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / Russian-English dictionary of proverbs and sayings. – North Carolina and London: McFarland and Company, Inc., Publishers Jefferson, 2000. – 487 p.
8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
9. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: сб. переводов / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1982. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/morris.htm> (дата обращения: 04.03.2014).
10. Седов А.Е. Биосемиотика. [Электронный ресурс]. – URL: <http://biospace>.

- nw.ru/biosemiotika (дата обращения: 07.02.2014).
11. Школьный фразеологический словарь русского языка / сост. А.Ю. Москвин. – М.: Центрполиграф, 2002. – 639 с.
 12. Longman idioms dictionary. – London: Longman, 1998. – 398 p.
 13. Multitran dictionary: Multitran system for translators: сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=1&SHL=1> (дата обращения: 18.03.2014).
 14. Simpson J., Speake J. Concise dictionary of proverbs. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 364 p.

УДК 81'373

Скатова Д.Д.*Московский государственный областной университет***ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ, СОЧЕТАЮЩИХСЯ С ЛЕКСЕМОЙ “SMILE” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ, “SOURIRE”(M.) ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И “УЛЫБКА”(Ж. Р.) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Данная статья написана в русле изучения лексико-семантической совместимости компонентов свободных словосочетаний. Грамматически обусловленные типы свободных словосочетаний достаточно хорошо изучены, но грамматически правильно-му словосочетанию должна соответствовать и лексико-семантическая совместимость его компонентов. В статье представлены результаты проведённого сравнительного исследования глаголов, семантически сочетающихся с лексемой “smile” в английском, “sourire”(m.) во французском и “улыбка”(ж. р.) в русском языках, и классификация этих глаголов по семантическому признаку. Теоретическая значимость работы состоит в том, что она способствует решению общетеоретической проблемы лексико-семантической совместимости компонентов свободных словосочетаний.

Ключевые слова: лексема, лексико-семантическая совместимость, классификация глаголов, синтаксическая функция, переходный / непереходный глагол, подлежащее, прямое дополнение, обстоятельственное дополнение, семантика.

D. Skatova*Moscow State Regional University***LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF VERBS, COMPATIBLE WITH THE LEXEME “SMILE” IN THE ENGLISH LANGUAGE, “SOURIRE”(M.) IN THE FRENCH LANGUAGE AND “УЛЫБКА”(Ж. Р.) IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The present article presents the analysis of lexico-semantic compatibility in free word combinations. Grammatical types of free word combinations are rather well-studied, but components of a grammatically correct word combination should also be lexically and semantically compatible. The article presents a comparative research of verbs, compatible with the lexeme “smile” in the English language, “sourire”(m.) in the French language and “улыбка”(ж.р.) in the Russian language and their classification according to the lexico-semantic characteristics. The research contributes to the solution of a general theoretic problem of lexico-semantic compatibility of free word combination components.

Key words: lexeme, lexico-semantic compatibility, classification of verbs, syntactic function, transitive (intransitive) verb, subject, direct object, adverbial object.

Целью настоящей статьи стало выявление группы глаголов, способных входить в семантические связи с лексе-

мами “smile” в английском, “sourire”(m.) во французском и “улыбка”(ж.р.) в русском языках. Согласно мнению некоторых исследователей, круг глаго-

© Скатова Д.Д., 2014.

лов, сочетающихся с указанными словами, зависит от функции последнего в предложении: подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения, обстоятельственного дополнения [4, с. 466–472; 2, с. 131–134; 3, с. 256–258; 6, с. 230–231, 1, с. 329].

Актуальность исследования обусловлена общетеоретической проблемой лексико-семантической совместимости компонентов свободных словосочетаний.

Как известно, словосочетания делятся на свободные и устойчивые. Но свободные сочетания лимитированы лексико-семантической валентностью их компонентов.

Материалом настоящей работы послужили более 420 сочетаний лексем “*smile*”, “*sourire*”(м.), “улыбка”(ж. р.) с глаголами (по 140 примеров на французском, английском и русском языках).

В настоящей статье глагольные сочетания рассматриваются с позиции теории грамматики конструкций, предложенной в конце восьмидесятых годов XX века [5, с. 18–30]. Основной единицей изучения языка является конструкция, которая оказывается в центре внимания при изучении синтаксиса и семантики. При этом под конструкцией понимается языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей. Конструкциями считаются языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения. С синтаксической точки зрения сочетание глагола и существительного могут связывать как два равноправных члена (подлежащее

и сказуемое) так и неравноправных (сказуемое и второстепенный член).

Цельность, единство конструкции как языкового знака является центральной идеей всей теории грамматики конструкций. Из этого следует, что именно изменчивая природа конструкций даёт возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом [5, с. 17–24].

I. В результате проведённого исследования были выделены следующие лексико-семантические группы глаголов, сочетающихся с изучаемыми лексемами **в роли подлежащего**:

1) глаголы с семантикой действия: прямо-переходные глаголы (*to wrinkle* (морщить), *to light* (освещать), *to break* (разбить, сломать), *to twitch* (изогнуть), *to show* (показать), *to cross* (пересечь), *animer* (оживить), *illumine* (осветить), *тронуть*, *морщить*), косвенно-переходные глаголы с той же семантикой (*to spread over* (распространиться по), *to go* (идти), *to flash* (блеснуть), *passer* (пройти), *se fixer* (замереть), *se dessiner* (нарисоваться), *se figer* (застыть), *se crispier* (сжаться), *отразиться*, *явиться*) и непереходные (*to be* (быть), *monter* (подниматься), *приходить*); ср.:

– Dilcey turned to Scarlett and something like **a smile wrinkled** the corners of her eyes [15]. – Дилси повернулся к Скарлетт, и подобие **улыбки сморщило** уголки её глаз;

– As she looked, Melanie’s eyes opened and a soft warm **smile lit** her face [15]. – Когда она посмотрела, глаза Мелани открылись, и мягкая, добродушная **улыбка осветила** её лицо;

– A faint **smile crossed** his thin mouth... [14]. – Бледная **улыбка**

скользнула по его тонким губам (досл: пересекла его тонкий рот);

– Un large **sourire illumina le visage** de Paneb [11]. – Широкая улыбка осветила лицо Панаба;

– Un mince **sourire se dessine sur les lèvres** du dauphin [16]. – Тонкая улыбка вырисовывается на губах дофина;

– Un **sourire se figea sur les lèvres** de Nénophar [12]. – Улыбка застыла на губах Ненофара;

– Веки чёрной жрицы дрогнули, раскрылись незрячие синие глаза, в них зажгётся огонёк сознания, и серые губы тронула улыбка [7];

– ... думала Дарья Александровна, и плутовская довольная улыбка морщила её губы... [9];

– У него, напротив, когда **приходила улыбка**, то вдруг, мгновенно, исчезало серьёзное и даже несколько угрюмое лицо... [8];

2) прямо-переходные глаголы, передающие:

а) влияние улыбки на зрителя (*to take* (делать), *ravir* (восхищать), *conqueror* (завоевывать), *rassurer* (уверить), *rasseoir* (рассеять), *oscorbir* (оскорбить), *irriter* (раздразнить), *abuser* (обмануть); ср.:

– But it was not the **smile** that had **made** her so happy so short a while before [15]. – Но это была не та улыбка, которая **сделала** её такой счастливой немного ранее;

– Son **sourire**, où la bonté excluait l'ironie, le **ravit** [11]. – Её улыбка, в которой доброта исключала иронию, **очаровала** его;

– Лёгкая улыбка **рассеяла** смущение спутников царя [11];

– Ему чувствовалось, что всякая улыбка **оскорбит** их [7];

б) присутствие улыбки (*to be*; *s'avancer*, *éclairer*, *сиять*, *быть*); ср.:

– He smiled, and **it was** Ashley's **smile** in an older face [15]. – Он улыбнулся, и это **была улыбка** Эшли на более взрослом лице;

– Elle s'avança vers la Pucelle, ..., un **sourire** parcimonieux **éclairant** son masque blafard [16]. – Она подошла к Деве, со сдержанной (скупой) **улыбкой**, **осветившей** её бледную маску;

– И **улыбка** радости, сообщавшаяся невольно всем смотревшим на неё, **сияла** на её просветлевшем лице [8].

II. Лексемы "smile", "sourire"(т.), "улыбка"(ж. р.) в функции **прямого до-полнения** сочетаются:

1) с прямо-переходными глаголами с семантикой появления улыбки (*to cast* (бросить, кидать), *to manage* (смочь, умудриться), *to bring* (принести), *to put* (положить), *avoir* (иметь), *esquisser* (наметить), *aborder* (приступать), *montrer* (показать); ср.:

– But she got up and **managed a smile** [14]. – Но она встала и смогла улыбнуться;

– The pleasure in the thought **brought** a sparkle into her green eyes and a **half-smile** to her lips [15]. – Удовольствие от этой мысли вызвало блеск в зелёных глазах и **полуулыбку** на губах;

– She **put a bright smile** on them [14]. – Она улыбнулась им сияющей улыбкой;

– Elle **eut un sourire** plus visible, plus bienveillant... [13]. – Она улыбнулась более видимой, более доброжелательной улыбкой;

– Poulengy **esquissa un sourire** [16]. – Пулэнги слегка улыбнулся (**наметил улыбку**);

– Ce soir-là, son informateur **abordait un sourire satisfait** [5]. – Этим вечером его информатор **улыбнулся довольной улыбкой**;

– ... **показал** всем ещё раз свою

улыбку, которая ничего не говорила... [9];

2) с прямо-переходными глаголами, передающими направленность улыбки на кого-то (*to throw* (бросить), *to give* (давать), *to turn* (повернуть), *adresser* (адресовать), *faire* (делать), *offrir* (подарить), *послать*); ср.:

– She **turned** her prettiest **smile** on Ashley, but for some reason he was not looking at her [15]. – Она **направила** свою самую милую **улыбку** на Эшли, но по какой-то причине он не смотрел на неё;

– **Give me a smile** and let's be pleasant for a minute or two before I take up an unpleasant subject [15]. – **Улыбнись мне** (досл.: **дай мне улыбку**), и давай минуту или две побудем милыми, прежде чем я заговорю на неприятную тему;

– Il arrêta son débit en apercevant Jeanne, lui **adressa un sourire**... [16]. – Он остановил свой бег, заметив Жанну, улыбнулся ей (досл.: **адресовал ей улыбку**);

– Silkis pencha le cou en avant et **offrit** au juge **un sourire** approbateur [11]. – Силкис наклонила голову (шею) вперёд и **подарила** судье одобрительную **улыбку**;

– Таис обернулась, чтобы **послать улыбку** великим знатокам лошадей... [7];

3) с прямо-переходными глаголами, выражающими сдерживание улыбки (*to restrain* (сдерживать), *to suppress* (подавить), *to smother* (душить), *cacher* (прятать), *сдерживать*, *удерживать*); ср.:

– With difficulty she **restrained a smile** of glee [15]. – С трудом она **сдержала улыбку** ликования (ликующую улыбку);

– He turned back to the girls, who were trying to **suppress their smiles** [15]. – Он

обернулся к девушкам, пытавшимся **подавить улыбки**;

– Sur la ligne des femmes assises, les éventails peints s'agitaient, les bouquets **cachaient** à demi **le sourire** des visages... [10]. – Узорные вееры наполовину **скрывали (прятали) улыбку** на лицах женщин, сидящих в ряду;

– ... снова поклонилась Таис и **скрыла улыбку**, попрощалась с властительницей знаменитого храма [7];

– **Сдерживая улыбку** удовольствия, он пожал плечами... [8];

– Сын видел, что она не могла **удержать улыбку** радости [8];

4) с прямо-переходными глаголами со значением присутствия улыбки (*to wear* (носить), *avoir* (иметь), *удерживать*); ср.:

– Suellen and Carreen giggled and even Gerald's face **wore a vague smile** [15]. – Сьюллин и Керрин хихикнули, и даже на лице Джералда **появилась** смутная **улыбка** (досл.: ... даже лицо Джералда «**надело улыбку**»);

– Il **avait** sous la moustache ce **sourire** fin qui troublait les femmes [13]. – Под усами у него **была** та тонкая **улыбка** (он **имел улыбку**), которая волновала женщин;

– Соня страстно-озлобленно взглянула на него и, едва **удерживая** на глазах слёзы, а на губах притворную **улыбку**, встала и вышла из комнаты [9].

III. Изучаемая лексема в роли **обстоятельного дополнения** сочетается с косвенно-переходными глаголами, отражающими появление улыбки (*to stretch in...* (растянуться в...), *to subdue to* (подчиниться), *to break into* (разразиться), *to twist in...* (скрутиться в...), *to curve into...* (согнуться в...), *to pull into...* (растянуться в...), *to curl in...* (изогнуться в...), *to tucked*

into (подгибаться), *s'éclairer* (осветиться), *s'ornier* (украшаться), *prosier* (просиять), *osveščat'* (освещать), *raspusťit'* (распустить); ср.:

– His mouth **twisted in** his old **smile** and the seriousness was gone from his face [15]. – Его губы (рот) **изогнулись (скрутился) в** его былой **улыбке**, и серьёзность исчезла с его лица;

– Cathleen's lips **curved into** the crooked **smile** of a brave child who tries not to cry [15]. – Губы Кэтлин **изогнулись в** кривую **улыбку** храброго ребёнка, который пытается не заплакать;

– Le triste visage du dauphin **s'éclaira d'un sourire** [16]. – Грустное лицо дофина **озарилось улыбкой**;

– Son visage ne **s'orna même pas d'un sourire** [12]. – Его лицо даже не **украшилось улыбкой**;

– Лицо Анны вдруг **просияло радостною улыбкой** [8];

– Она **усаживалась пред ним и освещала его всё тою же неизменною улыбкой** [9];

– ... сказал Пьер, **распуская** свой рот **в** беззаботную, весёлую **улыбку** [9].

IV. Исследуемая лексема также встречается и в роли **косвенного дополнения**.

1) Первую группу составляют глаголы, передающие действие с улыбкой: прямо-переходные глаголы (*to hold up* (поддерживать), *to give* (давать), *to butter* (маслить), *to toss* (трясти), *to draw* (рисовать), *to adore* (обожать), *s'effacer* (стирать), *lire* (читать), *tendre* (тянуть), *accueillir* (принимать), *blagoslovit'* (слушать), *vspominat'* (вспоминать), *prilipdnat'*); косвенно-переходные глаголы (*to stroll over* (бродить), *to advance* (продвигаться), *to look* (смотреть), *to order* (приказывать), *to beckon* (кивать, подзывать кивком), *s'éloigner* (удалиться), *s'avancer* (продвигаться), *sidet'*, *smo-*

trpet'), *neperexodnye* глаголы (*to be* (быть), *demeurer* (оставаться, жить), *courir* (бежать), *umirat'*); ср.:

– But, as she lay on her pillow, there always rose the memory of Ashley's face as it had looked when she last saw him, **drawn as with** an inner pain but with a little **smile** on her lips... [15]. – Но, когда она **ложилась на подушку**, всегда всплывало **воспоминание о лице Эшли**, **таком, каким она видела его в последний раз, нарисованное с внутренней болью, но и с улыбочкой на губах**;

– He **ordered, a glint of a smile** in his eyes... [15] – ...**приказал он, с проблеском улыбки в глазах**;

– Answered Suellen, happily **beckoning with a smile** to Frank [15] – ...**ответила Сьюэлин, радостно кивая с улыбкой Фрэнку**;

– Et Mme Forestier lui **tendait** une tasse pleine, **avec ce sourire** ami qui ne quittait point sa lèvre [13]. – **Мадам Форестье протягивала** ему полную чашку, **с дружеской улыбкой**, никогда не покидавшей её губ;

– Il s'avança vers Léon, et, avec ce **sourire de bénignité pateline** que prennent les ecclésiastiques lorsqu'ils interrogent les enfants... [10]. – Он **приблизился к Леону, с той улыбкой отеческого благословения, которой улыбаются церковнослужители, когда расспрашивают своих детей**;

– La Trémoille **s'effaçait avec un sourire de dépit** [16]. – **Тремуй удалился с огорченной улыбкой**;

– Каждый истинный эллин **умирал с улыбкой**, всегда потрясавшей иноземцев [7];

– Она **скрыла своё внимание и с одобрительной улыбкой слушала** его рассказ о том, как он **провёл вечер** [8];

– Обе **смотрели на него с улыбкой одобрения** [9].

2) Вторая группа состоит из глаголов речевой деятельности (*to greet* (приветствовать), *to talk* (разговаривать), *to say* (говорить), *to answer* (отвечать), *to call* (звать), *to tell* (говорить), *to question* (спрашивать), *to give good-bye* (попрощаться), *ajouter* (добавить), *demander* (спросить), *répondre* (ответить), *balbutier* (бормотать), *dire* (говорить), *répliquer* (возражать), *ответить*, *сказать*, *присовокупить*, *подозвать*, *спросить*, *продолжать*, *обратиться*); ср.:

– ...**Answered** Scarlett **with a** frightening **smile**... [15] – ...**ответила** Скарлетт **с** пугающей **улыбкой**;

– ...Meggie **said with an** answering **smile** [14] – ...**сказала** Мэгги **с** ответной **улыбкой**;

– It was the shock of his life when she **told him with a** sweet **smile**, in answer to his questions, that she intended to run it herself [15]. – **Это было потрясением** всей его жизни, когда она **сказала** ему **со** сладкой **улыбкой**, что намеревается **управлять** ей [лесопилкой] **сама**;

– ...il **ajouta, avec un** **sourire** [16] – ... он **добавил с** **улыбкой**;

– “C’est que, – **balbutia-t-elle avec un** singulier **sourire**, – je ne sais pas trop” [10]. – «Дело в том, что, – **пробормотала** она **с** многозначительной **улыбкой**, – я не очень хорошо знаю»;

– ...Elle **répliqua, avec un** mauvais **sourire** [16] – ... Она **возразила с** недоброй **улыбкой**;

– **Неарх ответил** широкой **довольной улыбкой** [7];

– ...**с** чуть заметною **улыбкой** **сказал** он [8];

– **Государь с улыбкой обратился** к одному из своих приближённых... [9].

Особый интерес представляют сочетания глагола “улыбаться” (*to smile*,

sourire) с лексемой “*smile*”, “*sourire*”(м.), “улыбка”(ж. р.); ср.:

– Finally Stuart **smiled** down at India, **an unwilling smile**, and nodded his head [15]. – **Наконец, Стюарт улыбнулся** Индии **принуждённой улыбкой**, и кивнул головой;

– Puis il **sourit, d’un drôle de sourire** qui court autour de ses grosses joues chaque fois qu’il va dire quelque chose de malin ou de fort... [13]. – **Затем он улыбнулся** **смешной улыбкой**, которая **появляется** на его **полных щеках** (досл.: **бежит по его полным щекам**) **каждый раз**, когда он **хочет** **сказать** что-нибудь **лукавое** или **значительное** (**сильное**);

– **Спартанец улыбнулся** **детской, чуть наивной улыбкой** [7].

Таким образом, сочетания глаголов с лексемами “*smile*”, “*sourire*”(м.), “улыбка”(ж. р.) в английском, французском и русском языках зависят от их наличия в структуре предложения в роли подлежащего, прямого дополнения, обстоятельственного дополнения, редко – косвенного дополнения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 710 с.
2. Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: URSS, 2013. – 424 с.
3. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. Ускоренный курс. – М.: Юрайт, 2013. – 473 с.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
5. Рахимова Е.В. Грамматика конструкций. – М.: Азбуковник, 2010. – 583 с.

6. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: URSS, 2009. – 296 с.
- Источники языкового материала:*
7. Ефремов И. Таис Афинская. – М.: АСТ, 2003. – 528 с.
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – СПб.: Лениздат, 2012. – 1200 с.
9. Толстой Л.Н. Война и Мир. Тома 1, 2. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – 704 с.
10. Flaubert G. Mme Bovary. – М.: Прогресс, 1974. – 504 с.
11. Jacq Ch. La Pierre de lumière. – Paris: XO editions, 2000. – 432 p.
12. Jacq Ch. La pyramide assassinée. – Paris: Plon, 1993. – 404 p.
13. Maupassant G. de. Bel Ami. – Paris: Gallimard, 2009. – 448 p.
14. McCullough C. The Thorn birds. – London: Avon, 1978. – 704 p.
15. Mitchell M. Gone with the wind. – London: Pocket, 2008. – 1472 p.
16. Peyramaure M. Jeanne d'Arc. – Paris: Robert Laffon, 1999. – 370 p.

РАЗДЕЛ IV.

РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811. 133.

Харламова М.В.

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЭМОЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПРЕССЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционально-семантических особенностей фразеологических единиц во французской молодёжной прессе за период с 2004 по 2013 гг. Фразеологические единицы распределяются на шесть крупных функционально-тематических групп, из которых в статье рассматривается группа «Эмоции и эмоциональные состояния человека», состоящая, в свою очередь, из двух подгрупп: «эмоциональные состояния человека» и «эмоции». При распределении фразеологических единиц по функционально-тематическим группам и подгруппам учитывалось как языковое (виртуальное), так и актуальное значение каждой фразеологической единицы.

Ключевые слова: французская молодёжная пресса, фразеологическая единица, значение фразеологической единицы, коннотативный аспект значения фразеологической единицы, функционально-тематические группы и подгруппы фразеологических единиц.

M. Harlamova

Moscow State Institute of International Relations (University)

PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING EMOTIONS AND EMOTIONAL STATES OF A PERSON IN THE FRENCH YOUTH PRESS

Abstract. The article investigates the functional semantic features of phraseological units in the French press for youth in 2004-2013. The phraseological units are divided into six main functional thematic clusters, of which the group "Emotions and emotional states of a person" is discussed in the article. This group can be subdivided into two subgroups: "emotional states of a person" and "emotions". In applying the distributional clustering, we considered both virtual and actual meaning of each phraseological unit.

Key words: French youth press, a phraseological unit, the meaning of a phraseological unit, the connotative aspect of the phraseological unit, functional thematic clusters and subgroups of phraseological units.

© Харламова М.В., 2014.

Исследуя французскую молодёжную прессу последних лет, можно заметить, что на её страницах значительное место занимают фразеологические единицы (далее – ФЕ). Данное положение вещей представляется нам неслучайным, так как благодаря своей богатой коннотации, ФЕ делают речь более яркой и выразительной, придают ей экспрессивно-оценочную направленность.

Принято считать, что коннотативный компонент значения ФЕ включает в себя эмоциональную, экспрессивную, оценочную и стилистическую составляющие. Каждая из них может претерпевать качественные и количественные изменения в условиях актуализации конкретной ФЕ [1, с. 81; 6, с. 18]. Благодаря коннотативному компоненту значения ФЕ способны эмоционально воздействовать на реципиента, порождая у него определённое отношение к окружающей действительности. Необходимо отметить, что во ФЕ коннотативный компонент является обязательным, тогда как в лексических единицах он таковым не является [5, с. 152]. Подобное положение вещей объясняется назначением ФЕ в языке: помимо номинативной функции (обозначение лиц, предметов, процессов, качеств), ФЕ призваны, прежде всего, выполнять экспрессивную функцию (выражение отношения говорящего к предмету, эмоциональное воздействие на собеседника).

Вслед за А.Г. Назаряном, под фразеологической единицей мы понимаем «раздельнооформленную единицу языка, характеризующуюся полным или частичным семантическим преобразованием компонентов» [5, с. 42]. Раздельнооформленность фразеоло-

гизма противостоит цельнооформленности слова, т. е. ФЕ, в отличие от слова, состоит из нескольких отдельных слов-компонентов. Семантическое преобразование компонентов ФЕ означает, что её значение не вытекает из значений составляющих компонентов, т. е. план содержания ФЕ не соответствует её плану выражения. Г.Г. Соколова называет процесс формирования ФЕ **первичной транспозицией**, указывая на то, что основное отличие семантически преобразованной единицы от переменного сочетания проявляется в семантике, тогда как форма исходной единицы не отличается от формы производной [6, с. 10].

Фразеологию можно также с полным правом считать средоточием фоновых знаний. Так, В.Н. Телия указывает в своих работах по русской фразеологии на то, что «фразеологические единицы представляют собой наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, способные играть роль знаков «языка» культуры – иной знаковой системы, нежели естественный язык» [3, с. 6]. Действительно, ФЕ хранят в себе культурно значимую информацию и помогают исследователю изучать картину мира народа, его мировоззрение, национальный характер, традиции.

Таким образом, можно предположить, что ФЕ, представленные во французской молодёжной прессе, также способны отражать картину мира современных молодых французов. Фактический материал для данного исследования (ФЕ) был отобран из журналов *Phosphore*, *Etudiant*, *Science & Vie Junior*, *Planète Jeunes*, предназначенных для молодёжи от 15 до 25 лет и из журналов *Okapi*, *le Monde des ados*, *GEO*

ado, адресованных подросткам от 10 до 15 лет. В ходе исследования использовались методы сплошной выборки, дефиниционного анализа, контекстуального анализа, элементы метода классификации.

Собранные ФЕ были распределены на 6 функционально-тематических групп (ФТГ). При этом учитывались как языковое (виртуальное), так и актуальное значения каждого фразеологизма. В настоящей статье более подробно исследуется ФТГ «Эмоции и эмоциональные состояния человека», которая включает в себя 57 ФЕ и состоит из двух функционально-тематических подгрупп: 1) «эмоциональные состояния человека»; 2) «эмоции».

Таким образом, целью статьи является установить, какие эмоции и эмоциональные состояния современной французской молодёжи выражают ФЕ, представленные во французской молодёжной прессе.

Актуальность работы объясняется её антропоцентрической направленностью, а также необходимостью изучить особенности употребления и прагматическую нагрузку ФЕ в языке французских молодёжных СМИ. До настоящего времени не проводилось исследований функциональных параметров ФЕ на материале французской молодёжной прессы.

Как было отмечено ранее, в работе используются термины «функционально-тематическая группа» и «функционально-тематическая подгруппа». Термин «функционально-тематическая группа» понимается в данной работе как совокупность ФЕ, отобранных методом сплошной выборки из контекстов и объединённых общей темой, например, «эмоции».

Решающую роль в объединении ФЕ внутри одной ФТГ играет контекстуальное значение ФЕ. Крупные ФТГ ФЕ делятся, в свою очередь, на более мелкие образования – функционально-тематические подгруппы (ФТП). В работе мы не используем термин «фразео-семантическая группа» (ФСГ), так как данный термин чаще употребляется при полевом подходе к изучению ФЕ. К тому же, многие исследователи полагают, что в ФСГ фразеологизмы находятся между собой в отношениях синонимии [2, с. 30; 4, с. 54–63]. В ФТГ и ФТП фразеологизмы далеко не всегда выражают синонимичные понятия. Например, А.Г. Назарян в своей работе «Фразеология современного французского языка» приводит тематическую классификацию ФЕ. Так, в тематической группе «отрицательный результат чьего-либо действия» оказались ФЕ: *faire chou blanc* ‘потерпеть неудачу’, *perdre du terrain* ‘терять преимущество’ [5, с. 192]. Очевидно, что вышеупомянутые ФЕ не связаны между собой тесными синонимическими отношениями, объединяет их лишь общая тема. Важно также отметить, что А.Г. Назарян в данном случае не ставил задачу исследовать контекстуальное значение ФЕ: его тематическая классификация основана на анализе словарного значения ФЕ.

Рассматривая более подробно ФТГ «Эмоции и эмоциональные состояния человека», отметим, что данная ФТГ состоит из двух подгрупп: «эмоциональные состояния человека» и «эмоции». Подгруппа «эмоциональные состояния» объединяет в себе: 1) «психологический комфорт» и 2) «психологический дискомфорт». Подгруппа «эмоции» включает в себя:

1) «радость»; 2) «гнев»; 3) «беспокойство»; 4) «спокойствие»; 5) «растерянность».

Подраздел «Психологический комфорт» состоит из следующих ФЕ: *être comme un poisson dans l'eau* (1), *être dans son élément* (2), *être bien dans sa peau* (10), *se sentir à l'aise* (2), *être à l'aise dans ses baskets* (4). Цифры в скобках указывают на число употреблений данной ФЕ в контекстах. Рассмотрим несколько примеров:

– *Etre dans son élément* – ‘dans la situation, l'activité qui est la plus familière, coutumière’ [8, с. 851]. – Чувствовать себя в своей тарелке (чувствовать себя в своей среде);

– «*La chaleur suffocante chasse les filles en direction du Remix. L'air est plus respirable malgré les fumigènes sur le dancefloor. Nos lolitas sont dans leur élément. In-fatigables, elles trouveront le temps de faire une apparition au Perpetuum, au Charlie's Hat et au Fashion Crocodile Club*» (l'Étudiant, 2005, № 272, р. 46). В данном контексте ФЕ выражает положительное эмоциональное состояние девушек, пришедших на танцы и готовых танцевать всю ночь;

– *Etre bien dans sa peau* – ‘se sentir bien dans son corps, dans sa vie’ [7, с. 44]. – Чувствовать себя хорошо (чувствовать себя хорошо в своей коже);

– «*Maintenant, je peux montrer qui je suis vraiment, dans la joie et dans la tristesse, et tous mes amis m'ont acceptée ainsi, même si je suis moins fun et énergique qu'ils le croyaient. Cette expérience m'a rapprochée d'eux et je me sens beaucoup mieux dans ma peau*» (Phosphore, 2011, № 357, р. 15). ФЕ актуализирует положительное эмоциональное состояние девушки, которая решила быть самой собой и не играть роль, которая ей не

подходит. Благодаря этому девушка чувствует себя комфортнее с психологической точки зрения. В данном контексте употреблен вариант ФЕ: вместо глагола *être* здесь присутствует возвратный глагол *se sentir*, что не меняет смысл ФЕ. Также нужно отметить, что наречие *bien* употреблено в форме сравнительной степени *mieux*. Рассмотрим эту же ФЕ в другом контексте:

– *Vous devriez retrouver confiance en vous auprès d'amis hors du collège. Vous vous sentirez mieux dans votre peau et vous aurez plus d'humour. Du coup, les gens s'intéresseront à vous* (Окари, 2010, № 894, р. 42). В данном контексте автор высказывания – журналист, дающий советы неуверенным в себе школьникам. Чтобы вновь поверить в себя и почувствовать себя психологически комфортно, подросткам следует, по мнению журналиста, завести друзей вне школы.

Все вышеупомянутые ФЕ выражают в контекстах комфортное эмоциональное состояние людей, вызванное различными факторами.

«Эмоциональный дискомфорт» включает следующие ФЕ: *ne pas se sentir comme un poisson dans l'eau* (1), *être mal dans sa peau* (10), *être dans ses petits souliers* (1); ср.:

– *Etre comme un poisson dans l'eau* – ‘être à l'aise, dans son élément’ [8, с. 1995].

– Чувствовать себя непринуждённо, свободно (чувствовать себя как рыба в воде);

– *Je suis quelqu'un de très pudique, dit Audrey Tautou. Dans tous ces événements publics où il y a d'autres acteurs, d'autres réalisateurs, je ne me sens pas comme un poisson dans l'eau* (Phosphore, 2006, № 296, р. 33). Отрицательный оборот *ne pas* придаёт фразеологизму про-

тивоположное значение 'чувствовать себя неловко'. Молодая французская актриса Одри Тоту признаёт, что чувствует себя некомфортно на светских мероприятиях, которые она вынуждена посещать в силу своей профессии. Сема некомфортного эмоционального состояния усиливается здесь за счёт прилагательного *pudique* 'застенчивая';

– *Etre mal dans sa peau* – 'se sentir mal à l'aise' [8, с. 1879]. – Неловко чувствовать себя (чувствовать себя плохо в своей коже);

– *Je suis amoureuse de mon meilleur ami, mais je n'ose pas lui dire...Plein de filles lui tournent autour, mais comme il ne sait rien, il se laisse faire et semble les apprécier... Du coup, je me sens mal dans ma peau», raconte Nina, 13 ans* (Окари, 2009, № 872, р. 44). ФЕ актуализирует в данной ситуации эмоционально дискомфортное состояние героини, вызванное ревностью и досадой на своего друга.

В подгруппе «Эмоции» фразеологизмы выражают следующие эмоции: **радость** (*être sur son nuage* (2), *être aux anges* (1)), **гнев** (*péter un plomb* (9), *péter un câble* (1)), **беспокойство** (*se faire de la bile* (1), *se faire du mouton* (1), *prendre qch aux tripes* (1)), **спокойствие** (*ne pas se faire de mouton* (1), *ne pas se prendre la tête* (8)), **растерянность** (*perdre le nord* (2), *perdre la boule* (1)).

Приведём одну из ФЕ, выражающих **радость**, в контексте:

– *Etre sur son nuage* – 'être très satisfait et détaché des choses qui vous entourent, hors des réalités' [8, с. 1750]. – Витать в облаках (быть на своём облаке);

– *L'or olympique me rattrape chaque jour! On m'en parle sans arrêt, on me félicite, on me remercie, on me prend en photo... Ainsi, je reste sur mon nuage* (Окари,

2009, № 862, р. 18). Олимпийский чемпион находится в эйфории после своего триумфа, на душе у него радостно и светло. Сема радости усиливается за счёт дискурсивного окружения ФЕ: глаголов *rattraper qn*, *féliciter qn*, *remercier qn*; глагольного выражения *prendre qn en photo*, словосочетания *parler à qn de qch sans arrêt*. Отметим, что вместо глагола *être* 'быть' здесь использован глагол *rester* 'оставаться', подчёркивающий продолжительность состояния радости. Во фразеологии нередко можно увидеть образы облаков, неба для передачи состояния радости, счастья. Ср. рус. «быть на седьмом небе».

Рассмотрим одну из ФЕ, актуализирующую **гнев**:

– *Péter un plomb* – 'perdre son calme, exploser' [7, с. 46]. – Сорваться, взорваться (букв.: сломать электрический предохранитель);

– *Moi, je travaillais dans la sécurité. Je pétais les plombs et c'est arrivé, comme par hasard, un vrai coup de baguette magique... Depuis, j'ai retrouvé un travail, en intérim, je suis préparateur de commandes* (Phosphore, 2005, № 289, р. 19). ФЕ актуализирует нервное состояние молодого человека, его крайнюю раздражительность в период его работы в системе безопасности.

Подводя итог, можно сказать, что подраздел «Эмоциональный комфорт» представлен большим числом ФЕ (19 ФЕ), чем «Эмоциональный дискомфорт» (12 ФЕ). Интересно отметить, что в подразделе «Эмоциональный комфорт» большинство ФЕ (15 ФЕ) употреблено не от 1-го, а от 2-го и 3-го лица. В подобных контекстах журналисты либо сами подростки советуют читателям журнала, что нужно делать, чтобы чувствовать себя психологиче-

ски комфортно. В подразделе «Эмоциональный дискомфорт», напротив, число ФЕ, употреблённых от 1-го лица, перевешивает (8 ФЕ): в этом случае сами молодые читатели пишут в редакцию о своих проблемах. Исходя из представленного выше анализа ФЕ, логично предположить, что немало французских подростков находятся в негативном эмоциональном состоянии. Исследование подгруппы «Эмоции» показало, что ФЕ, актуализирующие гнев, представлены в большом количестве на страницах французской молодёжной прессы (10 ФЕ).

Таким образом, молодёжная пресса является для французских подростков своего рода «психологом», к которому они могут обратиться в проблемных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артёмов А.Ф. Английская фразеология: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2009. – 208 с.
2. Бердникова Т.А. О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом-соматизмом (на материале архангельских говоров) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – М.: Диалог – МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 28–35.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд., стер. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
4. Кириллова Н.Н. Сопоставительная фразеология романских языков. – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1986. – 82 с.
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
6. Соколова Г.Г. Курс фразеологии французского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2010. – 175 с.
7. Chollet I. Robert J.-M. Précis. Les expressions idiomatiques. Dictionnaire. – P.: Clé international, 2008. – 224 p.
8. Robert P. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P.: Dictionnaires Le Robert, 2006. – 2952 p.

РЕЦЕНЗИЯ

**на коллективную монографию:
Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Вековищева С.Н.
Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее.
– М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 168 с.**

Как показывает само заглавие рецензируемого труда, его авторы поставили перед собой задачу, с одной стороны, осветить те страницы прошлого лингвистической мысли, которые не получили достаточно полного отражения в существующей специальной литературе, а с другой – рассмотреть ряд проблем, актуальных для современного состояния науки о языке. При этом, наряду с собственно научными целями, книга призвана также помочь будущим специалистам (прежде всего, студентам и аспирантам) в их профессиональной подготовке. С этой точки зрения, на наш взгляд, содержание данной коллективной монографии, несомненно, может быть признано весьма актуальным и заслуживающим одобрения.

Вместе с тем, что вполне естественно, работа не претендует на полный и всесторонний анализ всех вопросов, входящих в программы курсов, читаемых бакалаврам и магистрам, специализирующимся в данной области, и не подменяет существующих учебников и учебных пособий, в которых даётся их систематическое изложение. Однако

нельзя не отметить, что содержащиеся в книге материалы характеризуются несомненной внутренней цельностью и композиционной стройностью.

Переходя непосредственно к анализу включённых в коллективную монографию очерков, отметим, что, при всей широте их тематики, целесообразно выделить в них несколько основных направлений. Прежде всего, это собственно исторический аспект, куда входят разделы, в которых речь идёт о таких корифеях нашей науки, как У. Джонс, Ф. Шлегель, немецкие младограмматики Ф.Ф. Фортунатов, Ф. де Соссюр, Н.С. Трубецкой... Здесь, в первую очередь, необходимо указать, что деятельность первых двух названных учёных известна большинству отечественных лингвистов (тем более – начинающих) лишь в самых общих чертах. Действительно, если относительно У. Джонса констатируется, что он вошёл в историю нашей науки одной-единственной фразой о родственных связях санскрита с другими языками, впоследствии названными индоевропейскими, то деятельности Ф. Шлегеля на данном поприще боль-

шинство историков языкознания в лучшем случае посвящают пару строк, причём далеко не всегда объективных. Мы считаем большой заслугой авторов настоящей работы восполнение этого пробела, а также аргументированную критику попыток принизить их вклад в развитие нашей науки, как это свойственно некоторым нашим современникам, опирающимся на сомнительные «разоблачения».

По отношению к другим учёным, которым посвящены соответствующие разделы рецензируемой монографии, на первый взгляд, ситуация представляется принципиально иной: о них писали достаточно много, в том числе и в нашей стране. Однако, как убедительно показывают авторы, во многих случаях оставалась в тени присущая исторической судьбе выдвигающихся ими идей противоречивость, а нередко и парадоксальность. Особо хотелось бы отметить в этой связи два очерка о Ф. де Соссюре, которые, думается, могут заинтересовать не только профессиональных лингвистов, но и начинающих, молодых исследователей.

Вторая группа очерков, о которой хотелось бы упомянуть, связана, с одной стороны, с компаративистской проблематикой (распад праязыка, причины языковых изменений и т. д.), а с другой – имеет и отчётливо выраженный лингвокультурный аспект. Такой подход представляется нам вполне оправданным, как исходя из присущего современной науке о языке антропоцентрического принципа, так и потому, что он позволяет, наряду с рассмотрением собственно теоретического аспекта исследуемых вопросов, увязать их с теми языковыми процессами и тенденциями, которые происходят

в последние десятилетия. Тем самым, можно говорить о присущей указанным разделам практической ценности.

Пожалуй, в ещё большей степени обозначенный момент характеризует цикл, посвящённый социолингвистической тематике. В центре внимания авторов находятся такие острые и дискуссионные проблемы, как вопрос о выборе той или иной системы письма и различного рода проекты реформы русского правописания, споры о которых периодически происходят не только (и даже, может быть, не столько) среди профессиональных лингвистов, но и самой широкой общественности. Причём можно заметить, что по своему «накалу» они, вероятно, не уступают самым злободневным вопросам общественно-политической жизни страны. Не обходят вниманием создатели рецензируемой работы и весьма неоднозначный вопрос о глобальном языке и судьбе других национальных языков в эпоху глобализации (в первую очередь, поскольку речь идёт о научных публикациях). Полагаем, что некоторые соображения и выводы, содержащиеся в книге, будут полезны при разработке основ языковой политики в Российской Федерации.

Разумеется, как и всякое серьёзное исследование, созданная авторским коллективом монография содержит и некоторые спорные аспекты. В частности, на наш взгляд, между очерками, посвящёнными предшественникам компаративистики, с одной стороны, и парадоксам младограмматической концепции языка – с другой, наличествует некоторый хронологический разрыв, что, учитывая педагогическую составляющую работы, представляется не вполне оправданным. Несколько из-

лишне полемичными представляются нам и отдельные пассажи в заключении. Указанные моменты, однако, не меняют того бесспорного факта, что предлагаемая монография представляет собой заметное явление в литературе, посвящённой истории и совре-

менному состоянию науки о языке, и заслуживает внимания всех, интересующихся проблемами лингвистики.

*Зав. кафедрой переводоведения и
когнитивной лингвистики ИЛиМК МГОУ,
доктор филол. наук, проф. И.Г. Жирова*

НАШИ АВТОРЫ

Воложанина Юлия Владимировна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова; e-mail: sweetbox@bk.ru

Гаврилова Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Всероссийской академии внешней торговли (г. Москва); e-mail: March1378@yandex.ru

Ганина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, учитель английского языка Средней общеобразовательной школы № 2 (г. Балашиха Московской области); e-mail: Helga_erovich@mail.ru

Гнатюк Ольга Александровна – соискатель кафедры теории языка и англистики, ассистент кафедры иностранных языков Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета; e-mail: ooly@mail.ru

Ерошин Антон Павлович – аспирант кафедры теории языка и англистики, ассистент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: eroshin-anton@mail.ru

Жирова Ирина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: Zhirova557@yandex.ru

Колесников Алексей Александрович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: macwheel@yandex.ru

Лозовая Наталья Григорьевна – аспирант отдела научной терминологии Института украинского языка Национальной академии наук Украины (г. Киев); e-mail: white_angel@tim.ua

Меркурьева Наталья Юрьевна – старший преподаватель кафедры романно-германских языков Столичного института иностранных языков (г. Москва); e-mail: Nataliya1@rambler.ru

Музыченко Елена Яковлевна – аспирант, старший преподаватель кафедры немецкого языка Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан); e-mail: muzychienko83@mail.ru

Осипова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: assya@yandex.ru

Ражева Елизавета Сергеевна – ассистент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета; e-mail: razheva.elizaveta@rambler.ru

Скатова Дина Дмитриевна – аспирант кафедры романской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: dina.skatova@gmail.com

Цзюй Хайна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета; e-mail: moskva20090923@mail.ru

Харламова Мария Владимировна – соискатель, преподаватель кафедры французского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; e-mail: mar-kharlamova@yandex.ru

Чернышова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный железнодорожник; e-mail: chernyshovalor@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

2014. № 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.В. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 350 экз. Уч.-изд. л. 8, усл. п.л. 7,5.

Подписано в печать 16.06.2014. Заказ № 73.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а